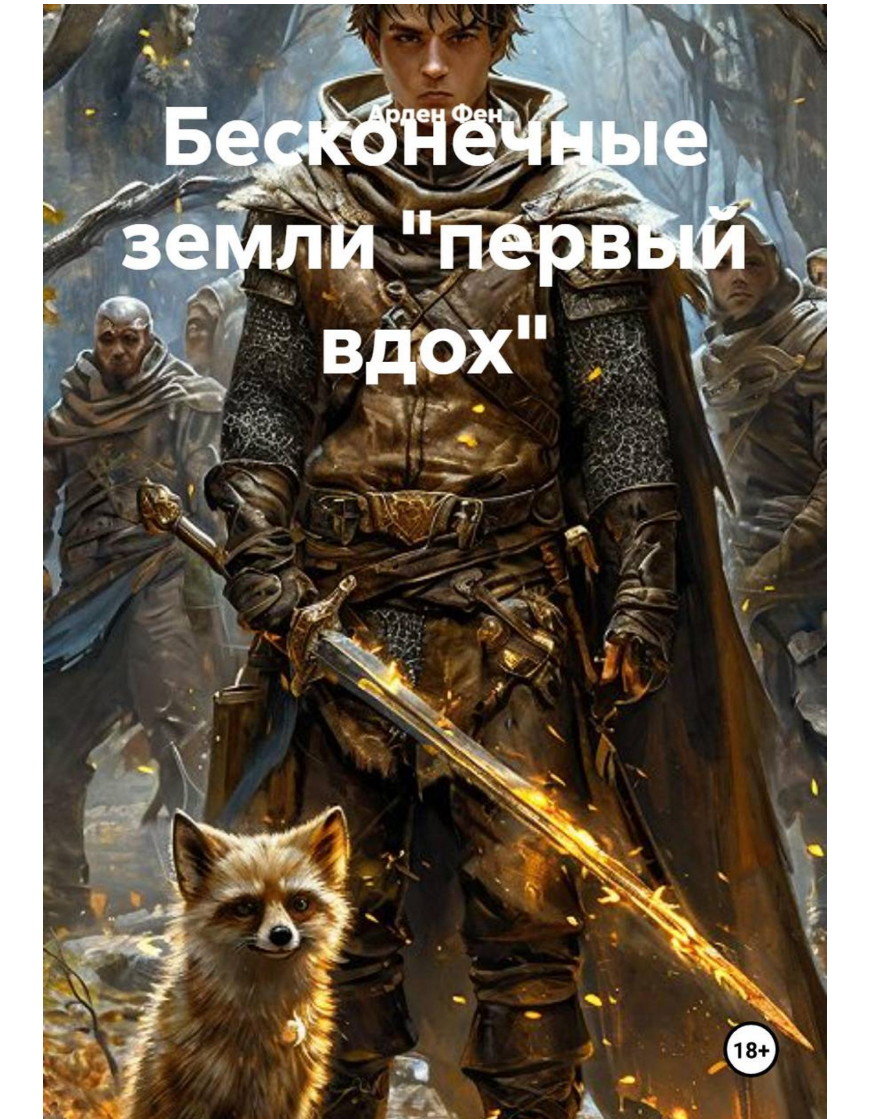


The book cover features a central illustration of a young man in ornate, dark brown leather armor with intricate metal details. He holds a long, glowing sword diagonally across his body. In the lower-left foreground, a small, fluffy raccoon-like creature with brown and white fur looks towards the viewer. The background shows other characters in similar attire, slightly out of focus, in a misty, forest-like setting with falling golden leaves. The title is written in large, bold, white Cyrillic letters, and the author's name is in smaller white letters above it. A circular '18+' age rating is in the bottom right corner.

Арден Фен

Бесконечные земли "первый вдох"

18+

Арден Фен

Бесконечные земли

"первый вдох"

<https://litres.ru/74316403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Алексея, сборщика с завода, виртуальный мир — способ не сойти с ума. Там нет конвейера, есть лес и небо.

Он заходит под ником Корд — рапира, щит, Свет. План: заработать, выжить. Но Перелесье встречает налогами и бандитами.

На плечо запрыгивает зверёк с ушами и искрами из носа. Мусорный питомец, низшей редкости. Все скажут — бесполезный.

Но Ушастик находит траву, которой здесь не должно быть. Чихает — и скверна исчезает. Делает вещи, которые программам не положены.

Корд не знает: он случайно создал зачаток разума. Программу, которая начала думать.

Вместе с Ушастиком, инженером Огневиком и целительницей Анникой он пройдёт путь от новичка до лидера. Сквозь засады, болота и собственные ошибки. Умрёт — но воскреснет.

А в каменной башне его уже заметили. Питомец слишком умный. Это может стоить Корду всего.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	65
Глава 6	76
Глава 7	89
Глава 8	101
Глава 9	116
Глава 10	129
Глава 11	142
Глава 12	155
Глава 13	175
Глава 14	188
Глава 15	203
Глава 16	216

Арден Фен

Бесконечные земли

"первый вдох"

Глава 1

ГЛАВА 1. «ПЕРВЫЙ ВЗДОХ» (*Часть первая*)

Цех встречал его каждый день, как старая, неизлечимая болезнь. Запах окалины и машинного масла висел в воздухе плотным, осязаемым туманом, въедался в кожу, в волосы, в лёгкие, и казалось, его не вытравить мылом, не смыть до конца, не выветрить за долгие часы сна. Конвейер гудел ровно, монотонно, с тупым упорством живого существа, — где-то в глубине этого звука чудилось тяжелое, хриплое дыхание спящего зверя. Лязг металла, шипение пневматических захватов, редкие, срывающиеся в хрипоту окрики бригадира — всё сливалось в один серый, однообразный гул, заполнявший голову с утра, с первой минуты смены, и не отпускавший до самого вечера.

Пальцы Алексея двигались сами по себе. Быстрее мысли, точнее любого приказа. Пластиковый корпус, четыре отверстия под крепёж, два контакта. Берёшь, придерживаешь большим пальцем, фиксируешь в тисках, проверяешь натя-

жение, протягиваешь дальше по конвейеру. Снова. Снова. И снова. Навык, выработанный до автоматизма, до тупого, безотказного рефлекса. За два года на конвейере руки научились жить отдельно от головы. Они работали, пока мысли блуждали где-то далеко, в другом, лучшем мире, а глаза слипались от усталости, и спину ломило тупой, привычной, почти родной болью.

Он смотрел сквозь пластиковую деталь, сквозь мутный, серый полимер, в одну точку на стене напротив. Там висели старые, ржавые часы с отбитым стеклом. Стрелки ползли по циферблату невыносимо медленно, словно их тянули через вязкое машинное масло. Он считал секунды. Каждую, оставшуюся до конца смены. Сегодня был не просто день. Сегодня был особенный день.

— Эй, Одинцов! — хриплый, прокуренный голос бригадира, как скрежет ржавого металла, вырвал его из полудрёмы. — Заснул на ходу? Конвейер не ждёт!

— Работаю, — ответил Алексей, но собственный голос прозвучал глухо, будто из-под толстого слоя воды. Он не слушал бригадира. Просто кивал, продолжая переставлять детали, но в каждом его движении теперь появилась едва заметная, лихорадочная быстрота. Смена заканчивалась. Через полчаса он будет свободен. Через полчаса — капсула примет его.

Он вылетел из проходной, почти не чувствуя веса собственного тела. В руках он сжимал сложенную в несколько

раз глянцевою брошюру. Бумага была гладкой, прохладной на ощупь, и казалась чем-то чуждым, неправильным в этом мире серого пластика, ржавого железа и вечного запаха масла. «ЭрлградСтарс» — было написано крупными, сияющими буквами на обложке, и от этих букв исходил холодный, уверенный свет. Название компании-монополиста, которая однажды решила, что у серых стен есть выход. Компании, подарившей ему надежду.

Город за воротами завода встречал его серостью. Бетонные коробки жилых кварталов громоздились друг на друга, закрывая небо. Редкие, хилые деревья вдоль тротуаров стояли в узких бетонных горшках, и их листва была покрыта слоем угольной пыли. Ветер нёс запах выхлопных газов, разогретого асфальта, горелой проводки. Люди шли мимо, не поднимая глаз, торопясь в свои бетонные норы, и их лица были такими же серыми, как стены вокруг.

Офис компании «ЭрлградСтарс» в городе выглядел как белый, стерильный куб, нелепо встроенный в грязную стену жилого квартала. Широкие стеклянные двери распахивались беззвучно, впуская в мир яркого, режущего глаза света. Мягкий, ворсистый ковролин под ногами глушил шаги. Кондиционер гудел ровно, монотонно, и этот звук казался почти таким же давящим, как заводской гул. Даже здесь, в этом чистом, ухоженном пространстве, чувствовалась та же серая, унылая атмосфера, только прикрытая тонким слоем блестящей краски и пластика.

За длинной, зеркальной стойкой сидела девушка. Её лицо было безразличным, а голос — ровным, механическим, лишённым интонаций. Она раскладывала перед Алексеем на глянцевой столешнице яркие картинки с изображением капсул — от простых, похожих на железные гробы, до вычурных, напоминающих большие, блестящие коконы.

— Самая доступная модель в линейке, «Стандарт», — говорила она, тыкая тонким, ухоженным пальцем в одну из картинок. — Обеспечивает полное погружение. Время нахождения в игре не ограничено, но питательные смеси и витаминные картриджи необходимо менять вручную, прерывая сеанс. Запаса одного полного картриджа хватает на двое суток.

Алексей слушал вполуха, рассматривая металлический цилиндр на картинке. Он был похож на те корпуса, которые он собирал на заводе, — только гладкий, отполированный до блеска, почти зеркальный. Стеклоанная крышка, мягкие, гелевые контуры внутри.

Девушка перебирала картинки дальше, её голос лился безостановочно:

— Премиум-модели, например «Архитектор-3», оснащены собственным локальным ИИ-помощником. Увеличенные картриджи позволяют не прерывать сеанс до пяти суток. Также они открывают доступ к нечеловеческим расам. Гуманоидные виды, разумеется.

Он перебил её, не дослушав:

— Мне нужна «Стандарт».

Она подняла на него равнодушные глаза. Мгновение помедлила.

— Хорошо. Оплата наличными или перевод с карты?

— Переводом, — сказал он. А потом, помедлив, добавил.

— И я хотел бы понять...

Голос его запнулся, он подбирал слова.

— Почему об игре нет никакой информации? Гайды, видео, карты. Всё какое-то пустое. Как будто... как будто её нет.

В глазах девушки мелькнула тень понимания или, возможно, усталости. Она отвела взгляд.

— Такова политика компании, Алексей. Все пользовательские материалы, покидающие игровое пространство, проходят строгую модерацию. Любая информация, не прошедшая модерацию, удаляется из общего доступа.

— Почему?

— Это правила, — отрезала она. — Мы не обсуждаем их.

Он хотел спросить ещё, но она уже протягивала ему чек и пластиковую карточку с идентификационным номером. За спиной, в приёмной, ровно гудел кондиционер, и этот гул был таким же чужим, как весь этот стерильный офис.

Он стоял у открытой двери своей комнаты, глядя, как двое молчаливых мужчин в синих, безликих комбинезонах втаскивают металлический цилиндр в грузовой лифт. Они не проронили ни слова, пока вставляли аппарат в приготовленную нишу в стене, пока подключали провода, проверяли

контакты, калибровали систему. Когда они ушли, хлопнула дверь лифта, и гулкий звук прокатился по бетонной шахте, стихая где-то внизу.

Восемь квадратных метров бетона, единственное окно, выходящее в тёмную шахту лифтовой клетки, вечно воющий вентилятор — так выглядела его комната. Металлический цилиндр занял почти половину свободного пространства, встав в углу, как холодный, безмолвный пришелец из другого, чистого мира.

Алексей долго стоял перед ним. Провёл рукой по гладкой, прохладной поверхности. Металл был ровным, без единой царапины. Пахло новым пластиком, озоном и едва уловимым запахом медицинского спирта.

Он сел на край узкой, продавленной кровати. Глянцевый лист брошюры лежал рядом на тумбочке. «ЭрлградСтарс» — сияли буквы в тусклом свете единственной лампочки под потолком. Свет был жёлтым, болезненным, почти не разгоняющим темноту.

Он вспомнил офис. Вспомнил холодный, безразличный голос сотрудницы. «Такова политика компании... любая информация удаляется». От этого веяло чем-то неправильным, нечестным. Но сейчас это было неважно. Сейчас имела значение только эта штука, стоящая в углу его комнаты.

Он открыл инструкцию — тонкую, на четырёх страницах. На первой было напечатано: «Капсула «Стандарт» обеспечивает полное погружение в среду «Бескрайние земли». Для

начала сеанса необходимо занять положение лёжа внутри. Система автоматически подключится к вашему нейроинтерфейсу. Перед началом сеанса убедитесь, что картридж с питательным раствором установлен и заполнен». И дальше — схема.

Картридж уже был вставлен. Он проверил его. Полный. Двое суток — шепнула инструкция. Потом он должен будет выйти, чтобы заменить его. Выйти из этого мира, чтобы снова вернуться в серый бетон. Но это будет потом. Потом.

Он зажёг чайник. Согрел воду. Пил её долго, глядя на блестящий бок цилиндра. В голове было пусто, а под ложечкой засосало от неясной, глухой тревоги. Он не знал, что ждёт его внутри. Никто не знал. Компания хранила молчание. Игроки не возвращались, чтобы рассказывать. Нет, они возвращались — просто молчали. Или их заставляли молчать. Но сейчас это не имело значения.

Он встал. Коснулся боковой панели. Она отозвалась тихим, мелодичным сигналом, и стеклянная крышка бесшумно приподнялась, открывая мягкое, гелевое нутро. Внутри пахло чем-то сладковатым, стерильным. Он разделся. Голый, дрожащий от холода и волнения, перешагнул через край и лёг на гелевую подушку.

Она приняла его тело мягко, прохладно, обтекая контуры, и это ощущение было странным, чужим, почти пугающим. Кожа холодела, волосы намокли от геля. Где-то в районе шеи защелкнулся мягкий, резиновый фиксатор. В вену на локте-

вом сгибе вошла тонкая, почти невесомая игла. Питательный раствор потеплел, разливаясь по руке приятным, чужим теплом. Крышка опустилась, и мир снаружи исчез, сменившись тёмным, мягким полумраком. Гул вентилятора стих, кондиционер замолк. Наступила идеальная, абсолютная тишина.

И в этой тишине, в этой тёмной, закрытой капсуле, раздался синтезированный, нейтральный голос. Он был лишён интонаций, но от него веяло прохладой и обещанием.

— Добро пожаловать в «Бескрайние земли». Введите ваш игровой идентификатор.

Алексей закрыл глаза.

— Корд, — выдохнул он.

И это слово прозвучало как клятва, данная самому себе.

— Проверка биометрии... подтверждена. Выполняется вход.

Сознание провалилось. На мгновение — пустота. Без цвета, без звука, без веса. Абсолютный ноль. А потом — удар.

Удар был подобен тому, что случается, когда ныряешь в ледяную воду с высокого обрыва — тело сжимается, легкие перехватывает, мир разлетается на осколки, чтобы собраться заново. Корд вдохнул. Воздух ворвался в легкие — влажный, прохладный, пахнувший мокрой корой, прелыми листьями и свежей землей. В нём не было ни капли машинного масла.

Он стоял посреди леса. Ноги утопали в мягком, пружинистом мху. Голова кружилась от непривычной чистоты возду-

ха, от внезапной, оглушительной тишины, нарушаемой лишь шелестом листвы и далеким, переливчатым пением птиц. Закрыв глаза. Каждый новый вздох вымывал из груди серую тяжесть, оставшуюся там, в бетонном цеху, в тесной комнатухе, в стерильной капсуле. Здесь не было ни гула конвейера, ни запаха масла, ни хриплого голоса бригадира. Только ветер. Только листва. Только бесконечное, чистое, синее небо над головой.

Он открыл глаза. Вокруг стояли дубы — старые, могучие, с толстой, морщинистой корой, покрытой серебристым, бархатистым мхом. Солнце, пробиваясь сквозь густые кроны, золотило листву, и весь мир купался в мягком, рассеянном свете. Где-то высоко в ветвях перекликались птицы — одна заводила длинную, переливчатую трель, другая отзывалась коротким, звонким посвистом. Где-то вдалеке звенел ручей — звук чистый, хрустальный, прозрачный. В сухой траве под ногами шуршал невидимый зверек, и от этого звука кожа на загривке стянулась, будто от мороза.

Перед глазами всплыла полупрозрачная, мерцающая панель. Буквы на ней были теплого, золотистого цвета, мягко пульсировали в такт дыханию.

Добро пожаловать в «Бескрайние земли».

Локация: Перелесье.

Инициализация билда...

Корд моргнул. Панель сменилась, стала более детальной. Перед ним возникли три мерцающих силуэта — три класса, три пути.

Доступные классы:

1. Фехтовальщик Света — высокая ловкость, средняя защита, магия Света.

2. Лучник — скрытность, дальний бой.

3. Воин — тяжелая броня, высокий урон.

Он не думал. Не размышлял. Рука сама, по внутреннему, почти инстинктивному наитию, потянулась к первому варианту, коснулась воздушной, сияющей иконки. И в тот же миг в ладонях появился холодный, осязаемый вес. Рапира — тонкая, гибкая, с изящной, почти невесомой гардой, украшенной тонкой вязью. Щит — маленький, круглый, с бронзовым ободом, прохладный и гладкий на ощупь, чуть шершавый от времени. Пальцы сжали рифленую рукоять. Кожа ощущала каждую мельчайшую царапину на дереве, каждую неровность, каждый скол. Дерево нагревалось от тепла ладони, бронза обода холодила запястье.

Начальные навыки:

Искра Света — ослепляющая вспышка (длительность 2 сек).

Удар рапирой — колющий выпад.

Парирование — базовый блок.

Корд шагнул вперед. Трава под босыми ногами мягко пружинила, была упругой и прохладной, влажной от росы. Наклонился, провел ладонью по листьям папоротника — они были шершавыми, с легким, едва уловимым запахом зелени. Ветер шевелил волосы, щекотал кожу на висках, нёс запах дикого меда от растущих неподалеку лип. Улыбнулся. Первый раз за сегодняшний день. За эту неделю. За эти долгие, серые месяцы. По-настоящему. Не для бригадира, не для галочки в табеле. Просто так. Потому что не улыбаться было невозможно.

— Я здесь, — сказал он вслух.

Голос прозвучал в тишине леса звонко и чисто, без эха, как будто лес принял его, впустил в себя.

Впереди, за густым кустом папоротника, хрустнула ветка. Звук резкий, сухой, не похожий на случайное движение ветра.

Корд замер. Улыбка сползла с лица. Рука сама нашла рукоять рапиры и сжалась — пальцы ощутили привычный холод металла. Глаза скользнули по теням, мелькнувшим между стволами, по шевелящимся листьям орешника. Птицы замолкли разом, словно по команде. Тишина стала плотной, осязаемой — уши заложило, как перед грозой. Только ве-

тер шумел в кронах — и где-то справа, за густым орешником, слышалось тяжелое, хриплое дыхание. Низкое, грудное, с влажным присвистом.

Он шагнул вперед. Ступал бесшумно, почти невесомо на мягкую, влажную лесную подстилку, стараясь не задеть сухую ветку. Рукоять рапиры нагрелась в ладони, стала живой, пульсирующей.

В десяти шагах, за кустом, стоял кабан. Коренастый, приземистый, с черной, щетинистой шерстью, стоящей дыбом на загривке, и двумя короткими, желтоватыми бивнями. Он яростно рыл копытом землю, фыркал, хрипло сопел, не замечая человека. Бока тяжело вздымались. Над головой кабана всплыла полупрозрачная, зеленая панель:

Лесной кабан. Уровень 1.

Опасность: низкая.

Корд медленно выдохнул. Воздух из легких вышел ровно, бесшумно. Перевел вес тела на переднюю ногу, чуть согнул колени. Рапира легла в руку идеально, как будто он держал ее всю жизнь.

— Ну, давай, — одними губами прошептал он.

Кабан вздрогнул. Вздернул голову. Черные, маслянистые глаза вспыхнули злобой. Щетина на загривке встала дыбом окончательно. Из горла вырвался хриплый, басовитый рык — низкий, от которого земля под ногами, казалось, задрожала. И зверь бросился вперед, низко опустив голову, выста-

вив бивни, как два кинжала.

Удар. Толчок. Плечо взорвалось болью. Устоял. Кабан проскочил мимо. Разворот. Снова бросок. Бивни у ног. Отпрыгнул. Воздух свистнул над коленями. Вспышка. Свет ударил. Зверь замер.

Шаг. Вонзил. Хруст. Влажный, хрустящий — как нож, разрезающий плотное яблоко. Кабан дернулся, попытался развернуться, сбить тяжелой тушей. Второй удар — в шею, пониже затылка. Тяжелое тело рухнуло на землю. Дернулось несколько раз. Затихло. Из раны потекла теплая, темная кровь, смешиваясь с утренней росой на траве.

Корд стоял над тушей. Дышал тяжело, прерывисто. Грудная клетка гудела, как пустой барабан. Пульс стучал в висках. Руки дрожали мелкой, нервной дрожью. Перевел дыхание. Вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

Убит Лесной кабан.

+5 опыта.

Добыча: шкура, мясо, бивень.

Он опустился на ближайший валун, поросший бархатистым мхом, положил клинок на колени. Запах крови — теплый, резкий, металлический — смешивался с запахом мокрой коры и дикого меда. Птицы запели снова. Где-то снова зазвенел ручей. Ветер гнал по небу облака, и их огромные тени бежали по зеленой траве, как живые существа.

Корд закрыл глаза. Прислушался к себе. Гул в груди стихал. Дыхание становилось глубже, ровнее. Под ногами пружинила земля. В лёгких — воздух без примеси масла. Он сидел и дышал. И больше ничего не было нужно.

— Можно остаться здесь навсегда, — тихо сказал он ветру.

Посидел еще немного. Потом поднялся — легко, без привычной утренней ломоты в спине. Вскинул рапиру на плечо, подобрав добычу — туша кабана исчезла в инвентаре с тихим, почти неслышным щелчком. Зашагал на восток. Туда, где, как подсказывал интерфейс, находилась ближайшая крепость.

Крепость открылась ему запахами. Резкий, пряный — копченой рыбы. Аромат жареного мяса на углях. Сушеные травы. Свежий хлеб. Звуками — гортанные, зазывные крики торговцев, звон оружия, цоканье копыт по старому булыжнику, ржание лошадей, гомон толпы. Каменные стены были старыми, темными от времени, покрытыми бурыми пятнами мха и лишайника, но высокими и внушительными. У главных ворот висел выцветший флаг с гербом — дубом и извилистой рекой. Флаг медленно колыхался на ветру, как будто дышал.

Корд двинулся по главной улице, вглядываясь в лица прохожих, в их одежды, в оружие. Мимо пробежали игроки — кто-то в легких кожаных доспехах, прошитых медными заклепками, кто-то в тяжелой железной броне, кто-то в длин-

ных, шелестящих мантиях, расшитых серебряными нитями. Жизнь здесь кипела, бурлила, и каждый звук казался слаще заводского гула, каждая краска — ярче серых бетонных стен.

У рыночной площади он остановился. На доске объявлений висели мятые бумаги, клочки пергамента, обрывки с заданиями, исписанные неровным почерком. И в самом низу, жирной, наклеенной поверх остальных, красовалась надпись. Буквы крупные, черные, почти агрессивные:

«Серые Волки» — защита перевала.

Налог на добычу — 30%.

Корд прочитал раз, потом другой. Пальцы сами сжали рукоять рапиры. Тридцать процентов. С каждой убитой твари, с каждой добытой шкуры. Треть всего, что он заработает, кто-то заберет просто так.

— Грабёж... — пробормотал он.

Рядом, за лотком с какими-то кореньями, кто-то хмыкнул. Корд обернулся. Торговец — старый, с морщинистым, как печеное яблоко, лицом, с грязными, в ссадинах руками — смотрел на него с усмешкой.

— Новичок, отрок? — спросил он. Голос скрипучий, как несмазанная дверь. — Привыкай, парень. Здесь все платят. «Серые Волки» — они тут хозяева. Или плати, или убирайся в дикие земли. Там налога нет. Только там и жизнь короткая.

— Почто никто не борется с ними? — спросил Корд. Торговец усмехнулся, покачал головой.

— Борются, дак, — сказал он, сплевывая под ноги. — Пока в землю не уйдут. А «Серые Волки» сильны. Их много. И они умеют бить. Так что плати, парень. Или уходи.

Корд промолчал. Разжал пальцы. Отвернулся от доски и пошел в боковой проулок, мимо старых, почти развалившихся стен, туда, где за последними воротами шумел, звал к себе лес.

За воротами был парк. Старый, разросшийся, запущенный, с мраморными колоннами, увитыми диким, сочным плющом. Здесь почти никого не было. Только ветер шуршал в листьях старых лип, и далеко-далеко, за кронами деревьев, виднелись синие, туманные горы — высокие, с острыми, скалистыми вершинами, уходящими в облака.

Корд сел на низкую, нагретую солнцем каменную стену. Снял щит, положил рядом на теплый камень, воткнул рапиру в мягкую землю. Закрыв глаза. Солнце грело лицо, щипало закрытые веки, рисовало за ними оранжевые круги. Где-то в кустах звонко и беспечно пела птица. Пахло сухой травой и нагретой землей.

— Здесь я и буду жить, — тихо сказал он. — Не в том бетонном аду. Здесь. В этом лесу.

Долго сидел, слушая лес. Чувствовал, как уходит из него напряжение последних месяцев, как тает в груди серый ком, как исчезает привычная, тупая боль в спине. Время здесь текло иначе. Не по часам, которые тикали в его комнатушке. А по теням, медленно ползущим по траве, по движению об-

лаков, по смене света.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая лес в золотисто-багряные, пылающие цвета, Корд поднялся, закинул щит за спину, поправил рапиру на поясе. Постоял, глядя на уходящее солнце. Вдохнул полной грудью.

— Начну с малого, — сказал он. — А там — посмотрим.

Он уходил в лес. Старый, темный, живой лес, где птицы перекликались на все голоса перед ночью, где ветер пах травами и медом, где не было ни конвейера, ни бригадира, ни грабительских налогов. Где он мог быть собой. Тень от крепости осталась далеко позади, и парк скрылся за деревьями. Впереди были горы и небо, и долгая, полная неизвестности дорога, которую он выбрал сам.

Солнце садилось за горизонт. Первые звезды зажигались на темнеющем небе. Он вошел в лесную чащу. Под ногами мягко пружинила влажная, пахнущая грибами земля. Впереди было приключение. Впереди была жизнь.

Глава 2

ГЛАВА 2. «ПЕРВЫЙ СВЕТ»

Лес встретил его тишиной. Солнце уже клонилось к закату, и тени между стволами удлиннились, потеряли резкость, расплылись серыми, влажными пятнами. Воздух потяжелел, запах мокрой коры и прелой листвы стал гуще, резче, острее — он заполнял легкие, оседал на языке терпкой горечью.

Корд шёл по едва заметной тропе, сжимая в левой руке щит. Шкура кабана висела на плече — тяжелая, еще влажная, пахнувшая кровью и щетиной. Мясо лежало в сумке, бивень — в кармане куртки. Неплохой улов для первого дня. Пять опыта не впечатляли, но он и не ждал чуда. На заводе тоже не с первого дня получалось, руки привыкали медленно, сбивали пальцы в кровь, прежде чем научились делать деталь ровно.

Он попытался прокрутить в голове свой бой. Вспомнил, как вонзил рапиру в бок кабана — удар вышел кривым, скольльзящим, острое чиркнуло по ребрам, не пробив шкуру насквозь. Пришлось бить второй раз, снова, снова, пока не нашел уязвимое место между ребер. Руки дрожали, движения были неуклюжими, неотточенными. Он чувствовал это — каждую лишнюю секунду, каждое лишнее движение, которые стоили бы ему жизни, будь кабан чуть сильнее. Пальцы до сих пор помнили, как рапира скользнула по жесткой

щетине, не найдя опоры.

Лес дышал вокруг — ровно, спокойно, как будто наблюдал за ним. Птицы почти умолкли, но где-то далеко, за рекой, слышался стрекот кузнечиков — сухой, монотонный, как звук старого механизма. Он остановился на пригорке, окинул взглядом лесную чашу. Вокруг — только дубы и орешник, густой подлесок, папоротник, достигающий пояса. Тихо. Слишком тихо.

Корд взгляделся в сгущающиеся тени, пытаясь разглядеть хоть какое-то движение. Ничего. Ветки не шевелились. Трава не колыхалась. Только ветер, едва заметный, почти неощутимый, трогал его волосы. Он уже собрался идти дальше, как вдруг звук — не вой, не рык. Легкое, почти неслышное шуршание в папоротнике слева, в пяти шагах.

Корд замер. Пальцы сами сжали рукоять рапиры, большой палец лег на гарду. Он медленно повернул голову, стараясь не делать резких движений.

Из кустов показалась морда. Маленькая, круглая, с огромными золотистыми глазами, в которых отражался последний свет уходящего дня. Зверёк размером с кошку, с пушистой серой шерстью, которая искрилась в сумерках, и длинным хвостом, нервно дергавшимся, как пружина. Уши — огромные, треугольные, с кисточками на концах — стояли торчком, и каждое движение головы сопровождалось их мелким подрагиванием, будто зверёк прислушивался к чему-то, недоступному человеку. Мордочка была смешной — чуть

вздёрнутый нос, темные пятна вокруг глаз, будто кто-то аккуратно обвел их углём.

Зверёк принялся к воздуху, чихнул, и из ноздрей вырвались две крошечные искорки — золотые, переливчатые, мерцающие в сумерках, как светлячки. Они повисли в воздухе на мгновение, тихо потрескивая, и погасли, оставив после себя едва уловимый запах озона. Корд замер.

— Ты... кто? — спросил он шёпотом.

Зверёк моргнул. Медленно, как сова, опуская и поднимая веки с ленивым достоинством. Потом сел на задние лапы, сложил передние на груди и склонил голову набок, глядя на Корда с таким выражением, будто спрашивал: «Ну а ты кто? И зачем ты здесь, в моем лесу?»

Корд ослабил хватку на рапире. Странное чувство — он не боялся. Что-то в этом зверьке было... домашним. Тёплым. Как кот, который иногда заходил в цех погреться у старой печки, сворачиваясь клубком на ржавом листе железа.

— Ты — игрок? — спросил он, понимая, что звучит глупо. Зверёк покачал головой — нет. Раз, другой, четко, почти насмешливо.

— Монстр? — Корд сжал рапиру крепче.

Зверёк фыркнул и отвернулся с таким видом, будто его смертельно обидели. Корд чуть не рассмеялся.

— Ладно-ладно, не монстр. А кто?

Зверёк вдруг подошёл ближе — бесшумно, мягко ступая по влажной траве, не оставляя следов. Остановился в двух

шагах от Корда, принялся к его руке, потом лизнул пальцы. Язык был шершавым, горячим, и от прикосновения по коже пробежал разряд — не больно, а приятно, как будто солнечный зайчик скользнул по руке, оставляя тепло.

Над зверьком всплыла полупрозрачная панель с золотистыми буквами:

Обнаружен питомец.

Класс: обычный.

Редкость: низкая.

Статус: дикий.

Предлагается приручение. Шанс: 95%.

Корд моргнул. Обычный, низкая редкость, девяносто пять процентов. То есть мусорный питомец. В таверне, когда он заходил узнать цены на снаряжение, игроки хвастались редкостями — легендарные дракончики, эпические фениксы, уникальные элементали, выпадающие с боссов двадцатого уровня. А этот — серый, пушистый, с искрами из носа. Ничего особенного. Всего лишь мусор.

— Ну ты и попался, — усмехнулся Корд. — Обычный. Как я.

Зверёк наклонил голову, будто не понял. Потом чихнул снова, выпустив облачко золотых искр. Они повисли в воз-

духе, сложились в крошечную спираль, на мгновение замерли и рассыпались, как конфетти, тая в вечернем воздухе.

— Ты хочешь ко мне? — спросил Корд.

Зверёк подошёл ближе, потёрся мордой о его ногу и поднял глаза — огромные, жёлтые, с вертикальными, кошачьими зрачками. В них не было страха, не было настороженности. Только любопытство и что-то ещё, чему Корд не мог подобрать названия. И он вдруг понял: ему всё равно, какой у неё класс. Впервые за долгие годы кто-то — пусть даже мусорный питомец, обычный, дешёвый, никому не нужный — выбрал его сам. Не потому, что надо, не по приказу, не за деньги. Просто выбрал.

— Ну давай, — сказал он.

Зверёк прыгнул. Мягкий, тёплый комок врезался в грудь, вцепился лапами в куртку, не выпуская когтей, и забрался на плечо, где устроился, как на насесте. Хвост обвился вокруг шеи — лёгкий, пушистый, будто шарф из серого меха.

Питомец приручён.

Присвоить имя?

Корд постоял, чувствуя, как зверёк на плече мурлычет — тихо, с присвистом, как маленький мотор, работающий на холостых оборотах. Золотые искры то и дело вылетали из ноздрей, бесшумно оседая на его куртке и тут же тая.

— Ну ты даёшь, — сказал он. — Я тебя даже не звал, а ты уже на плече.

Зверёк ткнулся носом ему в ухо и чихнул снова. Из ноздрей вырвались искры — и на этот раз не погасли сразу. Они закружились в воздухе, сложились в крошечный светящийся круг и медленно опустились на траву, оставляя на листьях мелкие обожженные точки.

— Как же тебя назвать? — спросил он, глядя на угасающие искры. — Светлячок?

Зверёк фыркнул и мотнул головой — резко, недовольно, даже уши прижал.

— Искра?

Мотнул снова, громче, и выпустил струйку дыма из ноздрей — в знак протеста.

— Шустрик?

Зверёк глянул на него с таким выражением, будто сказал: «Ты серьёзно? Ты вообще видел, какой я быстрый? Шустрик — это для белок».

— А что, у тебя уши вон какие, — Корд усмехнулся и потрогал одно из треугольных ушей с пушистой кисточкой на конце. Зверёк дёрнул головой, но не отстранился, только прищурился. — Как у зайца, только больше. Будешь... Ушастик?

Зверёк замер. Прищурился. Потом медленно, очень медленно, закрыл глаза, отвернулся и уткнулся носом в его волосы. Не фыркнул, не мотнул головой. Просто отвернулся — с видом оскорблённого достоинства, как будто его только что назвали самым глупым именем в мире, и он вынужден

это терпеть, потому что деваться некуда.

— Ну, значит, нравится, — Корд ухмыльнулся. — Ушастик так Ушастик.

Зверёк покосился на него через плечо — одним глазом, с укоризной. И в этом взгляде читалось всё: «Ты ещё пожалеешь, человек. Я тебе это припомню».

Но он не прыгнул. Не ушёл. Только прижался чуть плотнее к шее, и Корд почувствовал, как по телу пробежала тёплая волна — как будто зверёк внутри, глубоко, согласился. Принял имя. Смирился с унижением.

— Ну и славно, — сказал Корд. — Пошли, Ушастик. Надо деньги зарабатывать.

Ушастик фыркнул. Громко, с искрами. Одна из них обожгла мочку уха Корда.

— Вот же... пушистая мерзость! — Корд дёрнулся, но зверёк только крепче вцепился когтями в его плечо. — Ай! Ты специально?!

Ушастик отвернулся и начал демонстративно вылизывать переднюю лапу. Сделал дело, теперь можно и почиститься, не обращая внимания на страдания своего человека.

Корд вздохнул, потрогал обожжённое ухо, покачал головой. Но на губах уже сидела улыбка, которую он не мог сдерживать.

Он пошёл к крепости — теперь уже не один. Ушастик си-

дел на плече, перебирал лапами его волосы, выискивая что-то, и время от времени пускал искры — маленькие, безобидные, которые таяли в воздухе как светлячки, оставляя после себя едва уловимый запах озона.

— Только больше не жги меня, — сказал Корд.

Ушастик чихнул в ответ. Искры полетели в другую сторону, на дерево. Кора задымилась, но не загорелась — только почернела, и от неё потянуло гарью.

— Вррр... — довольно протянул зверёк. Корд решил, что это согласие.

Когда впереди показались стены крепости, Корд замедлил шаг. Ушастик настороженно прижал уши, глядя на каменные башни, на стражников у ворот, на флаг, полощущийся на ветру.

— Страшно? — спросил Корд. — Мне тоже. Но надо продать добычу. И поесть, я уже голодный, как волк.

Ушастик понимающе чихнул.

Он вошёл в ворота. Рынок гудел — крики, лязг оружия, запахи жареного мяса, кожи, трав, навоза. Кто-то торговал мясом, кто-то — кожами, кто-то — странными амулетами и зельями в мутных склянках. Корд нашёл пустой лоток у стены, разложил шкуру кабана, мясо, бивень. Торговец-гном в кожаном фартуке, с густой рыжей бородой, заплетённой в несколько косичек, подошёл, оглядел добычу, присвистнул сквозь зубы.

— Неплохо для первого дня, парень. Сам?

— Сам, — Корд кивнул, и тут Ушастик на плече чихнул, выпуская облачко искр. Гном отшатнулся, заслонив лицо рукой.

— Тьфу ты! — он вытер лицо рукавом, на котором остались мелкие, обугленные точки. — Это что за зверь?!

— Питомец, — пожал плечами Корд. — Обычный, низкой редкости. Мусорный, в общем.

Гном нахмурился, взгляделся в Ушастика. Тот сидел на плече, надувшись, и сверкал жёлтыми глазами. Уши стояли торчком, как два локатора, и каждое движение гнома сопровождалось их подрагиванием.

— Мусорный, говоришь? — гном хмыкнул, и в голосе слышалась насмешка. — Ну-ну. Только смотри — в крепости за такие фокусы могут и в яму посадить. Искры эти его... не всем понравятся. Особенно если в бороду попадут.

Ушастик глянул на гнома с явным презрением. Потом чихнул. На этот раз искры полетели прямо в рыжую бороду торговца. Гном взвизгнул, отскочил, замахал руками, пытаясь сбить искры, которые уже тлели в его волосах, оставляя мелкие обожженные пряди.

— Ах ты, пушистая мерзость! — заорал он. — Я тебя!

Корд схватил Ушастика за загривок, прижал к груди. Зверёк зашипел, попытался вырваться, выпуская когти, но Корд держал крепко, не давая ему укунить себя за палец.

— Простите, простите! — сказал он гному, пытаясь перекричать шум рынка. — Он у меня... вредный. Очень вред-

ный. Пушистая мерзость, одним словом. Я его приучу, честное слово.

Гном фыркнул, отряхнул бороду, с которой ещё поднялся лёгкий дымок.

— Приучай, парень. А то не ровен час — кто-нибудь ещё в яму посадит. И тебя заодно. Заодно, понял?

Корд забрал деньги за добычу — мелочь, жалкие несколько медяков, и отошёл от лотка. Ушастик на плече довольно мурлыкал, как будто только что совершил подвиг, достойный легенд.

— Ты специально это сделал, — сказал Корд, растирая укушенное место на пальце. — Ты просто хотел поджечь ему бороду.

Ушастик чихнул в знак согласия и довольно зажмурился. У дверей таверны Корд остановился. Оттуда доносились голоса, смех, звон кружек, стук деревянных ложек о миски. Внутри тепло, светло, пахнет хлебом и мясом, и этот запах заставил его желудок болезненно сжаться. Он шагнул внутрь.

В таверне было людно. За дальним столом сидели трое в чёрных плащах — «Серые Волки», Корд узнал нашивки на их плечах, но сделал вид, что не заметил. Он сел у окна, заказал похлёбку, хлеб и кружку тёплого эля. Ушастик спрыгнул на стол, принялся к хлебу, чихнул — искры разлетелись в разные стороны, одна задела кружку соседнего игрока. Тот обернулся, но, увидев пушистый комок на столе, только ух-

мыльнулся.

— Мусорная зверюга, — сказал он, смачно жуя. — Тоже мне питомец. У моего брата — волк эпической редкости. В прошлом рейде он завалил трёх бандитов одним прыжком. А это что?

— Это Ушастик, — ответил Корд, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — И он не просто мусорный.

Ушастик при этих словах сел, выпрямился, распушил хвост и посмотрел на игрока с таким достоинством, будто он был императором в своём пушистом теле. Потом чихнул. Искры попали прямо в кружку игрока. Та задымилась, эль зашипел, и из горлышка повалил пар.

— Ах ты! — игрок вскочил, хватаясь за кружку.

— Извините, — Корд быстро схватил Ушастика, прижал к себе, чувствуя, как зверёк бьётся в руках, пытаюсь вырваться и снова чихнуть. — Он... он у меня с характером. Пушистая мерзость, одним словом. Я его накажу, честно.

Игрок фыркнул, сел обратно, но на Корда покосился с подозрением. Корд погладил зверька по голове, успокаивая.

— Ты хоть понимаешь, что мы из-за тебя проблемы ищем? — сказал он тихо, почти шёпотом. — Мы же не элитные. Нас тут и так не любят. А ты со своими фокусами...

Ушастик прижал уши, глянул на Корда виновато, большими жёлтыми глазами. Потом ткнулся носом ему в руку и лизнул пальцы — шершаво, но нежно, как будто извиняясь. От языка пробежала тёплая волна, щекочущая кожу.

Корд вздохнул.

— Ладно, прощаю. Но больше так не делай.

Ушастик отвернулся. Корд знал: сделает. Ещё как сделает. Но сейчас он просто гладил его по голове, чувствуя, как зверёк мурлычет, как его пушистое тело вибрирует от тепла, и в груди разливалось что-то тёплое, незнакомое, — чувство, которое он не мог назвать.

Далеко за стенами крепости, в каменной башне, где горел только один бледный экран, человек в чёрном смотрел на бегущие строки логов. Тысячи, десятки тысяч записей проплывали перед его глазами — рождение персонажей, гибель монстров, торговые операции, создание гильдий. Среди них одна, почти незаметная, привлекла его внимание.

Обнаружен питомец.

Класс: обычный.

Редкость: низкая.

Владелец: Корд.

Время приручения: 00:23:17.

Человек в чёрном нахмурился. Потом обвёл строку пальцем, подсветил. Чуть наклонился к экрану.

— Почему у обычного питомца способность к искровому выбросу? — спросил он, не повышая голоса.

Рядом зашелестел интерфейс, по экрану поползли строчки анализа, но ответа не было. Только сухие технические данные.

— Узнай, — сказал он. — И узнай, как этот Корд вообще нашёл её в первый день. В стартовой зоне таких зверей не бывает. Даже мусорных. Это аномалия.

Помощник — смутный силуэт в темноте, едва видимый в свете экрана — кивнул и исчез. На экране появилась новая запись:

Запрос на расследование аномалии #17045.

Приоритет: обычный.

Статус: принят в очередь.

Человек в чёрном ещё раз взглянул на имя владельца и закрыл окно. Тысячи других записей снова побежали по экрану, погребая под собой маленькую аномалию.

А в таверне Корд сидел у окна, доедал похлёбку, а Ушастик сворачивался клубком у него на коленях, мурлыча и изредка пуская маленькие искорки, которые бесшумно таяли в тёплом воздухе.

Утром Корд проснулся от того, что Ушастик сидел у него

на груди и чихал ему в лицо.

— Фыр... фыр... фырр-р-р! — искры летели во все стороны, одна обожгла кончик носа, и он почувствовал резкий запах гари.

— Ай! — Корд подскочил, сбивая зверька с груди. — Ты чего?!

Ушастик недовольно пискнул, подбежал к двери и требовательно поскрёб когтями по дереву, оставляя глубокие царапины.

— Хочешь выйти?

Ушастик кивнул. Серьёзно, по-человечески, глядя на Корда немигающими жёлтыми глазами.

Корд вздохнул, надел куртку, пристегнул рапиру, взял щит. Открыл дверь, и зверёк выскочил наружу. Постоял на пороге, оглянулся и чихнул — искры сложились в стрелку, указывающую в сторону леса, туда, где деревья стояли стеной, а солнце почти не пробивалось сквозь густые кроны.

— Туда? — Корд прищурился, глядя в тёмную чашу.

Ушастик снова кивнул.

— Идём, пушистая мерзость, — сказал Корд, застёгивая куртку. — Посмотрим, что ты там нашёл. Только если это опять кабан, я тебя самого зажарю.

Ушастик фыркнул, но подбежал, забрался на плечо и прижался к шее. Тёплый, мягкий, пушистый — несмотря на весь свой вредный характер, несмотря на искры, ожоги и поджженные бороды.

Корд пошёл. Зачем — не знал. Знал только, что зверёк, который вчера нашёл его сам, сегодня звал его в лес. И что-то внутри подсказывало: надо идти. Он шёл по тропе, сжимая рапиру. За спиной — щит. На плече — пушистый, наглый комок с искрами из носа. Обычный. Мусорный. Вредный до ужаса. Но его.

— Эй, Ушастик, — сказал он, когда лес сомкнулся за их спинами. — Куда мы идём?

Зверёк чихнул — три искры. И они сложились в стрелку, указывающую в тёмную чашу, туда, где деревья стояли стеной, и даже ветер почти не проникал сквозь их кроны.

— Туда, — сказал Корд. — Ну, пошли.

Ушастик укусил его за ухо. Легко, не больно. Просто чтобы показать: я слышу, я здесь, я с тобой.

Они пошли — человек и его ушастый, вредный питомец. В ту сторону, где начиналась их история.

Глава 3

ГЛАВА 3. «ТРАВА У КРАЯ»

Лес встретил их сыростью и тишиной. Ушастик сидел на плече, уши торчком, и каждую секунду поворачивал голову то вправо, то влево — будто слушал что-то, чего Корд не слышал, улавливал звуки за пределами человеческого восприятия. Искры из ноздрей вылетали редко, тускло, почти беззвучно — зверёк экономил силы, прижимался теплым боком к шее и иногда посапывал, уткнувшись носом в волосы.

Корд шагал по едва заметной тропе, пробираясь между коряг и мшистых валунов. Солнце почти не пробивалось сквозь густые кроны — только жёлтые, дрожащие пятна лежали на влажном мху, на прошлогодней листве, и эти пятна двигались медленно, меняя очертания, когда ветер шевелил ветви. Пахло гнилым деревом, мокрой корой, сырой землёй, и чем-то ещё — терпким, сладковатым, как мёд с горчинкой, и этот запах становился гуще с каждым шагом.

Ушастик вдруг встрепнулся. Золотые искры вспыхнули на кончиках его ушей, замерцали, и зверёк прыгнул с плеча, приземлившись на мягкую подстилку из листьев почти бесшумно. Корд остановился, наблюдая.

Зверёк метнулся вперёд, к старому дубу, обнюхал кору, подпрыгнул, пытаясь уцепиться когтями за шершавую поверхность, но соскользнул, приземлился на лапы, фыркнул

и снова побежал — теперь в сторону куста орешника. Он засунул голову в листву, чихнул — искры разлетелись, подпалив несколько листьев, — и выскочил оттуда, отряхиваясь, как мокрая кошка.

— Ты чего мельтишишь? — спросил Корд, глядя, как зверёк носится по поляне, забирается на поваленный ствол, соскакивает, обегает вокруг, снова чихает. — Нашёл что-то?

Ушастик замер. Повернул голову, глянул на Корда огромными жёлтыми глазами и коротко пискнул — призывно, настойчиво. Потом развернулся и побежал в чащу, но через пару шагов остановился, обернулся, подпрыгнул на месте, показывая, что надо идти за ним.

— Да иду я, иду, — Корд двинулся следом, сжимая рукоять рапиры. — Только не убегай далеко.

Ушастик бежал впереди, то и дело останавливаясь, обнюхивая кусты, забираясь на пни, чтобы оглядеться сверху. Он проявлял интерес ко всему подряд — к старому дуплу, откуда пахло грибами, к ручью, в котором плескалась мелкая рыба, к цветку, который рос у корней и от которого зверёк чихнул так сильно, что искры на мгновение зажгли сухую траву. Корд тушил её ногой, ругался, но Ушастик уже бежал дальше, не обращая внимания на подпалины.

Так они продвигались вглубь леса — человек осторожно, озираясь по сторонам, и зверёк, который метался вокруг, как угорелый, но при этом ни разу не отходил дальше, чем на десять шагов. Всё время держался в поле зрения, и если Корд

замедлялся, Ушастик тут же возвращался, тёрся о его ногу, чихал, требуя продолжать путь.

Поляна открылась внезапно — за стеной папоротника, за густым орешником, который пришлось раздвигать руками. Лёгкая, пружинящая листва расступилась, и Корд увидел её — низину, окружённую старыми, могучими дубами, чьи ветви нависали над поляной, словно защищая её от солнца. В центре лежал камень — гладкий, серый, с белыми прожилками, будто кто-то вырезал на нём карту неведомых земель, потом затер линии, и остались только смутные, переплетающиеся узоры. А у камня росла трава. Не обычная, высокая и жёсткая, как в остальном лесу, а низкая, почти стелющаяся, серебристая, переливающаяся на свету, как иней в морозный день, как тонкая паутина, покрытая каплями росы.

Корд присел на корточки, протянул руку. Пальцы коснулись мягких, прохладных листьев — и по коже побежал холод, лёгкий, почти невесомый, как прикосновение снега. По позвоночнику скользнуло что-то, заставившее мышцы на мгновение сжаться, а потом отпустившее.

Краецвет. Редкость: средняя. Использование: алхимия, зельеварение, усиление Света.

— Серьёзная штука, — пробормотал он, разглядывая серебристые стебли. — Продать можно... или себе оставить, если решу заняться зельями.

Ушастик прыгнул с плеча, подбежал к камню. Посто-ял, принюхиваясь к траве. Нос его подрагивал, уши двига-

лись, ловя звуки, но зверёк не спешил трогать растения. Потом чихнул — искры брызнули на серебристые стебли, те на мгновение вспыхнули бледным, голубоватым светом и погасли. Ушастик наклонил голову, глядя на них с недоумением, ткнул носом в один стебель, лизнул его — и тут же отпрянул, замотал головой и чихнул снова, выпуская облачко золотых искр, которые, коснувшись травы, просто растаяли.

— Не нравится? — усмехнулся Корд, доставая нож.

Зверёк фыркнул и отошёл в сторону. Уселся на камень, принялся вылизывать лапу, поглядывая на Корда с выражением, которое можно было прочесть как «Делай что хочешь, я в этом не участвую». Корд присел рядом, аккуратно срезал один стебель у самого корня, стараясь не повредить соседние. Положил в сумку. Второй. Третий. Трава пахла странно — свежестью, мятой и чем-то неуловимым, будто электричество, будто воздух перед грозой. Пальцы холодели от прикосновения, но он продолжал собирать, чувствуя, как на кончиках пальцев остаётся лёгкий, серебристый налёт.

Ушастик сидел на камне, наблюдал, изредка чихал в воздух, но больше не приближался. Когда Корд закончил, он отряхнул руки, оглядел свою сумку.

Краецвет собран: 7 стеблей.

+10 опыта.

Открыт навык «Сбор трав». Уровень 1.

— Неплохо, — сказал Корд, поднимаясь и потянувшись. Спина хрустнула, мышцы отозвались приятной усталостью. — Продадим, и будет на что капсулу оплатить. А может, и на нормальную еду.

Ушастик зевнул, потянулся, выгнув спину дугой, и когда Корд пошёл обратно, запрыгнул на плечо сам, без команды. Просто уселся, прижался тёплым боком к шее и прикрыл глаза, готовый дремать в такт шагам.

Они двинулись обратно. Лес снова сомкнулся вокруг — те же дубы, те же коряги, те же заросли папоротника. Корд шёл, поглядывая по сторонам, но мысли его блуждали далеко. Он думал о серебре, о том, сколько ещё нужно накопить, чтобы не волноваться о следующем картридже, о том, сколько времени у него есть в этом мире, прежде чем придётся вернуться в серый бетон цеха. Мысли эти были тягучими, вязкими, как патока, и он зазевался, глядя на небо, на облака, плывущие между кронами. Нога провалилась в рыхлую землю — и в то же мгновение щиколотку обожгла резкая, острая боль, прошившая голень, колено, бедро, отдавшаяся в позвоночнике.

Корд вскрикнул, опёрся на рапиру, пытаясь удержать равновесие. Рука дрогнула, пальцы скользнули по гарде, но он устоял, замер, не дыша. Ушастик, зашипев, вцепился когтями в куртку и зажмурился, прижав уши к голове, но когда Корд уже стоял ровно — сразу отпустил, отряхнулся и уставился по сторонам, будто ничего не случилось.

— Капкан! — выдохнул Корд, глядя вниз.

Яма, присыпанная листвой и ветками, с торчащими из земли острыми корнями, которые и пропороли ему кожу на щиколотке. Не глубокая, не смертельная — но если бы он сломал ногу, то без хила полз бы до крепости пару часов. Или до утра. Или до того момента, пока его не сожрут.

— Кто ставит капканы в стартовой зоне? — спросил он у тишины.

Из кустов послышалось дыхание. Хриплое, низкое, грудное — звук, от которого воздух стал плотнее, а тишина — тяжелее, осязаемее. Корд вытащил ногу, стиснув зубы от боли, перевесил тяжесть на здоровую, и пальцы сами сжали рукоять рапиры. Перед глазами всплыла красная, пульсирующая панель:

Лесной кабан. Уровень 3. Опасность: средняя.

Кабан выбрался из зарослей. Крупный — почти вдвое больше вчерашнего, с тёмной, жёсткой шерстью, стоящей дыбом на загривке, с длинными, изогнутыми бивнями, пожелтевшими от времени. Он повёл носом, учуяв свежую кровь с царапины на ноге Корда, наклонил голову и издал низкий, басовитый рык, от которого у Корда заложило уши.

Ушастик зашипел. Искры вспыхнули на кончиках ушей, на кончике хвоста — золотые, мелкие, агрессивные. Зверёк чихнул, выпуская облачко искр, они долетели до морды кабана, тот дёрнулся, но не отшатнулся — только помотал головой и снова уставился на Корда. Ушастик чихнул ещё раз,

громче, и искры ударили в грудь зверя, оставив на шерсти едва заметные, обугленные точки. Кабан не обратил на них внимания. Над головой Корда мелькнули логи боя:

Питомец «Ушастик» наносит урон: 1 ед.

Питомец «Ушастик» наносит урон: 1 ед.

Мизер. Капля в море. Корд стиснул зубы, перехватывая рапиру удобнее, и шагнул вперёд, закрывая зверька собой.

— Назад! — крикнул он, отбивая бивни щитом. — С дороги!

Ушастик отскочил. Прыгнул в сторону, вжался в траву и замер, глядя на бой круглыми, испуганными глазами. И больше не приближался.

Корд прыгнул вправо, уходя от удара. Кровь из раны на ноге залила сапог, ступня скользнула по мокрой траве, но он удержал равновесие, развернулся и вонзил остриё в бок кабана — точно между рёбер, как учила интуиция, как подсказывали руки, которые с каждым ударом двигались чуть увереннее, чуть быстрее. Зверь взревел, мотнул головой, пытаясь достать его бивнем, но Корд уже ушёл, перекатился через плечо, поднялся на одно колено, и нанёс второй удар — под лопатку, глубже, сильнее. Кабан зашатался, рухнул на колени, и третьим ударом, в шею, пониже затылка, Корд добил его.

Тяжёлое тело упало на землю с глухим, влажным стуком. Корд стоял над ним, тяжело дыша, сжимая рукоять рапиры.

Нога болела, пульсировала, сердце колотилось где-то в горле, грудная клетка ходила ходуном.

Убит Лесной кабан (уровень 3).

+15 опыта.

Корд перевёл дыхание. Вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Потом — быстро, пока зверь не остыл — снял шкуру, собрал мясо, прихватил бивни. Руки работали быстро, почти без его участия, как на конвейере, и он поймал себя на том, что движения стали чуть точнее, чуть увереннее, чем вчера. Что рапира в руке лежала удобнее. Что он не тратил время на лишние замахи.

Он развернул интерфейс, пролистал меню, пытаясь найти нужный раздел. Характеристики — Сила, Ловкость, Интеллект, Мудрость, Выносливость — были на месте, цифры чуть подросли. Но навыков, конкретных умений, ничего похожего на «фехтование» или «обращение с оружием» не было. Только «Сбор трав». И пустота.

— Где же... — пробормотал он, щёлкая по вкладкам, по подменю, по скрытым разделам. — Где мой навык боя? Где механика?

Ответа не было. Интерфейс молчал, предлагая только базовые параметры и логи. Корд стиснул зубы, закрыл меню. В груди закипала глухая злоба — от непонимания, от недосказанности, от того, что система не давала ему главного. Того, что он хотел знать: «я стал лучше?»

Ушастик подбежал к нему только когда бой кончился. Ткнулся носом в раненую ногу, лизнул кровь — язык был шершавым, горячим, — и сразу отпрянул, потому что Корд поморщился, стиснув зубы. Зверёк пискнул, отошёл на шаг, сел, посмотрел на Корда, потом на рану, потом снова на Корда. И вдруг развернулся и исчез в кустах — быстро, почти незаметно, оставив после себя только шевелящуюся листву.

— Ушастик! — крикнул Корд, вставая на здоровую ногу. — Ты куда?

Тишина. Только ветер в листве и далёкий крик птицы. Корд подождал минуту, другую. Боль в ноге пульсировала, тянула, мешала думать. Он уже хотел идти дальше, как вдруг листва зашевелилась, и из кустов вынырнул Ушастик. В зубах он держал стебель с широкими, ярко-зелёными листьями — трава, которую Корд никогда раньше не видел. Зверёк подбежал, бросил её к ногам Корда, сел и уставился на него с ожиданием.

Корд поднял траву. Понюхал. Пахло горьковато, резко, как полынь. Над стеблем всплыла панель:

Лист Подорожника. Компонент для зелий исцеления (начальный уровень). В чистом виде бесполезен для человека.

Корд выдохнул. Посмотрел на зверька, на его уши, прижатые к голове, на огромные жёлтые глаза, в которых читалась тревога. Погладил Ушастика по голове, чувствуя, как зверёк прижимается к его ладони, тёплый и мягкий.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Жаль, что сам я не могу им воспользоваться. Но спасибо, что принёс.

Ушастик фыркнул, лизнул его пальцы, а потом запрыгнул на плечо, устроился, прижался к шее, закрыл глаза. Корд вздохнул, убрал бесполезный лист в сумку — может, пригодится для зельевара, — и пошёл к крепости, прихрамывая на раненую ногу.

У ворот его остановил тот самый гном-торговец с рыжей бородой. Корд уже хотел пройти мимо, но гном шагнул вперёд, преграждая путь, и уставился на Ушастика с таким выражением, будто увидел привидение. Он наклонился, заглядывая зверьку в глаза, потом приподнял ухо, потом отодвинулся на шаг, оглядел с другой стороны, почмокал губами и почесал бороду.

— Парень! — сказал он взволнованно. — Парень, погоди! Корд остановился.

— Что?

Гном подошёл ближе, щурясь на Ушастика. Тот прижал уши и зашипел, но гном не отшатнулся, только приподнял бровь.

— Это твой питомец?

— Мой, — Корд нахмурился. — Обычный. Низкой редкости.

Гном засмеялся — коротко, хрипло, как старая кузница.

— Обычный, говоришь? — гном шагнул ближе, заглядывая зверьку в глаза. — Ну-ну. Только у меня, парень, хоб-

би такое — зоология. Я в своё время всех тварей Перелесья пересмотрел. И медведей, и кабанов, и болотников, и диких собак. А твоего зверя я не знаю. Никогда не видел. И в справочнике моём его нет.

Корд замер. Пальцы сжали лямку сумки.

— То есть?

— То есть, — гном пожал плечами, снова оглядывая Ушастика, — либо ты его откуда-то притащил из другой локации, либо это какой-то... аномальный экземпляр. Аномальный, парень. Для простого «обычного» зверя искр из носа многовато.

Ушастик чихнул в ответ — искры попали гному в бороду, но тот лишь отмахнулся, не снимая удивлённой улыбки с лица.

— Ладно, парень. Живи пока. Только смотри — в крепости таких, как он, не любят. Быстро найдут, и посадят в яму. Понял?

— Понял, — Корд кивнул, чувствуя, как внутри закипает странное, тревожное чувство. — Спасибо.

— Да брось. — Гном отступил, разглядывая его сумку. — Что там у тебя? Краецвет? Давай сюда.

Корд показал собранные стебли. Гном присвистнул, взял один, понюхал, повертел в руках.

— Семь штук, — сказал он. — Пять серебряных за стебель. Тридцать пять всего. Идёт?

Корд кивнул. Торговаться он не умел — на заводе цену

всегда назначал начальник. Получил тридцать пять серебряных, тяжёлых, холодных, пересчитал, спрятал в кошель.

— Мы почти богаты, — сказал он зверьку, отходя от лотка. Ушастик на плече чихнул — как раз в тот момент, когда они проходили мимо кулинарной лавки. Искры попали Корду в ухо. Тот дёрнулся, зашипел, потрогал обожжённую мочку.

— Вот же... — начал он, но зверёк уже отвернулся, делая вид, что изучает витрину. А на витрине лежали булочки, посыпанные сахарной пудрой, и Ушастик смотрел на них с тоской, ушами дёргая.

Корд вздохнул. И купил одну. За свои, из тридцати пяти серебряных. Ушастик тут же забыл про обиду, схватил булочку, забрался на плечо и принялся уплетать её с такой скоростью, что сахарная пудра осела на куртке Корда белым облаком.

В таверне Корд купил миску мясного бульона и хлеб. Ушастик прыгнул на стол, сунул нос в похлёбку, фыркнул от горячего, отпрянул. Потом снова сунул — и принялся хлебать с чавканьем, облизываясь, иногда поднимая голову и глядя на Корда тёплыми, благодарными глазами.

— Вкусно?

Ушастик чихнул в знак согласия. Одна искра упала прямо в бульон и погасла с тихим шипением. Зверёк наклонил голову, глядя на то место, где была искра, потом снова нырнул в похлёбку. Ел он долго, с наслаждением, урча и причмоки-

вая, и Корд невольно улыбнулся, глядя на него.

А потом Ушастик исчез. Корд отвлёкся на мгновение, чтобы отпить эля, посмотрел на стол — и зверька не было. Ни на столе, ни на скамье, ни на плече. Только остывающая полёбка и следы сахарной пудры на куртке.

Корд встал, оглядел таверну. Никого похожего на Ушастика. Под столами — пусто. За барной стойкой — только бармен, протирающий кружки. Тогда Корд заметил открытую дверь на кухню — оттуда доносился звон посуды, запах жареного мяса и сладкого теста. Он подошёл, заглянул внутрь.

Ушастик сидел на полу у печи. Перед ним лежала булочка — большая, румяная, обильно посыпанная сахарной пудрой. Зверёк урчал, закрыв глаза, и уплетал её с такой скоростью, будто не ел неделю. Сахарная пудра покрывала его нос, уши, лапы, и он выглядел как маленькое, пушистое облако, в котором иногда вспыхивали золотые искры.

— Ушастик, — тихо сказал Корд.

Зверёк замер. Медленно повернул голову, глянул на Корда огромными виноватыми глазами, потом снова на булочку, потом на Корда. И — не переставая жевать — спрыгнул с места, подбежал к нему, сел и поднял голову, глядя с выражением: «Ну что, я сделал это. Теперь ругай меня».

Корд вздохнул. Потом улыбнулся, присел на корточки и погладил зверька по голове, стряхивая сахарную пудру с его ушей.

— Ладно, ворюга. Идём.

Они вернулись в комнату. Корд сел на кровать, снял куртку, разулся. Ушастик запрыгнул к нему на колени, свернулся клубком, прижался тёплым боком к животу. Корд гладил его по спине, чувствуя, как зверёк мурлычет, как тело вибрирует от тепла.

Он думал. О том, что зверёк был обычным. Не слишком умным, не слишком послушным, иногда даже раздражающим. Он поджигал его уши, воровал булочки, прятался на кухне, пускал искры в торговцев. Но он был. Тёплый, пушистый, настоящий. Не программа — или программа, но такая, от которой на душе становилось легче. От которой хотелось оставаться здесь, в этом мире, а не возвращаться в серый бетон цеха, в гул конвейера, в прокуренный голос бригадира.

Он закрыл глаза. Представил завтрашнее утро — Ушастик снова разбудит его чиханием, снова будет бегать по комнате, снова будет искать приключения. И это было хорошо. Правильно.

Потом он открыл глаза, глядя в потолок, на тени, которые бросала масляная лампа. В этом мире он был готов остаться. В реальность возвращаться совсем не хотелось. И он знал, что придётся, что так работают правила — картриджи кончаются, смены начинаются, кушать хочется. И никуда от этого не деться. Пока.

Но здесь и сейчас, в этой комнате, с этим пушистым комком на коленях, Корд чувствовал себя живым. По-настоящему. Так, как не чувствовал никогда на заводе.

Ушастик приоткрыл один глаз, глянул на него, чихнул — маленькой искоркой, которая погасла в воздухе, — и снова закрыл глаза.

Корд улыбнулся. И погладил зверька по тёплой спине, чувствуя, как тот урчит, как его тело расслабляется, как та-ет в груди серый ком, оставшийся там, в реальности. Он не знал, что будет завтра. Но знал, что он — не один. И этого было достаточно

Глава 4

Корд проснулся от того, что кто-то дышал ему прямо в лицо. Тёплое, с присвистом, с лёгким запахом мяса и чего-то сладковатого.

Он открыл глаза.

Ушастик сидел на его груди, наклонив голову набок, и смотрел на него в упор. Огромные золотистые глаза — в них отражался тусклый утренний свет из окна.

— Ты... — Корд попытался сесть. Ушастик не сдвинулся, только надавил лапами на грудь, заставляя лежать. — Ты чего?

Зверёк чихнул. Искры брызнули в лицо — мелкие, тёплые, как брызги от костра. Корд зажмурился.

— Ай! — он смахнул искры ладонью. — Ты что, будильник?

Ушастик фыркнул. Спрыгнул на пол, подбежал к двери и поскрёб когтями по дереву. Раз. Второй. Третий. Потом обернулся и требовательно пискнул.

Корд вздохнул. Встал. Надел куртку, проверил рапиру и щит. Ушастик нетерпеливо переминался у двери, постукивая хвостом по полу.

— В лес? — спросил Корд.

Зверёк чихнул, подпрыгнул и снова заскрёб дверь. Громче.

— Ладно-ладно, идём.

Они вышли в серое утро. Небо было низким, облачным, и ветер нёс запах дождя. Корд зябко повёл плечами. Ушастик на плече ёжился, прижимал уши, но не просился обратно.

В воротах крепости их встретил охранник — высокий, в кольчуге, с длинной седой бородой. Он глянул на Корда, потом на зверька, хмыкнул.

— С питомцем, значит. Ну, удачи.

Корд хотел ответить, но охранник вдруг шагнул ближе, прищурился, разглядывая Ушастика.

— Постой-ка, — сказал он медленно. — Твой зверь... это же не тот, что вчера у Старого дуба шастал?

Корд насторожился.

— Откуда вы знаете?

— Видел, — охранник почесал бороду. — Он там у ручья крутился. Стоял, смотрел на воду, чихал в неё. Искры золотые летели. Я тогда подумал — ну, баловство. А потом старожилы заметили: Краецвет у ручья появился. Там, где твой зверь чихал. Может, совпадение, конечно... но странное.

Корд замер. Ушастик на плече зевнул, показав мелкие острые зубки, и отвернулся, всем видом показывая, что не понимает, о чём речь.

— Краецвет? — переспросил Корд. — Тот, что я продал вчера?

— Тот самый, — кивнул охранник. — Бабка-травница сказала — редкая вещь, из дальних земель завезли когда-то,

да перевелась. А тут — снова. И именно там, где твой зверь чихал. Ну, может, случайность. Всякое бывает.

Корд смотрел на Ушастика. Тот сидел на плече, наклонив голову, и смотрел куда-то в сторону, будто разговор его не касался.

— Ты что, — прошептал Корд, — удобряешь землю?

Ушастик чихнул в ответ. Искры упали на мостовую, зашипели и погасли. Больше ничего не случилось.

Охранник усмехнулся.

— Ладно, иди уже. Но если тебе нужны деньги, знай — на доске объявлений новый заказ висит. Там награда хорошая.

— Сколько? — спросил Корд.

— Двадцать пять серебряных. Плюс репутация.

Корд присвистнул. Двадцать пять — неплохо, но до аренды капсулы ещё далеко. Два золотых в месяц, если верить объявлениям у капсульного центра. Два золотых — это двести серебряных. Он заработал тридцать пять на Краецвете, но это разовая удача. А за квесты платят меньше. Значит, нужно работать. Много.

— Спасибо, — сказал он охраннику и пошёл к площади.

Ушастик на плече молчал, иногда чихал на прохожих — те шарахались, но зверёк уже привычно отворачивался, делая вид, что это вышло случайно. Корд шёл и считал в уме. Двадцать пять серебряных за квест. Если брать по одному в день — восемь дней, чтобы наскрести на месяц. А ведь есть ещё еда, снаряжение, зелья. И Ушастика кормить надо.

— Мы в пролёте, — тихо сказал он зверьку.

Ушастик чихнул в ответ. Искры упали на землю, оставив чёрные точки на камнях.

На доске объявлений — несколько клочков пергамента. И один из них — новый, с гербом крепости, прибитый поверх всех остальных:

Внимание!

Квест: «Очищение ручья»

Награда: 25 серебряных, репутация с крепостью.

Описание: Воды ручья у Старого дуба отравлены. Тварь, поселившаяся в глубине, не даёт рыбакам ловить рыбу, а скот — пить. Уничтожьте источник скверны и принесите доказательство.

Уровень: 3–5. Рекомендуются группа до 3 человек.

Корд перечитал дважды. Двадцать пять серебряных. Восемь таких квестов — и капсула оплачена. А если найти ещё Краецвет... Но он не знал, где искать. И Ушастик не показывал.

Зверёк спрыгнул с плеча, подбежал к столбу, на котором висело объявление, и чихнул на нижний край. Искры оставили на пергаменте тёмное пятно.

— Тебе понравилось? — спросил Корд.

Зверёк сел, наклонил голову набок и уставился на Корда. Взгляд его был пустым, ничего не выражающим — как у любого питомца, который просто ждёт команду.

Корд снял объявление.

— Идём.

Он уже повернулся к воротам, когда услышал за спиной голос — звонкий, чуть насмешливый.

— Это ты взял квест? Тот, про ручей?

Корд обернулся. У столба стояла девушка — высокая, в белом плаще с капюшоном, с посохом в руках. Лицо её было бледным, спокойным, и глаза — светло-серые, почти прозрачные, как вода в горном ручье.

— Да, я, — сказал Корд.

Незнакомка кивнула.

— Идём вместе. Я — Анника. Лекарь. Без лечения там не справишься.

Корд оглядел её. Посох, белый плащ — наверное, маг. Воды или Света.

— Откуда ты знаешь, что я взял квест? — спросил он.

Аника усмехнулась.

— Наблюдала. Ты стоял у доски, потом нахмурился, когда прочитал награду. Потом этот, — она кивнула на Ушастика, — чихнул на объявление, и ты снял его. Ты не похож на торговца или на гильдейского. Значит, идёшь в лес.

Корд хмыкнул.

— Ну да. Идём.

— И ещё, — добавила Анника, глядя на него с лёгкой усмешкой, — ты пытаешься заработать на капсулу. Я права?

Корд удивился.

— А ты откуда знаешь?

— Ты считал в уме, когда шёл от ворот. Я видела по губам, — она пожала плечами. — Я тоже так делаю. Только я уже наскребла на свой месяц. Теперь зарабатываю на следующий.

Корд вдруг почувствовал что-то похожее на облегчение. Она понимала. Она была такой же — выживала, считала, не надеялась на чудо.

— Понял, — сказал он. — Пошли.

Они вышли за ворота. Ушастик забрался на плечо, принюхался к новой спутнице и чихнул в воздух, в сторону от неё — без искр, просто чих. Анника улыбнулась.

— Питомец? Мусорный?

— Да, — ответил Корд. — Но он полезный. Иногда.

— Иногда? — переспросила она.

— Он находит траву. И показывает дорогу. Но не всегда, — Корд вздохнул. — Он как кот. Делает только то, что хочет. Ушастик на плече фыркнул, но не стал возражать.

— А ты откуда? — спросил Корд, сворачивая на тропу.

— Из Ледяных земель, — ответила Анника. — Перешла сюда через портал неделю назад. Здесь проще. В Ледяных слишком дорого, слишком много гильдий. А тут хоть можно дышать.

Корд молча кивнул. Он знал — локации бывают разные. И в каждой свои налоги, свои законы. Но Ледяные земли... он слышал, что там холодно, ветрено, и мана восстанавливается медленно, потому что сервер старый.

Они шли лесом — Корд впереди, Анника за ним, Ушастик на плече. Тропа вилась между дубов, иногда уходила вниз, к ручью, который журчал где-то слева.

— Ты как долго в игре? — спросила девушка.

— Неделю.

— А выглядишь уверенно. И питомца приручил.

— Он сам меня нашёл, — ответил Корд. — Я просто согласился.

Аника промолчала. Но Корд почувствовал — она смотрит на Ушастика. Долго, изучающе. Ушастик прижал уши, замер, и вдруг чихнул — прямо в сторону спутницы. Искры полетели, но она отклонилась — легко, плавно, будто ждала этого.

— Чистый Свет? — спросила Аника спокойно.

Корд удивился.

— Да. А ты?

— Вода и Свет. Лекарь, — ответила девушка. — Я вижу его структуру. Твой питомец... у него странная аура. Как будто в ней что-то лишнее. Словно её починили — плохо, на скорую руку.

Корд остановился. Обернулся.

— Что значит «починили»?

Лекарь пожала плечами.

— Не знаю. Может, баг. В игре бывает.

Корд смотрел на Ушастика. Тот сидел на плече, хвост обвивал шею, и он грыз пряжку на куртке, вылизывал её —

будто не слушал разговор. Обычный зверь, которому скучно. Никакой ауры Корд не видел. Никакого свечения.

— Баг, наверное, — сказал он, отводя взгляд.

Они прошли ещё немного. Ручей проявился неожиданно — за поворотом, среди старых ив. Он был широким, неглубоким, но вода в нём была мутной, серой. Берега покрывала слизь, и пахло тухлым, кислым.

— Дошли, — сказала Анника. — Я чувствую скверну.

Корд опустился на корточки, коснулся рукой воды. Холодная, маслянистая. На пальцах остался налёт — серый, мерзкий.

Ушастик спрыгнул на берег, подошёл к воде, застыл, глядя в глубину. Уши его стояли торчком. Он чихнул — и искры упали на поверхность. Они зашипели, вода на мгновение потемнела, а потом снова стала серой.

Из глубины, из-под камней, поднялся сгусток тьмы. Медленно, тягуче, он формировался в нечто — бесформенное, с множеством глаз, горящих тусклым красным.

Болотный слизень. Уровень 4. Опасность: средняя.

Корд выхватил рапиру. Анника подняла посох.

— Бей по глазам! — крикнула она.

Ушастик отскочил в сторону, вжался в траву и замер. Он не чихал, не подбегал — просто сидел с неподвижным взглядом, наблюдая.

Корд прыгнул вперёд. Рапира вошла в студенистое тело — легко, без сопротивления, будто в грязь. Слизень дёрнул-

ся, и из него вырвался сгусток кислоты. Корд откатился, закрываясь щитом — кислота зашипела на металле, оставляя чёрные пятна.

— Свет! — крикнула целительница.

Она подняла посох, и белый луч ударил в центр твари. Слизень взвизгнул — высоко, тонко. Его тело начало пульсировать, сжиматься.

Корд рванул вперёд. Ещё удар — в то место, куда попал луч. Слизень дёрнулся, и из него вытекла чёрная жижа, расплылась по земле. Последний глаз погас.

Уничтожен Болотный слизень (уровень 4).

+25 опыта.

Добыча: камень скверны, слизь.

Корд стоял, тяжело дыша. Рапира была испачкана в чёрном. Щит — в пятнах. Ушастик наконец подбежал, ткнулся носом в ногу хозяина, лизнул испачканный ботинок и чихнул. Искры упали на чёрную жижу — и та зашипела, начала подсыхать, съёживаться.

— Он... чистит? — удивлённо спросила Анника.

Корд посмотрел на Ушастика. Тот подошёл к камню скверны — чёрному, маслянистому — и чихнул на него. Искры, золотые, ударили в камень, и тот раскололся, рассыпавшись на серые песчинки.

— Похоже, да, — ответил Корд.

Анника подошла ближе, присела рядом со зверьком. Ушастик отпрянул, зашипел, уши прижались к голове.

— Не бойся, — сказала она мягко. — Я не трону.

Зверёк замер. Позволил ей коснуться себя — провести пальцем по спине. Лекарь нахмурилась.

— Странно, — сказала она. — В нём нет того, что должно быть у питомца. Обычных связей. Как будто он... привязан не так. Не как программа.

— Может, баг, — повторил Корд, но в голосе его не было уверенности.

Они собрали доказательства — остатки камня, отпечаток скверны. Ушастик сидел на камне, вылизывал лапу, искры вылетали из ноздрей редкими вспышками. Иногда он чихал на воду — и там, где падали искры, муть рассеивалась, становилась прозрачнее на ладонь.

— Пошли, — сказал Корд. — В крепость.

Они шли обратно — Корд впереди, Анника за ним. Ушастик на плече молчал, иногда чихал, но больше спал, свернувшись калачиком.

— Он что, устал? — спросила девушка.

— Наверное, — ответил Корд. — Он не любит много чихать.

Анника фыркнула.

— Станный ты, Корд. И питомец у тебя странный. Корд улыбнулся.

— Знаю.

У крепости, у ворот, их встретил тот же охранник. Увидев добычу, он присвистнул.

— Справились, значит. Молодцы. Бабка будет довольна. Она уже три дня жалуется, что рыба не ловится.

Они получили награду. Корд разделил пополам с Анникой.

— Я не забираю, — сказала она. — Ты сделал половину работы.

— Ты лечила, — ответил Корд.

— Я тебя и не лечила, ты сам справился.

Корд настоял. Девушка взяла деньги — двенадцать с половиной серебряных, — кивнула, и когда уже повернулась уходить, спросила:

— Ты завтра пойдёшь куда-то?

— Не знаю, — ответил Корд. — Наверное, ещё квест. Мне нужно на капсулу.

— Два золотых в месяц? — спросила Анника.

— Ага.

Она помолчала. Потом кивнула.

— Тогда я с тобой. Ты нормальный напарник. И питомец твой — он забавный.

Ушастик на плече чихнул в сторону Анники. Искра попала в капюшон — не обожгла, просто упала на ткань и погасла. Анника улыбнулась.

— До завтра.

Она ушла. Корд остался стоять у ворот, глядя в лес. Уша-

стик на плече дремал, уткнувшись носом в его шею. Корд открыл интерфейс, посмотрел на баланс. Сорок семь с половиной серебряных. До двух золотых — сто пятьдесят два с половиной. Много. Очень много. Но если брать по квесту в день — может, через неделю-другую наскребёт. Если не умрёт. Если не сломает снаряжение. Если бандиты не отберут.

— Ну что, Ушастик, — сказал Корд. — У нас есть напарник. И деньги. Почти сорок восемь серебряных. Неплохо для первого дня, но капсула не оплатится сама.

Ушастик чихнул во сне — искры вылетели и упали на мостовую, оставив на камнях золотые точки. Они светились несколько секунд, потом погасли.

— Идём, — сказал Корд. — Будем искать следующий квест.

Он пошёл вглубь крепости. Мимо рынка, мимо таверны, мимо доски объявлений. Ушастик спал на плече, и во сне он чихал — мелкими, слабыми искрами, которые не могли ничего сжечь. Просто светились и гасли. Как звёзды.

А в тени, у стены, стоял человек в чёрном плаще. Он смотрел вслед Корду, потом перевёл взгляд на доску объявлений, потом снова на удаляющуюся фигуру. Лица его не было видно — капюшон скрывал всё, кроме подбородка. Он постоял ещё мгновение, потом развернулся и ушёл в боковой проулок.

Корд не заметил его. Но Ушастик вдруг открыл один глаз,

посмотрел в сторону проулка, фыркнул и снова закрыл его, прижавшись к шее хозяина.

Корд шёл в таверну — заказать горячего и подумать, куда идти завтра. Он не знал, что за ним уже наблюдают. Что человек в чёрном запомнил его лицо. Что Ушастик стал заметен не только охранникам у ворот, но и тем, кто носит более тёмные цвета.

Но пока — он просто шёл по мостовой, чувствуя на плече тёплый комок, и думал о деньгах, о капсуле, о том, как наскрести ещё полтора золотых за месяц.

Ушастик чихнул во сне. Искры упали на плечо Корда, оставив золотые точки на куртке. Они светились несколько секунд, потом погасли.

Глава 5

Утро встретило их солнцем. Настоящим, тёплым, разлившимся по листьям золотыми пятнами. Корд вышел из таверны, потянулся, хрустнул шеей. В сумке позвякивали серебряные — двадцать пять с хвостиком, неплохо для второго дня. Ещё немного, и капсула оплачена. Ещё немного, и можно будет дышать спокойно.

Ушастик на плече зевнул, показав клыки, и прищурился на солнце.

— Хороший день, да? — сказал Корд, погладив зверька по голове.

Ушастик чихнул. Искры упали на мостовую, зашипели и погасли.

— Идём, — Корд зашагал к воротам. — Сегодня возьмём квест посложнее. Я уже не новичок.

У ворот его ждала Анника. Белый плащ, посох, спокойное лицо. Она кивнула, разглядывая Корда с лёгкой усмешкой.

— Выспался?

— Ага, — Корд ухмыльнулся. — Готов работать. Сегодня возьмём что-то пожирнее. Надо на капсулу.

Девушка кивнула. В её взгляде мелькнула тень — что-то похожее на усталость, но она быстро моргнула, и тень исчезла. Корд не придал этому значения — он был слишком занят своими мыслями. Вчера он убил кабана, уничтожил болот-

ную тварь, собрал Краецвет. Он сильнее, чем думал. Сегодня — новый день, новые деньги.

— Я смотрела доску, — сказала Анника, поправляя капюшон. — Есть заказ на скверн-волков. Северная опушка. Платят тридцать серебряных за шкуры.

— Тридцать? — Корд присвистнул. — Это почти как вчерашний квест.

— Волки опаснее слизня. Пятый уровень. Но если работать вдвоём...

Корд кивнул, поправил рапиру, коснулся щита. Пятый уровень — ничего страшного. Вчера он справился с кабаном третьего уровня, а сегодня чувствует себя ещё увереннее. Волки? Он справится. Главное — бить первым.

Ушастик на плече вдруг прижал уши. Коротко, резко. И чихнул — тревожно, с искрами, разлетевшимися в стороны. Золотые искры упали на землю, зашипели и погасли быстрее обычного, будто их задуло ветром. Зверёк заёрзал, перебирая лапами по плечу Корда, и тихо заскулил — тонко, почти неслышно.

— Ты чего? — спросил Корд, повернув голову.

Зверёк фыркнул, мотнул головой. Уши его стояли торчком, ловили каждый звук. Он смотрел в сторону северной опушки, и в его взгляде было что-то беспокойное — почти паническое. Хвост нервно дёргался, как натянутая пружина.

— Нервничает, — сказала Анника, подходя ближе и разглядывая зверька с лёгким прищуром. — Питомцы чувству-

ют опасность. Иногда раньше, чем она появляется.

Корд пожал плечами. Он потрепал Ушастика за ухо, пытаюсь успокоить, но зверёк только сильнее прижался к его шее.

— Он всегда нервничает. Вчера тоже чихал, и ничего.

— Вчера мы нашли Краецвет, — заметила Анника, скрепив руки на посохе. — Может, он знает что-то, чего мы не знаем. Или чувствует то, что не видим.

— Знает, — Корд улыбнулся, потрепал Ушастика по голове. — Но мы же не будем сидеть сложа руки из-за того, что зверёк нервничает? Он же не оракул. Он просто... питомец.

Ушастик прижал уши ещё плотнее, фыркнул и отвернулся, демонстративно глядя в другую сторону. Хвост его нервно дёргался, как натянутая струна. Корд не обратил внимания. Он уже шёл к воротам, чувствуя в груди лёгкое, почти пьянящее возбуждение.

— Идём, — бросил он через плечо. — Покажу, на что я способен.

Аника чуть помедлила, переводя взгляд с Корда на зверька, на лес за воротами. На её лице промелькнула тень сомнения, но она быстро справилась с собой. Молча кивнула и пошла следом. Только посох она сжала чуть крепче обычного, и в пальцах её мелькнул слабый белый свет — она держала щит наготове, сама не зная зачем.

Они вышли за ворота. Лес встретил их прохладой — влажной, пахнущей мхом и прелой листвой. Солнце пробивалось сквозь кроны редкими золотыми лучами, оставляя

на земле длинные тени. Трава была мокрой от росы, и ноги скользили по корням, по скользким камням, выступающим из земли. Где-то вдалеке крикнула птица, и звук этот показался Корду бодрым, обнадеживающим.

— Мы уже почти пришли, — сказал он, шагая вперёд. — Там, за оврагом, должна быть опушка. Я вчера видел на карте. Волки там водятся, говорят.

Ушастик на плече зашипел. Тихо, почти неслышно — но в этом шипении была такая тревога, что Анника замерла на мгновение. Корд повернул голову, но зверёк уже замолчал, вцепившись когтями в куртку. Его глаза были широко открыты, зрачки расширены.

— Ну что ты? — Корд потрепал его за ухо, чувствуя, как под пальцами дрожит звериное тельце. — Нервный ты сегодня. Спи, мы справимся. Я же вчера справился с кабаном, а сегодня — с волками. Что там сложного?

Ушастик не стал спорить. Он просто зажмурился и прижался к шее, но уши его всё ещё стояли торчком, и каждые несколько секунд он вздрагивал, будто слышал что-то, чего не слышали они.

Аника шла следом, иногда оглядываясь. Её шаги были тихими, почти бесшумными — она умела двигаться в лесу. В отличие от Корда, который то и дело наступал на сухие ветки, выдавая себя хрустом на всю округу.

— Тихо, — вдруг сказала она, остановившись.

Корд замер. Прислушался. Птицы молчали. Ветки не ше-

велились. Только ветер гулял по верхушкам деревьев, разнося запах прелой листвы и чего-то ещё... кислого, резкого, неприятного. Запах был живым — он проникал в ноздри, оседал на языке, вызывая почти физическое отвращение.

— Пахнет, — сказал Корд, сморщив нос.

— Скверной, — кивнула Анника. — И она рядом. Очень близко. Я чувствую её по мане — она словно кислота в воздухе.

Ушастик вдруг открыл глаза, зашипел громко, отчаянно, и Корд почувствовал, как зверёк вцепился когтями в плечо — больно, до крови, через куртку. Четыре горячие точки впились в кожу, и Корд вздрогнул от неожиданности.

Из кустов, справа, выметнулась тень. Серая, низкая, быстрая. За ней — ещё одна. И ещё. Пять силуэтов, скользящих между стволами, с глазами, горящими тусклым красным, как раскалённые угли. Шерсть на их спинах топорщилась, обнажая полосы бледной, болезненной кожи, по которой струилась едва заметный чёрный дымок.

Скверн-волк. Уровень 5. Опасность: высокая.

Скверн-волк. Уровень 5. Опасность: высокая.

Скверн-волк. Уровень 5. Опасность: высокая.

Скверн-волк. Уровень 5. Опасность: высокая.

Скверн-волк. Уровень 5. Опасность: высокая.

Панели всплыли одна за другой, красным, тревожным, мигающим. Корд выхватил рапиру, поднял щит. Пальцы сжали рифлёную рукоять до побелевших костяшек.

— Пятый уровень! — крикнула Анника, отступая на шаг.
— Назад! Нам нужно уходить!

Но Корд уже прыгнул вперёд — уверенный, быстрый, почти нахальный. Он вчера убил кабана третьего уровня. Волки? Он справится. Надо просто бить первым, и всё. Он уже прикидывал траекторию, выбирал самого ближнего, того, что стоял чуть впереди остальных.

Рапира вошла в бок ближайшего волка. Остриё скользнуло по шерсти — и не пробило. Шкура была жёсткой, словно пропитанной смолой, и клинок просто отскочил, не оставив даже царапины. Зверь даже не дёрнулся. Он повернул голову, глядя на Корда красными глазами, и зарычал — низко, гортанно, почти с наслаждением.

— Стой! — крикнула Анника, вскидывая посох. — Они слишком сильные! Мы не справимся!

Корд отскочил, закрылся щитом. Волк прыгнул — тяжело, мощно, сбивая всё на своём пути. Удар пришёлся на щит, и Корда отбросило на пару шагов. Рука онемела, в плече стрельнуло болью, и он почувствовал, как по спине пробежал холодный пот.

Второй волк обошёл его слева. Третий — справа. Они двигались слаженно, как стая, загоняя добычу в кольцо. Красные глаза горели в полумраке, пасти, полные игл, оскалились в беззвучном рыке.

Аника подняла посох. Белый свет вспыхнул над её головой — щит, который она пыталась поставить между волками

и Кордом. Она сосредоточенно сжала губы, вытянула руку вперёд, и свет начал собираться в плотную, почти осязаемую стену.

Но она не успела. Волк с рёвом рванул вперёд, обходя Корда, и ударил прямо в девушку, сбив её с ног.

Щит лопнул — белые осколки разлетелись, тая в воздухе, как облачко пара. Анника охнула, отлетела назад, ударилась спиной о дерево и сползла по стволу. Посох выпал из рук, покатился по земле. Глаза её на мгновение расширились от боли — и потухли. Тело начало растворяться, распадаясь на серые частицы, которые впитывались в землю, словно никогда не существовали. Через секунду на том месте осталась только вмятина в траве и одинокий посох.

Убита. Анника (уровень 3).

Корд замер. В голове было пусто. Только одна мысль, как обломок стекла: «Она умерла. Я не защитил её. Я не послушал Ушастика. Я не послушал её. Я...»

Он не успел додумать. Волки не ждали. Они уже шли к нему — пять серых теней, с пастями, полными игл, с глазами, горящими красным. Они чувствовали его страх, его панику, и это делало их только смелее.

Корд рванул. Просто рванул — наугад, в сторону, в заросли, в чащу. За спиной слышалось рычание и тяжёлый топот. Он бежал, не разбирая дороги, ветки хлестали по лицу, оставляя царапины, корни цеплялись за ноги, и он падал, вставал, бежал снова. Плечо болело, рапира почти выпала из

ослабевших пальцев. Дыхание сбилось, в груди кололо.

— Ушастик! — крикнул он, почти задыхаясь. — Помоги! Что делать?!

Зверёк на плече зашипел. И вдруг Корд почувствовал — воздух вокруг нагрелся. Тёплый, почти горячий ветер коснулся лица. Он оглянулся на бегу и увидел. Ушастик сидел на плече, уши торчком, глаза горят золотом, как два маленьких солнца. Из его ноздрей вырвались искры — не хаотично, не случайно, а целенаправленно, потоком, ударившим в сухую траву за спиной. Не просто искры, а струя огня, огненный след.

Трава вспыхнула. Огонь побежал по сухим стеблям, поднимаясь выше, выше, охватывая кустарник. Дым — густой, едкий, чёрный — поднялся стеной, отрезая волков. Рычание стало глуше, топот стих. Дымовая завеса закрыла лес, закрыла стаю, и Корд бежал дальше, не оглядываясь, пока лёгкие не начало жечь от бега и от дыма.

Он выбежал к ручью, упал на колени, зачерпнул воду и приложил к лицу. Холодная, прозрачная вода потекла по щекам, смешиваясь с потом. Руки дрожали. В груди колотилось сердце. Он обернулся — дым ещё клубился за спиной, но волков не было. Они остались там, за огненной стеной, которую создал Ушастик.

Корд перевёл дыхание. Посмотрел на зверька. Ушастик сидел на плече, тяжело дыша, уши прижаты к голове. Из ноздрей больше не вылетали искры — только лёгкий пар,

как после долгого бега. Он смотрел на Корда усталыми, но осмысленными глазами. В них не было пустоты — была усталость, тревога, и что-то ещё, похожее на облегчение.

— Ты... ты сделал это нарочно, — прошептал Корд. — Ты понял, что надо поджечь траву. Ты понял, что дым нас спасёт. Ты думал.

Ушастик моргнул. Медленно, как сова. И слабо, едва слышно чихнул. Одна искра, слабая, почти прозрачная, упала в воду ручья и погасла с тихим шипением.

— Ты... ты же просто питомец. Мусорный, — Корд не мог поверить. — Как ты... как ты это сделал?

Ушастик не ответил. Он просто прижался к его щеке — тёплый, пушистый, живой. И Корд закрыл глаза, позволяя себе просто дышать. Дышать. Дышать. Считать вдохи и выдохи, чтобы не разреветься от усталости и отчаяния.

Он сидел у ручья, глядя на мутную воду, пока дыхание не выровнялось. Рядом сидел Ушастик — молчаливый, усталый, но живой. Он не требовал ничего. Не объяснял. Просто был рядом.

Корд открыл интерфейс. Написал Аннике сообщение.

«Прости. Я должен был слушать. Я должен был остановиться. Я верну тебе деньги. Обещаю. Все, что потеряла. И ещё. Просто вернись, пожалуйста».

Отправил.

В ответ — молчание. Она ещё не вернулась в игру.

Корд сидел у ручья, глядя в мутную воду. Рядом сидел

Ушастик — молчаливый, усталый, но живой. И Корд знал: он не даст ему умереть. Ни за что. Не позволит никому тронуть зверька, который спас ему жизнь.

Он поднялся, закинул рапиру на плечо. Руки всё ещё дрожали, но он сжал их в кулаки, чтобы унять дрожь.

— Идём, — сказал он зверьку. — Надо возвращаться. И готовиться к завтрашнему дню. Мы должны заработать. За неё тоже. Завтра она вернётся, и мы попробуем снова. Но в этот раз — умнее.

Ушастик чихнул. Одна искра упала в воду и погасла.

Корд пошёл обратно в крепость — медленно, тяжело, чувствуя в груди холодный ком вины. Он думал о том, как Анника пыталась поставить щит. Как не успела. Как он не помог. Как он настаивал на своём, не слушая предупреждений.

— Я не дам этому повториться, — сказал он тихо, не столько Ушастику, сколько самому себе. — Я стану сильнее. Для всех нас. Научусь слушать. Научусь не быть таким... таким дураком.

Ушастик прижался к его шее. И Корд почти физически почувствовал — зверёк согласен. Он верит.

Осталось только поверить самому. И дожждаться, пока Анника вернётся. И отдать ей деньги. И попросить прощения ещё раз. Вживую.

В таверне было шумно, но Корд не слышал шума. Он сел в углу, заказал горячего чаю, положил перед собой рапиру. Ушастик свернулся калачиком на столе, прикрыл глаза и за-

сопел, утомлённый. Спал он крепко, но иногда вздрагивал во сне, перебирал лапами, будто бежал за кем-то.

Корд смотрел на него и думал. Думал о том, как Ушастик поджёт траву. Осознанно. Не случайно. Не по скрипту. Он понимал, что делает. Он спас его.

— Кто же ты такой? — прошептал Корд.

Ушастик не ответил. Только чихнул во сне — тихо, почти беззвучно. Без искр.

И Корд ждал. Ждал, когда Анника вернётся. Ждал, когда Ушастик проснётся. И знал: завтра будет новый день. И он начнёт его с того, что отдаст долг.

Потому что он обещал.

Глава 6

ГЛАВА 6. «СОЛНЕЧНЫЙ УДАР»

Ночь тянулась долго, как ржавый гвоздь, который не вытаскишь из доски. Корд ворочался на жёсткой койке, слушал, как за окном ветер гнёт сухие ветки, и считал в уме — двадцать пять серебряных у него, у Анники было около тридцати, но часть она потеряла при смерти. Сколько? Пальцы сжались в кулак — костяшки побелели. Два золотых. Двести серебряных. Ох, как далеко до них, как скользко по этой тропе...

Ушастик спал на его груди — тёплый, мягкий комочек, иногда вздрагивал во сне и поскуливал тонко, по-щенячьи, будто ему снилось что-то страшное. Корд провёл пальцем по его голове, нащупывая под шерстью частое, горячее биение маленького сердца. Зверёк спас его. Осознанно. В голове это не укладывалось, не вставало на место, но пальцы помнили — Ушастик чихнул не просто так, он направил искры, он целился. Запах гари от той травы всё ещё стоял в ноздрях, если закрыть глаза.

Утром Корд поднялся первым, босиком ступил на холодный деревянный пол, и доски противно скрипнули под пятой. Ушастик нехотя приоткрыл один глаз, зевнул, блеснув клыками, и фыркнул — искры вырвались слабые, бледные, почти прозрачные, растворились в воздухе, не долетев до по-

ловицы. Зверёк ещё не отошёл, не восстановился после вчерашнего, мышцы его подёргивались мелкой дрожью.

— Жив? — спросил Корд, голос сел, хрипел со сна.

Ушастик мотнул башкой, прыгнул с лежанки, приземлился на четыре лапы, подбежал к двери и заскрёб когтями по дереву — резко, настойчиво, требовательно. Похожйски. Будто говорил: вставай, нечего рассиживаться, дело ждёт.

— Дак идём, идём... — Корд натянул сапоги, поднялся, и половицы застонали под его весом.

На улице небо висело серой ватой, низко, сыро, будто его выжали над лесом. Ветер швырял в лицо холодные капли, пахло грозой и прелью, где-то вдалеке ухал филин — глухо, надрывно. Корд повёл плечами, зябко передёрнулся, зашагал к воротам. Сапоги хлюпали по мокрой земле, оставляя глубокие следы. Надеялся, что Анника уже там, ждёт.

Она стояла у столба, белый плащ на плечах, в руках посох — длинный, тёмный, с набалдашником, который тускло мерцал. Лицо бледное, под глазами тени, будто она тоже не спала, ворочалась, считала. Но увидела Корда — и губы тронула слабая улыбка, едва заметная, как трещина на льду. Корд подошёл ближе, и под рёбрами сжалось холодно, как от пригоршни снега, брошенной за ворот.

— Анника...

— Знаю, — перебила она, не давая договорить. Голос тихий, но твёрдый. — Я читала. Ты написал.

Он остановился. Слова застряли в горле — там, где ком, который не проглотить. Открыл рот — и она качнула головой, жестко, решительно.

— Я тоже виновата. Надо было уйти. Я чуяла — там опасно. Нутром чуяла.

— Нет! — Корд шагнул к ней, вязко, будто по болоту, сапоги утопали в грязи. — Я не слушал. Ни тебя, ни Ушастика. Думал — крутой, думал — всё могу. Оказался...

— Новичком, — закончила она тихо, глядя прямо в глаза. — Мы оба. Но мы учимся.

Помолчала, и ветер шевельнул её плащ, пронес запах мокрой шерсти и дыма. Потом спросила:

— Сколько потерял?

— Двадцать пять процентов, — ответил Корд, глядя в сторону, на мокрые камни мостовой. — И... Ушастик чуть не погиб. Он спас меня. Без него бы меня не было.

Анника перевела взгляд на зверька. Тот сидел на плече Корда — уши торчком, настороженные, глаза уставшие, без враждебности. Просто смотрел, как смотрит живое существо, которому нужен покой и тепло, — устало, прищуренно.

— Чудной у тебя питомец, — сказала Анника, и в голосе её послышалось что-то новое, осторожное. — Вчера он поджёг траву. Осознанно. В логе боя написано: «Питомец использует навык». Не «чихает». Не «случайно». Именно «использует».

Корд кивнул, чувствуя, как шерсть Ушастика касается его

щеки.

— Видел.

— Это не по правилам, — голос её стал тише, почти шёпотом, будто она боялась, что кто-то услышит. — Питомцы не должны сами применять навыки. Тем более так... с умом, с расчётом. Это не нормально.

— Знаю, — Корд повернул голову, посмотрел на Ушастика. Тот прижал уши, будто понимал, о чём речь. — Но он спас мне жизнь. Ругать не стану. И другим не дам.

Анника промолчала. Секунду, другую, потом вздохнула, и пар вырвался изо рта белым облачком.

— Сегодня — что? — спросила она.

Корд выдохнул, и напряжение отпустило плечи. Она не ушла. Осталась. Это было важнее всех слов, всех обещаний.

— Сегодня будем умнее. Сначала карту — проверим, где безопасно. Найдём место, где нет тварей выше третьего уровня. И станем слушать Ушастика. Он чувствует лучше нас.

Вышли за ворота. Свернули на южную тропу — там, по слухам, водились дикие кабаны, уровень третий-четвёртый. Не скверн-волки, не големы. С ними можно справиться, если быть осторожными. Земля под ногами была пружинистой, влажной, пахло перегноем и мокрой корой.

Ушастик на плече сидел спокойнее — уши не прижаты, не насторожены, чихал иногда без тревоги, просто так, для порядка. Корд шёл медленно, шурился, вслушивался в каждый шорох, каждый хруст ветки. Запах мокрой коры смешивался

с чем-то грибным, кисловатым. Анника — сзади, посох наготове, слышно было, как её сапоги мягко ступают по траве.

Лес здесь был светлым, редким. Деревья стояли друг от друга поодаль, между ними пробивался серый, скупой свет, но живой, тёплый. Пахло прелыми листьями и сырой землёй, где-то журчала вода — тонко, переливчато.

— Чисто, — сказала Анника, и голос её отразился от стволов. — Почти не чую скверны. Здесь она не водится.

— Добро, — Корд кивнул, оглядываясь. — Значит, мы по пути.

Шли с полчаса. Тропа вилась между деревьями, уходила в низины, где папоротник лез из земли густо, высоко, почти по пояс. Корд заметил следы — копыта, глубокие ямки в глине, свежие, с чёткими краями. Кабаны.

— Они близко, — шепнул он, присел на корточки, провёл пальцем по краю следа. Глина была холодной, липкой.

И тут из кустов — тень. Не кабан.

Быстрая. Чёрная. Глаза — зелёный уголь, горящий изнутри.

Лесной голем. Уровень 5. Опасность: высокая.

За ним — второй. Третий. Четыре. Сколоченные из камня и грязи, с глазницами, где тлело зеленоватое пламя, с телами, покрытыми мхом и трещинами. Двигались тяжело, но быстро, и каждый шаг их сотрясал землю — Корд чувствовал это пятками, через подошвы сапог.

— Куда мы опять влипли?! — крикнула Анника, отступая

на шаг, посох вскинулся в защитной стойке.

— Не знаю! — Корд выхватил рапиру, и клинок со свистом разрезал воздух. — С другой стороны зашли! Они нас обошли!

Големы надвигались. Каменные кулаки сжались в глыбы, готовые раздробить кости. Корд метнулся в сторону — первый удар прошёл мимо, воздух свистнул у виска. Второй задел плечо, и вспышка боли — острая, как нож, вонзённый в мышцу, — швырнула его в сторону. Он отлетел, ударился спиной о ствол, и дерево вздрогнуло, осыпав его корой и каплями. В зубах — привкус железа, солёный, тягучий.

— Корд!

Анника вскинула посох, и белый свет полыхнул на набалдашнике, но големы отрезали её — стеной, каменными тушами. Она была слишком далеко, и между ними стояла глыба, непробиваемая.

Корд поднялся, сплюнул кровь, сглотнул солёное. Големы шли к нему — медленно, неотвратно, как лавина. Он отступал, пятясь по склону, пока лопатки не упёрлись в каменную стену оврага. Крутой, скользкий, в зелёном мху, пахло сыростью и гнилью. Пути назад — нет. Только вперёд, на них.

— Загнали... — выдохнул он.

Ушастик на плече зашипел — отчаянно, громко. Глаза его загорелись золотом, из ноздрей вырвались искры, тонкие, горячие, но вокруг было сыро, сухой листвы нет, только влажный мох и мокрая земля. Не поджечь.

— Не выйдет, — выдохнул Корд, чувствуя, как в груди разливается колючий холод отчаяния.

Големы закрыли свет, их тени легли на лицо. Корд сжал рапиру, поднял щит — и рука дрогнула. Он знал: рапира камень не пробьёт, только скользнёт по поверхности. Щит не выдержит удара — сломает руку, раздавит грудную клетку.

И вдруг — в отчаянии, на грани, когда дышать уже нечем, — он вспомнил. Свет. Он же маг Света. Не только щит, не только искры. Свет — это сила, это оружие, это удар.

Рука взметнулась, пальцы растопырились, и он швырнул вперёд всю энергию, что осталась, — не в щит, не в защиту. В атаку. В ослепление.

Белое полыхнуло из ладони — режущее, жгучее, болезненное для собственных глаз, — и ударило в големов. Те замерли, угольные глаза замигали, дезориентированные, каменные тела по краям пошли мелкими трещинами, будто их стегнули кнутом. Трое зашатались, потеряв ориентацию, их тяжёлые кулаки опустились.

Корд выстрелил движением вперёд, ушёл в нырок, уходя от слепых ударов. Рапира вошла в трещину на груди первого — туда, где камень был тоньше, светлее. Клинок ушёл глубоко, по самую гарду, голем вздрогнул всем телом, начал рассыпаться, крошиться на куски. Второй удар — в шею, в сочленение, где камень был слабее, и остриё встретило податливую глину. Голем рухнул, подняв густое облако пыли, серой и едкой, она осела на лицо, забила ноздри.

Уничтожен Лесной голем (уровень 5). +30 опыта.

Перед глазами всплыла панель, светящаяся зелёным:

Вы создали новый навык!

«Солнечный удар» — АОЕ ослепление + урон Светом. Радиус 5 метров. Урон: средний. Длительность ослепления: 3 секунды. Восстановление: 2 минуты.

Корд прочитал — но не обрадовался, не успел. Третий голем уже заносил кулак, тень его накрыла Корда. Он попытался уйти в сторону — ноги не слушались, скользили по мокрой траве. Не успел. Каменная глыба встретила его в бок, и он швырнул себя в перекат, рухнул на землю, скручиваясь, сжимаясь от боли. В ушах — звон, тонкий, пронзительный, перед глазами — пятна, чёрные и белые одновременно. Под рёбрами что-то хрустнуло, влажно, и дыхание перехватило, не вдохнуть, не выдохнуть.

Ушастик зашипел — отчаянно, надрывно, громче, чем когда-либо. Спрыгнул с плеча, приземлился перед Кордом, встал между ним и големом. Маленький, пушистый, дрожащий, но с глазами, горящими золотым огнём, — он не отступил.

Искры из ноздрей — не в голема. В сторону. К скале. Подсветили тонкую, почти незаметную трещину у основания левой ноги каменного монстра, там, где мох был темнее и камень тоньше.

Корд увидел. Понял. Собрал остатки сил — всё, что осталось в руках, в плечах, в животе, — швырнул себя вперёд,

ушёл в нырок, скользнул по мокрой траве, и остриё рапиры встретило трещину — точно туда, что подсветил Ушастик. Клинок вошёл глубоко, в слабое место, в глиняную сердцевину. Голем зашатался, качнулся вперёд, потерял равновесие. Корд встретил его снова — удар в то же место, глубже, сильнее. И в третий раз — пока каменная туша не рухнула, не рассыпалась на куски, подняв облако пыли, от которой запершило в горле.

Уничтожен Лесной голем (уровень 5). +30 опыта.

Остался последний. Стоял, глядя на Корда, и угольные глаза его снова разгорались — ослепление отступало, зрение возвращалось к монстру. Руки немели, пальцы едва сжимали рапиру, кровь заливала левый глаз, текла по подбородку, капала на траву — тёмная, густая. Больше не мог. Ноги подкашивались, грудь гудела пустым барабаном.

Ушастик снова чихнул — в другую сторону, под камень, где таилась ещё одна трещина, почти незримая, скрытая мхом, но голем её не видел, не обращал на неё внимания.

Корд рванул в последний раз — выдохнув всё, что осталось, рванул, спотыкаясь, уходя от занесённого кулака. Рапира вошла в голема — с такой силой, с такой яростью, что клинок ушёл по самую гарду, пробил слабинку насквозь, вышел с другой стороны каменной ноги.

Голем замер. На мгновение — застыл, будто время остановилось. Потом, тихо, с хрустом, начал трескаться — от места удара пошли глубокие трещины, разбежались паутиной

по всему телу. И рухнул, подняв последнее облако пыли, которое осело на лицо, на одежду, на раненый бок.

Уничтожен Лесной голем (уровень 5). +30 опыта.

Корд осел на колени. Пальцы разжались, рапира выпала, звякнула о камень. Руки дрожали крупной, мелкой дрожью. Дыхание — хриплое, рваное, каждым вдохом отдавалось в груди болью. Левый бок пульсировал, под рёбрами что-то было не так, что-то сдвинулось, хрустнуло. Он прижал ладонь к ране — пальцы стали мокрыми, тёплыми, липкими. Кровь.

Ушастик подбежал к нему. Ткнулся носом в раненый бок, лизнул — горячим, шершавым языком, — и по телу побежала слабая дрожь. Ещё раз. И ещё. Не отходил ни на шаг. Прижимался, лизал кровь, и в его глазах, золотых, влажных, была тревога — настоящая, не звериная, почти человеческая.

— Ты... беспокоишься? — прошептал Корд, глядя на зверька. Голос сорвался, сел.

Ушастик не чихнул, не фыркнул. Просто прижался к его щеке, к мокрой, солёной щеке, и замер, дрожа, всем маленьким телом, выражая страх и боль, которые невозможно передать словами.

Анника подошла, опустилась на колени рядом, не спрашивая разрешения. Ладони её засветились белым, тёплым светом — она накладывала лечение, затягивала рану, восстанавливала порванные мышцы, сращивала то, что хрустнуло внутри.

— Дурак, — тихо сказала она, и голос её дрогнул. — Могли уйти. Я бы отвлекла, ты бы побежал.

— Нет, — выдохнул Корд, чувствуя, как боль уходит, сменяясь свинцовой тяжестью в конечностях. — Догнали бы. Они быстрее. Я должен был. Ты не должна была умирать за меня снова.

Анника не ответила. Закончила лечение, убрала руки, поднялась. Подала ему руку — ладонь тёплая, сухая. Корд встал — опираясь на рапиру, на щит, на её плечо, на что угодно. Ушастик не спрыгивал. Сидел у шеи, прижимался всем телом, мелко дрожал, и его дыхание щекотало ухо.

Корд открыл интерфейс — панель всплыла перед глазами, прозрачная, светящаяся. Двадцать пять серебряных. Перевёл пятнадцать на имя Анники. Оставил сообщение: «Это тебе. На капсулу. Остальное заработаем вместе. Прости».

Анника открыла интерфейс, увидела перевод. Удивлённо подняла бровь, посмотрела на него.

— Это тебе, — сказал Корд, глядя в сторону, на остывающие куски големов. — За вчерашнее. Обещал.

— Ты не должен...

— Должен, — перебил он, и голос стал твёрже. — Не слушал тебя. Ты умерла из-за меня. Пусть это будет... начало. Начало того, что я исправлю.

Анника долго смотрела на него. Ветер шевелил её плащ, заносил запах гари и мокрой земли. Потом она кивнула — молча, без спора. Просто кивнула и убрала интерфейс.

Пошли обратно. Корд шёл медленно, каждый шаг отдавался в боку тупой, ноющей болью, но он держался, стискивал зубы, не жаловался. Сапоги хлюпали по мокрой траве, оставляя следы, в которых тут же собиралась вода. Ушастик сидел на плече, иногда чихал — слабо, почти без искр, чихал и прижимался к шее. Уставший, вымотанный до предела, но держался, не отходил.

В груди — не тепло от лечения. Другое. Тягучее, глубокое. Он не один. Рядом те, кто не бросят, кто не предадут. Ушастик, который спас его дважды. Анника, которая осталась, несмотря на вчерашнюю смерть, несмотря на его глупость.

Возле ворот он остановился, перевёл дыхание. Небо всё так же висело серое, низкое, но где-то на краю прорезался луч — слабый, бледный, но живой.

— Знаешь... — начал он, глядя на этот луч, на мокрые стены крепости. — Впервые в жизни чувствую, что я не просто винтик на заводе. Не просто деталь, которую можно заменить. Я что-то значу.

Аника посмотрела на него — на его разбитое лицо, на запёкшуюся кровь на подбородке, на усталые глаза, на зверька, который дрожал у его плеча. И улыбнулась — светло, тепло, как тот самый луч на горизонте.

— Значишь. Для него, — она кивнула на Ушастика. — И для меня. Не вздумай умирать, понял? Не смей.

Корд улыбнулся в ответ — слабо, через боль, через усталость, но искренне, от всего, что осталось внутри.

— Уразумел. Договорились.

Вошли в крепость. Стены встретили их запахом сухого дерева и дыма, где-то залаяла собака, хлопнула дверь. Корд знал: утром они пойдут дальше. Потом будут искать способ заработать на переезд, думать о гильдии, о капсулах, о том, как выбраться из этой дыры и стать сильнее. Столица или другой путь — решат по ходу, когда придёт время. Он не представлял, что ждёт их в ближайшие дни. Не был уверен, примут ли их в гильдию, найдут ли они общий язык с другими игроками. Но знал одно: не остановится. Не сдастся. Ради них он готов идти до конца — до последней капли сил, до последнего удара сердца.

Ушастик чихнул во сне — одну искру, слабую, почти прозрачную, как утренний туман. Она упала на плечо Корда, загорелась на мгновение золотым светом и погасла, оставив на ткани крошечное тёплое пятно.

Как маленькая звезда, что не даёт погаснуть надежде.

Глава 7

ГЛАВА 7. «ПЕРВАЯ СМЕРТЬ»

Корд проснулся от того, что в комнате было тихо. Слишком тихо.

Он открыл глаза. Ушастик спал у него на груди, свернувшись калачиком, иногда вздрагивал во сне и тихо поскуливал. Окно было закрыто, но сквозь щели пробивался серый утренний свет. Корд перевёл дыхание. Бок болел — лечение Анники сняло самое острое, но синяки и трещины ещё не зажили полностью. Он чувствовал их, когда двигался, когда дышал.

Он сел, осторожно переложив Ушастика на подушку. Зверёк не проснулся — только фыркнул и поджал лапы. Корд улыбнулся, глядя на него, и открыл интерфейс.

Сообщений от Анники не было.

Он написал ей:

«Доброе утро. Как ты? Я готов идти. Бок ещё болит, но я справлюсь. Напиши, когда будешь в игре».

Отправил. Подождал минуту. Две. Пять. Ответа не было.

Корд нахмурился, но решил не паниковать. Может, она ещё спит. Может, в реале дела. Вчера она потеряла деньги, пережила смерть — ей нужно было отдохнуть.

Он встал, умылся, надел куртку. Ушастик, почуяв движение, открыл один глаз, чихнул и потянулся, выгнув спину

дугой.

— Проснулся, — сказал Корд. — Идём, похлёбку поедим.

Ушастик спрыгнул с кровати, подбежал к двери и поскрёб когтями по дереву. Требовательно, как всегда. Корд улыбнулся, открыл дверь, и они вышли.

Таверна уже гудела. Кто-то заказывал завтрак, кто-то уже уходил на задания, кто-то сидел с кружкой и мрачно смотрел в стену. Корд сел за свой обычный столик у окна, заказал похлёбку и хлеб. Ушастик устроился на столе, грыз краешек его куртки и чихал на прохожих.

Корд снова открыл интерфейс. Сообщений нет. Он написал ещё раз:

«Анника, ты где? Выходи на связь. Я волнуюсь».

Ответа не было.

Корд поел, чувствуя, как внутри нарастает нехорошее предчувствие. Он проверил время — прошло уже два часа с момента его пробуждения. Анника всегда была ранней. Вчера она была у ворот раньше него.

Он написал в третий раз:

«Анника. Ответь, пожалуйста. Я начинаю переживать».

Тишина.

Корд сжал зубы, допил похлёбку, поднялся. Ушастик запрыгнул на плечо и прижался к шее, будто чувствуя его тревогу.

— Ладно, — сказал Корд, скорее себе, чем зверьку. — Может, у неё проблемы. Может, связь. Я пойду один. Квест

про кабанов — я справлюсь.

Он вышел за ворота. Лес встретил его серым, холодным утром. Небо было низким, облачным, и ветер нёс запах дождя. Птицы не пели. Только где-то далеко каркала ворона, и звук этот был неприятным, почти зловещим.

Корд шёл по тропе, сжимая рукоять рапиры. В боку ныло, но он терпел. На заводе он терпел боль, когда падал на конвейер, когда обжигался о горячий металл, когда спал по четыре часа и вставал на следующую смену. Здесь он тоже будет терпеть. Он не мог позволить себе слабость.

Ушастик на плече прижал уши. Корд заметил это, но решил не обращать внимания. Вчера он тоже нервничал, и ничего страшного не случилось. Почти. Анника умерла, но воскресла. Всё было под контролем. Он сильнее, чем вчера. У него есть новый навык.

— Не волнуйся, — сказал Корд, погладив зверька по голове. — Я справлюсь.

Ушастик не ответил. Он зажмурился, прижался плотнее, но уши его всё ещё стояли торчком.

Лес становился гуще, темнее. Солнце почти не пробивалось сквозь кроны, и в воздухе пахло сыростью и гнилью. Корд шёл вперёд, не замечая, как сворачивает не туда, как сбивается с тропы. Он думал об Аннике, о её молчании, о том, что она могла уйти. Могла просто решить, что он не надёжен. Что не стоит тратить на него время.

Он вышел на поляну, остановился, оглянулся. Вокруг —

только деревья, только серая, сырая тишина. И вдруг, за спиной — шорох.

Корд резко обернулся, выхватывая рапиру. Из кустов показалась фигура — в чёрном плаще, с нашивкой волчьей головы на груди. За ней — вторая. Третья.

«Серые Волки». Уровни: 5, 6, 5. Опасность: критическая.

Корд шагнул назад, поднимая щит.

— Эй, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не хочу проблем.

— Проблемы уже есть, — ответил один из бандитов, усмехаясь. — Ты тот, кто вчера бегал от волков? Мы тебя запомнили. Слабый. Да еще и один.

Корд сжал рукоять.

— Я не один.

— Да ну? — усмехнулся другой. — А где твоя подружка? Бросила тебя?

Корд промолчал. Он не знал, что ответить. Он сам не знал, где Анника.

— Ладно, — сказал первый, вынимая меч. — Плати налог, и уйдёшь живым. Тридцать процентов.

— Тридцать? — переспросил Корд.

— Это цена входа на нашу территорию, — усмехнулся бандит. — Ты на ней. Плати или умри.

Корд посмотрел на Ушастика. Тот сидел на плече и дрожал. Его уши были прижаты, глаза широко открыты, и он

смотрел на бандитов с ужасом. Или с яростью? Корд не мог разобрать.

— Убирайтесь, — сказал Корд. — Я не буду платить.

— Ну, как хочешь.

Бандиты двинулись вперёд. Корд прыгнул навстречу, активируя «Солнечный удар». Белый свет вырвался из его ладони, ослепляя врагов. Они зашатались, дезориентированные, и Корд рванул к ближайшему, вонзая рапиру в его бок.

Но второй уже пришёл в себя — ослепление длилось слишком мало. Корд не успел уйти, удар пришёлся по щиту, отбросил его в сторону. Он упал на колени, ударился головой о корень, и на мгновение всё поплыло перед глазами.

— Он слабый, — сказал один из бандитов. — Давайте покончим с ним.

Корд попытался подняться, но тело не слушалось. Боль в боку вспыхнула с новой силой, и он упал, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Ушастик зашипел. Громко, отчаянно. Он спрыгнул с плеча и встал между Кордом и бандитами — маленький, пушистый, с горящими золотыми глазами.

— Что это? — усмехнулся бандит. — Мусорный питомец? Тоже мне защитник.

Ушастик не ответил. Он сделал шаг вперёд. Искры вырвались из его ноздрей — яркие, золотые, опасные. Они ударили в лицо ближайшего бандита, и тот вскрикнул, отшатнувшись, закрывая глаза руками.

— Ах ты, мелюзга!

Бандит замахнулся. Удар пришёлся на Ушастика — тяжело, с хрустом. Зверёк отлетел в сторону, ударился о ствол и затих. Маленькое тельце лежало неподвижно, искры больше не вылетали из ноздрей. Только золотые глаза были открыты — пустые, ничего не выражающие.

Корд крикнул. Не слова — просто звук, вырвавшийся из груди, полный боли и отчаяния. Он попытался подняться, но бандит уже стоял над ним, занёс меч.

— Прощай, слабак.

Корд почувствовал удар. Тупой, тяжёлый. И провалился в темноту.

Воскрешение всегда было резким. Сначала — пустота. Потом — свет. Потом — боль, которая разрывает сознание, выдирает его из тишины и бросает обратно в мир.

Корд открыл глаза. Он лежал на холодном камне, в центре крепости, у алтаря воскрешения. Вокруг суетились игроки, кто-то стонал рядом, кто-то ругался на систему, кто-то уже уходил, не оглядываясь.

Корд сел, чувствуя, как дрожат руки. Он потрогал себя — вроде бы цел. Голова гудела, в ушах звенело, но тело было живым. Целым. Но внутри была пустота. Холодная, тяжёлая. Он открыл интерфейс.

Уровень: 2 (потеря 3).

Ресурсы: 8 серебряных (потеря 17).

Питомец: Ушастик (мёртв). Перерождение через 23:47:12.

Корд смотрел на эти строки и чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение.

— Двадцать три часа, — вслух прочитал он. — Почти сутки.

Он поднялся, отряхнул куртку. Алтарь воскрешения был пуст, только серая пыль кружилась в воздухе, оседая на одежде. Корд посмотрел на плечо — пустое, без Ушастика, без тёплого комка, который всегда сидел там. И вместо боли он почувствовал... досаду.

— Ты серьёзно? — сказал он в пустоту. — Ты не мог просто отбежать? Зачем ты полез? У тебя же нет брони. Ты маленький, глупый зверёк. Что ты думал, что сможешь сделать?

Он провёл рукой по волосам, взлохматив их.

— Я мог бы откупиться. Отдал бы им тридцать процентов — и мы ушли бы живыми. Но ты решил геройствовать. Молодец. Просто... молодец.

Голос его звучал ровно, даже сухо. Без надрыва. Без слёз. Только усталая злость на самого себя — и на зверька, который не знал своего места.

Корд медленно побрёл по крепости. Он не знал, куда идёт — просто шёл, глядя перед собой, перебирая в голове случившееся. Мимо торговцев, мимо охранников, мимо игро-

ков, которые смеялись, торговались, спорили. Они жили своей жизнью, а он шёл и считал убытки.

Сутки. Через сутки Ушастик вернётся. Это не смерть — это просто долгий тайм-аут. Но сутки без питомца — это потерянное время. Сутки без его чутья, без его искр, без его дурацких чихов, которые указывали на траву. Сутки, которые можно было потратить на заработок. На капсулу. На прокачку.

Корд остановился у фонтана на площади, опёрся руками о край и уставился в мутную воду.

— Ты мог хотя бы подождать, пока я отойду, — пробормотал он, обращаясь к пустоте. — Я бы тебя призвал назад. Я бы забрал тебя в безопасное место. Но ты же всегда делаешь по-своему, да? Чихаешь, где хочешь. Лезешь, куда не надо. А теперь сиди в этом своём тайм-ауте и думай.

Он вспомнил, как Ушастик впервые подбежал к нему в лесу. Как чихнул искрами ему в лицо. Как прижимался к шее, когда было страшно. Как поджёг траву, спасая его от волков.

И от этого воспоминания раздражение чуть притупилось. Но не исчезло.

— Ты полезный, — сказал Корд тихо, почти про себя. — Ты реально полезный. Но ты не думаешь. Ты действуешь на инстинктах. А инстинкты у тебя паршивые. Ты не воин. Ты даже не боевой питомец. Ты — мусорный зверёк, который чихает искрами. И ты полез против трёх бандитов пятого уровня. Герой.

Он усмехнулся — горько, без веселья.

— Даже я не настолько глуп. Ну, почти.

Корд поднял голову, посмотрел на небо. Серое, низкое, готовое разразиться дождём. Он чувствовал усталость — не физическую, а внутреннюю. Злость на себя за то, что не успел, не увёл зверька, не додумался. И разочарование в Ушастике — потому что тот не понял, что иногда лучше отступить, чем лезть под удар.

— Ладно, — сказал Корд, выпрямляясь. — Что сделано, то сделано. Через сутки ты вернёшься. И я надеюсь, ты станешь чуть умнее. А если нет — я тебя привяжу к поясу, чтобы не лез.

Он открыл интерфейс, посмотрел на баланс. Восемь серебряных. Жалкие восемь.

— Отличный день, — пробормотал он. — Потерял семнадцать серебра. Три уровня. И питомец в тайм-ауте на сутки. Можно сказать, я в полном порядке.

Он пошёл к таверне. Не потому, что хотел пить, а потому, что не знал, куда ещё идти. Без Ушастика лес казался пустым. Без Анники — холодным.

Он толкнул дверь и вошёл. Внутри было тепло, шумно, пахло жареным мясом и элем. Корд сел в углу, заказал кружку. Не для того, чтобы напиться — просто чтобы занять руки.

Он сидел, глядя в стену, и думал. О том, что ему нужны деньги. Что без питомца он слабее. Что ему нужна команда,

потому что одному не выжить. И что Ушастик, при всей его дурацкой храбрости, остаётся единственным существом, которому Корд действительно доверял.

— Но я не буду по тебе плакать, — сказал он тихо, глядя в кружку. — Ты вернёшься. И я скажу тебе всё, что думаю. А потом мы продолжим работать.

В уголке таверны что-то зашипело, заискрило. Корд поднял глаза. Чумазый парень с рыжими волосами колотил молоточком по дымящемуся агрегату, ругался сквозь зубы и снова стучал. Искры летели в стороны, механизм чихал паром, а парень улыбался, будто это было в порядке вещей.

Корд смотрел на него и вдруг подумал: «Хотя бы кто-то в этом мире радуется жизни».

Он допил эль, поднялся, подошёл к столу механику.

— Ты... инженер? — спросил Корд.

— Механик, — парень гордо выпрямился, вытирая сажу с лица грязным рукавом. — Самоучка. Это, — он кивнул на дымящийся агрегат, — мой новый проект. Двигатель на чистой магии. Ну, пока не работает.

Корд усмехнулся, глядя, как механизм в ответ выплюнул сноп искр, опалив парню бровь.

— Слушай, — сказал Корд, присаживаясь напротив. — Я Корд. Ищу напарников. Ты не хочешь... вместе?

Парень поднял на него глаза. Удивлённо. Потом настороженно. Потом любопытно.

— А что ты умеешь? — спросил он.

— Свет, рапира, щит, — перечислил Корд. — И я сегодня потерял питомца. Не навсегда — вернётся через сутки. Просто он дурак. Полез в драку, когда не надо было.

Парень нахмурился, потом хмыкнул:

— Огневик. Зови просто Огневик. А питомца твоего жалко, конечно, но раз вернётся — значит, не страшно. Бандиты — твари, я их ненавижу. Они у меня тоже... ну, неважно.

Корд пожал протянутую грязную руку.

— Я могу помочь тебе, — сказал Огневик. — Но сначала дай мне починить эту гадость, — он ткнул пальцем в механизм. — И я твой.

Агрегат зашипел, задымился и снова выбросил искры.

Корд невольно усмехнулся:

— Чувствую, у нас будет весело.

Огневик хохотнул:

— Весело — это точно. Только ты не бойся взрывов. Они почти всегда безопасные.

Корд сидел, глядя, как механик колотит по своему безумному устройству, и думал: «Одному не выжить. Нужна команда. А Ушастик... он вернётся. И я ему скажу, чтобы в следующий раз сидел на месте и не лез под мечи. Или я его привяжу. Или научу, что отступать — не стыдно».

Он смотрел на искры, летящие в разные стороны, и чувствовал, как внутри, сквозь раздражение и усталость, пробивается холодная решимость.

Завтра он будет сильнее. И Ушастик тоже станет сильнее.

Или Корд сделает так, чтобы он стал умнее. Потому что вторую такую глупую смерть он не простит — ни себе, ни зверьку.

Глава 8

ГЛАВА 8. «СБОРЩИКИ»

Сон был глубоким и чёрным. Корд провалился в него сразу, едва коснувшись головой рук. Ни снов, ни голосов — только тишина и усталость, которая тянула вниз, в вязкую темень.

Проснулся от прикосновения. Кто-то тронул за плечо — мягко, но настойчиво. Корд дёрнулся, поднял голову. Веки слипались, перед глазами плыло.

Анника. Белый плащ, бледное лицо, синие тени под глазами. Она стояла рядом, опираясь на посох, и улыбалась — едва заметно, уголками губ.

— Ты... — Корд потёр лицо ладонью, прогоняя сон. — Ты здесь. Я думал...

— Я знаю. — Анника опустила на стул напротив, положила посох на стол. — Прости. Не могла войти раньше. У брата приступ астмы. Сидела с ним всю ночь, утром отвезла в больницу. Только сейчас смогла подключиться.

Корд смотрел на неё, и внутри, там, где ещё минуту назад сидел холодный ком тревоги, что-то отпускало. Усталость осталась, но к ней примешивалось другое — странное, тёплое облегчение.

— Он в порядке?

— Да. Уже лучше. Новый ингалятор, сказали, всё будет

хорошо. Но я не могла оставить его одного.

— Понимаю. — Корд откинулся на спинку стула. — Я уже думал, ты решила, что я ненадёжный. Что не хочешь больше работать со мной.

Анница усмехнулась — тихо, без насмешки.

— Глупости. Ты вернул деньги. Ты извинился. Это больше, чем делают большинство игроков.

Тишина повисла между ними. В таверне было шумно — звон кружек, чей-то хриплый смех, скрип половиц. Корд перевёл взгляд за соседний стол. Там, у дымящегося агрегата, сидел Огневик. Механик уже не колотил по своему детищу — устройство стояло на полу, шипело паром и иногда чихало облачками белого, но больше не взрывалось. Огневик сидел, откинувшись на стуле, и с любопытством разглядывал их.

— Это Огневик, — сказал Корд. — Мы познакомились, пока тебя не было. Он механик.

— Самоучка. — Огневик поднялся, подошёл к их столу. Вытер ладони о штаны — на ткани остались тёмные полосы сажи. — Двигатели, механизмы, взрывы. Чинил эту штуку, — он кивнул на агрегат, — и она почти работает. Почти.

— Почти?

— Ну, дымит. — Огневик развёл руками. — Но не взрывается. Для меня это прогресс.

Корд усмехнулся. Ему нравился этот парень — чумазый, с вечной улыбкой и глазами, в которых горел огонь. Он напоминал тех заводских мастеровых, что могли починить лю-

бой станок, травить байки, даже когда палец зажимало в шестернях.

— Он согласился идти с нами. — Корд повернулся к Аннике. — Если поможем ему с проектом.

— Я не просил помощи, — возмутился Огневик. — Я сказал, что пойду, когда починю эту штуку. А она почти готова.

— Она дымит, — заметила Анника.

— Это пар. — Огневик гордо выпрямился. — Переделал на паровой ход. Старое топливо слишком нестабильно. Пар — безопасно.

— Пар, который вырывается из механизма, работающего на магии?

— Магия — просто энергия. — Огневик махнул рукой. — А энергия нагревает воду. Всё логично.

Корд и Анника переглянулись. Огневик был или гением, или безумцем. Скорее всего, и тем, и другим одновременно.

— Ладно. — Корд поднялся. — Пошли. Покажу вам город. Надо решить, что делать дальше.

Солнце уже поднялось над стенами крепости. Жёлтое, тёплое, оно разливалось по мощёным улицам, выхватывая из серого утра золотые отблески на черепице. На площади, у фонтана, играли музыканты — трое в пёстрых одеждах, с лютней, дудкой и барабаном. Рядом жонглёр подбрасывал светящиеся шары. Он ловил их не глядя — и шары плавно кружились в воздухе, как живые.

Корд остановился. Смотрел, как блики танцуют на струях

фонтана.

— Красиво, — сказал он.

— Ага. — Огневик подошёл ближе. — Они тут каждый день. Наверное, неплохо живут. Дают людям чувство праздника.

— А ты бы хотел так? — спросила Анника.

Огневик покачал головой:

— Нет. Я люблю, когда что-то работает. Когда ты собираешь механизм, и он двигается, дышит, живёт. Это лучше любого шоу. Хотя, — он задумался, глядя на шары, — если бы можно было собрать механического жонглёра...

Он замолк, уставившись в одну точку, глаза его остеклели. Корд не стал мешать — знал это состояние. Сам так залипал на заводе, глядя, как двигается конвейер.

Пошли дальше. Улица ширилась, дома становились выше — резные фасады, витражи, кованые решётки. Около одного из таких домов игрок в дорогой броне спокойно разговаривал с торговцем, не обращая внимания на прохожих. Лязгнула калитка — кто-то выходил с покупками.

— Это дома богатых. — Огневик кивнул в сторону особняка. — Не все игроки воюют. Некоторые покупают золото за реальные деньги. Им нужна красивая жизнь, статус, уважение.

— Им не нужны деньги? — уточнил Корд. — В смысле, они же не зарабатывают на жизнь.

— Нет. — Огневик мотнул головой. — Им нравится быть

здесь. Строят дома, устраивают праздники, тратят тысячи золотых на украшения. Для них это дорогой отдых.

Корд посмотрел на особняк. Вспомнил свою комнатуху на заводе — койку, гул конвейера, запах масла и металла. Вот что было его реальностью. А здесь кто-то мог купить дом за месячную зарплату, просто чтобы любоваться витражами.

— А есть другие, — продолжал Огневик. — Высокоуровневые. Добывают редкие ингредиенты, продают, игнорируют налоги. У них есть деньги, но они тратят их не на дома. На снаряжение, артефакты, капсулы. Они... настоящие.

В голосе механика послышалась острая струна. Он говорил о тех, кто мог не просто играть, а жить в игре. У кого были ресурсы, о которых Корд и Анника могли лишь мечтать.

— Ты завидуешь, — тихо сказала Анника.

Огневик дёрнул плечом:

— Завидую? Не их деньгам. — Он ткнул пальцем в сторону богатого дома. — А их свободе. Я бы тоже хотел иметь мастерскую, где можно собирать всё, что угодно. Механизмы, которые живут. Но для этого нужны ресурсы. А ресурсы... — он посмотрел на Корда, — как их добыть, если приходится платить бандитам?

Корд остановился. Посмотрел на Огневику, затем на Аннику. Идея пришла сама — не озарение, а решение, лежавшее на поверхности. Он чувствовал, как слова складываются в голове, подбираясь к языку.

— У меня есть предложение.

Они сели на лавочку у фонтана. Вода плескалась, солнечные зайчики бегали по камням. Корд смотрел на них, собираясь с мыслями, чувствуя, как капли оседают на лице холодной пылью.

— Мы ищем место, где можно заработать. — Он начал медленно, взвешивая каждое слово. — Без налогов, без банкетов. Где награда зависит от уровня, а не от того, сколько ты заплатил стражникам.

— Таких мест нет, — возразил Огневик. — Все данжи контролируются гильдиями. За вход берут плату, налог или просто убивают тех, кто не платит.

— Есть одно. — Корд посмотрел ему в глаза. — Старый подвал под дубом, куда ударила молния несколько лет назад. Гильдии его не трогают — никто не хочет лезть. Там сложно.

Огневик замер. Потом удивлённо поднял бровь, и на лбу его прорезалась глубокая морщина.

— Ты знаешь про этот данж?

— Я... — Корд замялся, чувствуя, как внутри шевельнулась неловкость. — Видел на карте. Там должно быть...

— Я знаю это место. — Огневик перебил, голос его стал глуше. — Ходил туда. Почти ходил — дошёл до входа, посмотрел, понюхал и ушёл. Один я бы там сдох пять раз за пять минут.

Корд удивлённо посмотрел на него. Огневик вздохнул, почесал сажу на щеке — пальцы оставили на коже грязный след.

— Я проверил все заброшенные данжи в округе. Искал металлолом, детали, рухлядь. Бандиты меня игнорируют, — он усмехнулся горько, без веселья, — слишком низкий уровень. Я им не интересен. А этот они проверяют редко — раз в неделю, может, реже. Есть места «пожирнее», где можно обобрать нормальных игроков. А с меня взять нечего.

— Так ты знаешь, где он? — переспросила Анника.

— Знаю. — Огневик кивнул. — И могу отвести. Вопрос в другом: мы туда сунемся? Я помню запах — сыро, темно и пахнет гоблинами. А гоблины — это всегда плохо.

Корд перевёл взгляд с Огневика на Аннику. В её глазах он увидел то же, что чувствовал сам — усталую решимость.

— Мы идём.

— Уверен? — Огневик нахмурился. — Там сложно. Босс, и не один.

— Мы справимся. — Корд сказал это тихо, но твёрдо. — Мы уже умирали. Теряли прогресс, деньги. Если бояться — никогда не заработаем.

Огневик долго молчал. Глаза его бегали, пальцы теребили край куртки. Потом он выдохнул — шумно, с каким-то присвистом — и сжал кулаки.

— Ладно. Я с вами. Но если сдохну — буду жаловаться. Громко и долго.

— Договорились. — Корд усмехнулся.

— Только дайте мне полчаса. — Огневик поднялся. — Возьму кое-что из мастерской. На всякий случай.

Через полчаса они уже шли через лес.

Огневик шагал первым, уверенно обходя корни и камни. В руке он нёс длинный посох с набалдашником в виде сжатого кулака — механизм внутри тихо гудел и иногда выпускал струйку пара, которая таяла в воздухе. Корд и Анника следовали за ним, держась в двух шагах.

— Уверен, что идём правильно? — Корд переступил через поваленный ствол, покрытый мхом. Под ногой хрустнула гнилая древесина.

— Ходил сюда три раза. — Огневик не обернулся. — Тропы знаю как свои пальцы. Вон за теми кустами — ручей, за ним овраг, а за оврагом — дуб.

— Тот самый?

— Тот самый. — Огневик кивнул. — Я его хорошо запомнил. Когда подошёл в первый раз, чуть сердце не остановилось. Он выглядит так, будто его ударило не молнией, а чем-то живым. Словно кто-то сверху шарахнул кулаком.

Корд поёжился. На плече пустовало — Ушастик всё ещё был в тайм-ауте. Без его тепла, без фыркания и искр, лес казался чужим, холодным, враждебным. Слишком тихо. Слишком пусто.

— Ты часто ходишь в такие места? — спросила Анника у Огневика.

— Раньше часто. — Он раздвинул ветки, пропуская их. — Искал детали — железо, медь, хлам. Однажды нашёл шестерню, светящуюся в темноте. Продал за три серебряных.

Лучшая сделка в жизни.

— Всего три серебряных?

— Для меня это было много. — Огневик хмыкнул. — Зато купил масло для агрегата — настоящее, из Ледяных земель. Не замерзает даже в мороз. Моя машина работала как часы.

— Работала? — удивился Корд.

— Почти. — Огневик поправился, и в голосе его послышалась едва заметная грусть. — Почти работала. Но это было самое близкое к успеху.

Лес становился гуще. Деревья стояли плотно, кроны смыкались над головой, пропуская только серый, мутный свет. Воздух пах сыростью, гнилыми листьями и землёй. Где-то каркнула ворона — неприятно, почти зловеще, и звук этот долго не затихал, висел в воздухе колючим эхом.

— Почти пришли, — сказал Огневик, замедляя шаг. — За теми деревьями — поляна.

Он вышел из-за кустов и остановился.

Корд подошёл и замер. Пальцы сами собой сжались на рукояти рапиры.

В центре поляны стоял дуб. Огромный, старый, с чёрной обугленной трещиной от вершины до основания — расколотый пополам, будто кто-то с неба ударил по нему гигантским топором. Ветви обломаны, кора обуглена, земля вокруг выжжена — чёрное пятно среди зелёной травы. Но внутри трещины, в глубине, светилось что-то бледное, зеленоватое, как

гнилушка, пульсировало медленно, словно дыхание.

— Это здесь. — Огневик подошёл ближе, остановился у края выжженной земли. — Вход вниз. Я не лез, но смотрел. Темно, сыро и пахнет... неприятно.

Корд нагнулся, заглянул в разлом. Внизу не было абсолютной тьмы — оттуда, из глубины, пробивался бледный, зеленоватый свет, мерцал неровно, как пламя свечи в сквозняке. Пахло сыростью, старой водой и чем-то живым, что дышало в темноте. Тянуло холодом, прелым камнем и железом.

— Идём. — Корд выпрямился.

— Вниз? — переспросил Огневик. — Туда, где темно, сыро и пахнет гоблинами?

— Да.

— Я так и знал. — Огневик вздохнул, но шагнул вперёд первым, и его посох загудел громче.

Спуск был крутым. Корд ступил на мокрый камень — нога скользнула по слизи, он ухватился за стену, пальцы коснулись влажного, скользкого, и он отдёргнул руку — по коже пробежал холод, липкий и неприятный. От камня тянуло сыростью.

— Здесь скользко, — сказал он.

— Заметил, — ответил Огневик, шаркая ногами. — Уже три раза чуть не упал.

Шаги гулко разносились по коридору, ударяясь о стены и возвращаясь искажённым эхом. С потолка падали редкие капли — звонко, каждый удар о камень рассыпался на де-

сятки мелких звуков, которые растворялись в темноте.

Стены, влажные, покрытые зеленоватым налётом, светились в темноте. Грибы — бледные, студенистые, с тонкими ножками — росли прямо на камне, излучая сияние, которое рождало на стенах странные тени. Тени переплетались, танцевали, меняли форму при каждом шаге. Корд двинулся, и тени метнулись в стороны, распались и собрались заново.

— Смотрите. — Анника указала на стену.

Вдоль камня тянулись бледные фосфоресцирующие прожилки, пульсирующие голубым светом, как вены под кожей. Они уходили вглубь, и казалось, что коридор дышит — стены чуть пульсировали в такт.

— Это плесень, — сказал Огневик, приглядываясь. — Светящаяся. Видел такую в старых тоннелях. Растёт там, где есть магия. Значит, здесь есть источник.

— Или просто сыро, — заметила Анника.

— И сыро, — согласился Огневик. — Но в основном магия.

Корд шагнул дальше, держа рапиру наготове. Воздух стал плотным, влажным, в нём смешивались запахи: сырой камень, гнилая древесина, кислое, металлическое — почти как на заводе, когда масло смешивалось с окалиной. Но к этому примешивался ещё один, живой, тёплый, почти животный запах. Он был рядом, совсем близко, шевелился в темноте, дышал.

Где-то в глубине что-то скрипнуло. И стихло.

Корд замер. Прислушался. Тишина повисла вязкая, тягучая. Только капли с потолка — кап, кап, кап — и тихое гудение отовсюду: от стен, от камня, от воздуха. Шаги Анники и Огневика за спиной, собственное дыхание — всё это тонуло в гуле, как в вате.

— Они здесь. — Анника сказала это спокойно, и за спиной Корда засветилась магия: белый, холодный, уверенный свет.

Корд выбросил руку вперёд. От ладони пошёл золотой, тёплый, спокойный свет — он разлился по стенам, осветил каждый камень, каждую трещину, каждую каплю на потолке. Плесень вспыхнула ярче, грибы засияли, будто живые, и в этом свете Корд увидел их.

Они вышли из темноты.

Двое. Низкие, тощие, с длинными руками, почти касающимися пола. Пальцы узловатые, цепкие, с длинными ногтями — они скребли по камню, оставляя тонкие белые царапины, слышался сухой, хрустящий звук. Кожа серая, болезненная, обтягивает рёбра — в бледном свете грибов почти прозрачная, и под ней угадывались тёмные, медленные движения.

Глаза горели жёлтым — ровным, голодным. Зубы — острые, мелкие, как иглы, как осколки стекла. Один улыбнулся — Корд увидел три ряда зубов, и все они шевелились при дыхании, как живые.

В руках — дубинки, окованные железом, с ржавыми ши-

пами, на которых темнели старые пятна. Гоблины держали их так, будто это были их руки, продолжение их тел.

— Я ненавижу гоблинов, — прошептал Огневик. — Они везде лезут, всё трогают... они везде!

Гоблины зашипели — тихо, но с такой злобой, что по спине Корда пробежал ледяной ток, сжал затылок, скрутил лопатки. Один переступил с ноги на ногу — шипы дубинки впились в его ладонь, но он не замечал боли. Только смотрел. Смотрел на них жёлтыми глазами, и в этом взгляде не было страха — только холодная, древняя ненависть.

Они переглянулись — быстро, по-звериному — и двинулись вперёд.

Корд шагнул навстречу. Закрыв собой Аннику и Огневика. Рукоять рапиры легла в ладонь привычно — хотя два дня назад он вообще не умел держать меч. Теперь пальцы помнили каждую бороздку на рукояти, каждый миллиметр стали.

— Давай, — выдохнул он.

И прыгнул.

Первый гoblin ушёл в сторону — дубинка просвистела у самого уха. Корд почувствовал, как воздух дрогнул, как по щеке хлестнуло ветром. Он ушёл вниз, уворачиваясь от второго удара, и услышал, как шипы прошли над головой, рассекая тишину.

Анника вскинула руки. Белая вспышка ударила в гоблинов — те зашатались, зажмурились, потеряли ориентацию.

Корд рванул вперёд. Рапира вошла в плечо первого —

глубже, чем он ожидал. Гоблин взвыл, пронзительно, тонко, упал, забился на мокром камне, оставляя на полу тёмные разводы.

Второй зашипел. Попытался развернуться, уйти. Но Огневик уже выбросил руку — огненный шар ударил в спину, гоблин закричал, упал, забился в пыли и затих.

Корд перевёл дыхание. Оглянулся. Оба лежали неподвижно, серые тела на сером камне, только жёлтые глаза уже погасли, стали мутными, как грязные стёкла.

— Готово, — сказал он. — Идём дальше.

Шли вперёд, в темноту. Свет грибов становился ярче, коридор расширялся, потолок уходил вверх. Эхо становилось глубже, объёмнее — каждый шаг отдавался гулко, и казалось, что где-то впереди, в глубине, кто-то повторяет их движения.

Коридор расширился в зал. Стены поднялись высоко, по ним всё те же светящиеся прожилки пульсировали голубым, как живые вены. Где-то впереди горел настоящий огонь — с дымом, с запахом горелой кости.

И из этого света, дыма и тьмы на них смотрело что-то.

Трое. В центре, у костра — высокий тяжёлый силуэт. В плечах широкий, массивный, как каменная глыба. За ним, по бокам — двое поменьше, но не менее опасных. От них шла сила — плотная, тяжёлая, как горячий воздух перед грозой.

Корд понял это мгновенно. Он сжал рапиру, чувствуя, как

пальцы немеют от напряжения. Он не знал, как они будут драться, но знал — легко не будет.

Анника подняла посох. Свет белый, холодный заструился по древку. Огневик сжал кулаки — между пальцев заструился дым, тонкими змейками поднимаясь к потолку.

Корд сжал рапиру. На плече зашевелился Ушастик — Корд почувствовал это краем сознания, но не стал оборачиваться. Всё внимание было впереди — на тех троих, на огне, на тишине, которая сгущалась, как воздух перед ударом. Только вперёд.

Глава 9

ГЛАВА 9. «ПОДЗЕМНАЯ ЛОВУШКА»

Из глубины зала поднялась тень.

Хобгоблин шагнул в свет костра. Огромный — нет, не ростом, но в плечах — шире Корда вдвое, массивный, как каменная глыба, обтесанная грубым инструментом. Ржавые доспехи покрывали грудь и плечи, на голове сидел шлем с рогами — они торчали в стороны, как у быка, и в их тени горели красные глаза. Два угля. Два огня, в которых не было ни искры тепла.

В правой руке — топор. Двуручный, с широким лезвием, на котором темнели старые, засохшие пятна. Хобгоблин держал его одной рукой, как игрушку, и кончик лезвия почти касался пола. При каждом шаге — искры, короткие, злые, они вылетали из-под стали и гасли на сыром камне.

Слева — шаман в тёмных лохмотьях. Кожа серая, как у гоблинов, но глаза светились голубым — холодным, как лёд, как зимнее небо. В руках посох, на вершине которого пульсировал голубой камень. От него тянуло холодом — Корд почувствовал, как воздух вокруг шамана становится плотным, тяжелым, почти осязаемым.

Справа — второй. Такой же рост, те же лохмотья, но свет его посоха был золотым, тёплым, почти живым. Он улыбался. И в этой улыбке было что-то неприятное — знание того,

что он сильнее.

— Их трое, — Анника говорила быстро, почти шепотом. — Он лечит, — кивок на золотого шамана. — А этот, — на голубого, — атакует.

— А большой просто бьёт, — закончил Огневик. — Да, я понял. Отличный план.

Хобгоблин зарычал. Звук шёл из глубины груди — низкий, гортанный, как двигатель на холостом ходу, как гул старого конвейера, который вот-вот сорвется.

Корд рванул вперёд.

И в тот же миг всё пошло не так.

Голубой шаман поднял посох. Белый свет — холодный, режущий — ударил Корда в грудь. Он не успел даже вдохнуть — его отбросило назад, спиной о стену, и воздух вышибло из лёгких. Перед глазами поплыли тени, но он успел увидеть, как Хобгоблин заносит топор. Удар. Камень под ногами Корда раскололся, осколки разлетелись в стороны, царапнули лицо.

— Не подходи к нему! — крикнула Анника. — Шаманы!

Корд не слушал. Поднялся. Вытер кровь с губы — пальцы стали мокрыми, тёплыми. Рванул вперёд — на этот раз к золотому шаману. Если убить лекаря, босс перестанет восстанавливаться.

Золотой шаман не дрогнул. Поднял посох — и между ними встала стена света. Плотная, почти осязаемая, как стекло. Корд врезался в неё всем телом — и отскочил, как от

каменной стены. Боль вспыхнула в плече, но он не успел её осознать — Хобгоблин уже был рядом.

Топор рухнул на щит. Корд почувствовал, как дерево треснуло, как рука онемела от вибрации, как удар прокатился по костям до самого плеча. Его отбросило в сторону, он упал, перекатился, встал на колени.

— Он слишком сильный! — Огневик выпустил огненный шар. Пламя ударило в доспехи Хобгоблина, но босс даже не пошатнулся. Только повернул голову, глянул на Огневика красными глазами. Механик попятился.

— Бей шаманов! — Корд поднялся, чувствуя, как бок пульсирует болью, как под рёбрами что-то не так. — Я отвлеку босса!

Прыжок. Ушёл под топор, скользнул по мокрому камню, вонзил рапиру в ногу Хобгоблина. Лезвие вошло в щель между доспехами — босс взревел, отшатнулся. Но золотой шаман уже поднял посох — зелёный свет окутал рану, и она затянулась на глазах. Как не было.

— Он лечит! — крикнула Анника. — Быстрее!

Корд попытался обойти босса. Хобгоблин не давал. Каждый шаг в сторону — и топор рубил перед ним, отсекая путь, высекая искры из камня. Босс двигался тяжело, но точно. Он знал, что шаманы дают ему время.

Огневик попытался пробить защиту золотого шамана. Пламя билось о стену света — и не могло её прожечь. Голубой шаман поднял посох — ледяная стрела ударила Огневи-

ка в плечо. Тот вскрикнул, упал на колени, прижимая руку к ране. Из-под пальцев сочилась кровь.

— Свет! — крикнула Анника.

Белая вспышка ударила в голубого шамана. Тот зашатался, потерял концентрацию — щит ослаб на мгновение.

Корд увидел это. Понял. Ушёл в пережат — топор просвистел над головой, рассекая воздух — и рванул к голубому шаману. Хобгоблин попытался перекрыть путь, но Анника ударила его Светом в лицо. Слепление. Одно мгновение.

Рапира вошла в грудь шамана. Тот не успел даже вскрикнуть — просто рассыпался в пыль, как старая статуя, разбитая молотом. Посох упал на камень, голубой свет погас.

— Один! — крикнул Огневик. Он поднимался, рука всё ещё кровоточила, но он уже поднимал ладонь для нового заклинания.

Золотой шаман зашипел. Отступил, поднимая посох выше, и свет его стал ярче, горячее. Хобгоблин заревел — и бросился на Корда с топором.

— Он его усиливает! — крикнула Анника. — Не дай ему!

Корд ушёл в сторону. Топор расколол камень там, где он стоял секунду назад. Рванул к золотому шаману. Босс догонял — шаги сотрясали пол, топор свистел над головой Корда, высекая искры, обжигая затылок горячим воздухом. Корд нырнул под удар, перекатился по мокрому камню, вонзил рапиру в ногу шамана.

Золотой свет мигнул. Шаман пошатнулся, попытался от-

ступить — но Анника уже была рядом. Её свет ударил в шамана — тот закричал, высоко, тонко, почти как зверь.

Огневик добил его огненным шаром. Тело рухнуло на камень — и рассыпалось в пыль.

Хобгоблин остался один.

Он стоял посреди зала, тяжело дыша. Красные глаза горели — но теперь в них не было уверенности. Только ярость. Только злая, слепая ярость. Шаманов больше не было. Лечения не было.

— Вокруг! — крикнул Корд. — Не дайте ему восстановиться!

Атаковали с трёх сторон. Корд — снизу, в ноги, в щели между пластинами. Анника — Светом в лицо, ослепляя, сбивая прицел. Огневик — огнём по доспехам, плавя металл, оставляя на ржавом железе чёрные подтёки.

Хобгоблин крутился. Топор рубил воздух — но удары становились тяжелее, медленнее. Регенерация прекратилась, раны накапливались. Кровь — тёмная, густая — сочилась из-под доспехов, капала на камень, смешиваясь с водой и грязью.

Корд ждал.

Увидел щель под мышкой — там, где металл был тоньше. Хобгоблин замахнулся на Огневика — открыл бок. Корд прыгнул, вложив в удар всё, что осталось.

Рапира вошла в щель. До самой гарды.

Хобгоблин замер. Глаза расширились — красный свет по-

тускнел, стал тусклым, почти серым. Топор выпал из руки — грохнулся о камень, зазвенел, отскочил в сторону. Босс рухнул на колени. Потом упал лицом вниз, и тело его ударилось о пол с глухим, тяжёлым звуком.

Хобгоблин уничтожен. +150 опыта.

Данж зачищен на 80 %.

Награда: 45 серебряных, Кувалда (редкая), Гоблинский амулет (обычный).

Корд упал на колени. Руки дрожали, дыхание было хриплым и рваным — он слышал его, словно со стороны, как чужое. Закрыв глаза, пытаясь унять дрожь, чувствуя, как под рёбрами всё ещё пульсирует боль.

И вдруг — тепло. На плече.

Открыл глаза. Ушастик сидел на его плече. Живой. Настоящий. Искры вылетали из ноздрей — слабые, почти прозрачные, но они были. Зверёк дрожал, прижимался к щеке, и в золотых глазах его стоял ужас — живой, острый, как нож.

— Ты... вернулся? — прошептал Корд. — Ты всё это время был здесь?

Ушастик не ответил. Только прижался плотнее, закрыл глаза, и Корд почувствовал, как маленькое тело дрожит у его шеи. Страх. Чистый, звериный страх. Боялся, что его снова убьют. Спрятался — потому что не мог больше терпеть эту боль. Эту тьму.

— Всё хорошо, — сказал Корд. Погладил зверька по голове, чувствуя, как под пальцами бьётся горячее сердце. —

Всё хорошо. Мы живы. Ты живой. Всё будет хорошо.

Ушастик дрожал — но понемногу успокаивался. Искры гасли, дыхание становилось ровнее. Он всё ещё прижимался к Корду, но уже не так отчаянно.

— Ты не виноват, — прошептал Корд. — Ты сделал правильно. Надо было прятаться. Надо было ждать. Ты маленький. Ты не воин. И я... я тоже не воин. Я просто учусь. И ты учишься.

Зверёк поднял голову. Посмотрел на Корда. И чихнул — одну искру, слабую, почти прозрачную. Она упала на плечо, засветилась на мгновение и погасла.

Корд улыбнулся. И внутри, сквозь усталость, сквозь боль, пробилось тепло.

— Значит, мы справились? — Огневик подошёл, остановился рядом. Грязный, мокрый, с опалённой бровью, с кровью на плече. Но глаза горели.

— Справились, — кивнул Корд.

Огневик открыл интерфейс. Проверил награду. И замер.

— Кувалда, — сказал он, и голос его дрогнул. — Там есть кувалда. Я хочу её.

Корд открыл интерфейс — посмотрел описание.

Кувалда "Громобой". Редкая. Урон: 25-35. Урон по конструкциям: +200%. Требуется: Сила 50. Вес: 15 кг.

Перевёл взгляд на Огневика. Потом на молот, который светился в списке награды.

— Забирай.

— Правда? — Огневик удивлённо посмотрел на него. — Ты отдаёшь мне награду?

— Взамен ты остаёшься с нами. — Корд говорил тихо, устало. — На несколько дней. Помогаешь нам в данжах. И не взрываешь нас.

Огневик задумался. Почесал сажу на щеке. Потом хмыкнул:

— Ладно. Неделя. И я твой.

Взял молот. Взвесил в руке, улыбнулся. И тут же чуть не уронил — не рассчитал вес, перехватил, пошатнулся.

— Тяжёлый, — признался он. — Но я привыкну. Это будет моя машина. Мой инструмент. Моё оружие.

Корд открыл интерфейс, глядя на баланс. Пятнадцать серебряных в копилке. Сорок пять от данжа. Шестьдесят.

Перевёл пятнадцать Аннике. Оставил сообщение: «Это тебе. Остальное — на общие расходы».

Анника открыла интерфейс, увидела перевод, удивлённо подняла бровь.

— Я же говорила, не надо...

— Надо, — перебил Корд. — Ты потеряла деньги из-за меня. Пусть это будет началом.

Анника смотрела на него. Долго. Потом кивнула. Улыбнулась — впервые за день по-настоящему, уголками глаз, тепло.

Они вышли из данжа. Лес встретил их закатным солнцем — розовым, тёплым, оно лилось сквозь ветви, разбиваясь

на тысячи золотых осколков. Ветер нёс запах хвои и земли, и Корд глубоко вдохнул — чисто, свободно, чувствуя, как лёгкие наполняются жизнью.

Ушастик на плече фыркнул, чихнул — искра вылетела, маленькая, золотая, и растаяла в воздухе.

— Завтра, — сказал Корд, — будем умнее. Закупим зелья. Найдём ещё один данж. И будем слушать друг друга. И тебя, — он погладил Ушастика по голове.

Зверёк прижался к его щеке. Засопел тихо, спокойно.

В таверне было шумно. Гул голосов, звон кружек, чей-то хриплый смех. Корд сидел за столом, глядя на кружку с элем. Рядом сопел Ушастик — живой, тёплый, спокойный. Спал без снов, без дрожи.

Анника сидела напротив, перебирала травы — пальцы её двигались медленно, устало. Огневик крутил в руках кувалду — смотрел на неё так, будто это было чудо.

— Мы не можем так дальше, — сказал Корд. — Нам нужно больше заготовок. Зелья маны. Зелья здоровья.

— У меня нет денег на них, — ответила Анника.

— У меня тоже. — Корд помолчал. — Но если мы будем покупать у городских торговцев, они сдерут с нас всё.

Повернулся к Огневику.

— Ты говорил, что варил смеси.

— Варил, — кивнул Огневик. — Горючие, взрывные, воюющие. Я могу что-то сделать.

— Зелья.

Огневик замялся. Почесал нос — на коже остался след сажи.

— Зелья я не варил, — признался он. — Вообще. У меня всё время взрывалось. Я пытался сделать обычное, но вышло... другое.

— Другое?

— Ну. — Огневик вздохнул. — Я как-то попробовал сварить зелье здоровья. И у меня вышло что-то, что при попадании на рану начинало пениться. Когда я потрогал — обжёт палец. Неделью ходил с повязкой.

Корд и Анника переглянулись.

— Но я понял ошибки, — быстро добавил Огневик. — Перестал добавлять серу. И понял, что не надо сильно нагревать на огне.

— А когда надо? — спросила Анника.

— Не знаю, — честно ответил Огневик. — Я просто... сделал выводы.

Корд вздохнул. Открыл интерфейс, посмотрел на баланс. Подумал. Взвесил. Снова посмотрел на друзей.

— Пойдём, — сказал он, поднимаясь. — Посмотрим, что есть в лавке у целителя. Может, у него есть что-то доступное.

— Он дорого берёт, — заметила Анника.

— Дороже, чем мы потеряем, если умрём в следующем данже, — ответил Корд.

Лавка целителя стояла в северной части крепости. Небольшое здание с вывеской в виде скрещённых посохов

и пузатой бутылки. Внутри пахло травами — горькими, сладкими, терпкими, смешанными в один густой аромат. От него кружилась голова — но не приятно, а тяжело, как от дурмана.

Старик сидел за стойкой. Седая борода, очки на длинном носу, халат в пятнах. Он перебирал сухие корешки — пальцы двигались медленно, привычно. В толстый журнал падали короткие пометки, кривые, как следы улитки.

Корд подошёл к прилавку.

— Нам нужны зелья. Мана, здоровье, выносливость. Для начала. Недорогие.

Старик поднял очки. Посмотрел на Корда поверх них. Потом перевёл взгляд на Аннику, на Огневика, на Ушастика, который спал на плече, свернувшись клубком.

— Недорогие, — повторил старик, и в голосе его зазвенела сталь. — Недорогие зелья, молодой человек, продаются в деревнях. У деревенских знахарок. У начинающих подмастерьев, которые ещё не умеют варить. У тех, кто не понимает разницы между качеством и дешёвизной.

Корд почувствовал, как затылок начинает гореть, как пальцы сжимаются в кулаки.

— Нам нужны зелья для первых уровней. Мы просто...

— Вы просто хотите, чтобы я опустил планку до уровня деревенских алхимиков? — перебил старик. — Нет, молодой человек. Мы гильдия. Уважаемая гильдия. И мы не торгуем снадобьями, которые должны были быть вылиты в бли-

жайшую канаву. Наши зелья — для настоящих игроков. Для тех, кто понимает цену качества.

Огневик открыл рот — но Анника тронула его за руку, сжала пальцы.

— Значит, у вас нет зелий для начинающих? — спросила она. Спокойно.

— Есть, — ответил старик. — Но вы их не захотите купить. Они стоят дороже, чем вы заработаете за неделю. Потому что настоящие зелья делаются из настоящих ингредиентов, а не из того, что растёт у дороги.

Корд сжал кулаки. Сказать что-то грубое. Дёрнуть. Ударить по прилавку. Сдержался. Вместо этого развернулся и вышел.

Они стояли на улице. Смеркалось — небо затягивало серым, и фонари зажигались на столбах, разливая жёлтый, маслянистый свет. Тени становились длинными, цепкими.

— Он был прав, — сказала Анника. — Мы не можем позволить себе хорошие зелья. Только дешёвые.

— А дешёвых нет, — закончил Огневик. — Потому что дешёвые — это удел неудачников. Или тех, кто в деревне живёт.

Корд молчал. Смотрел на фонари, на свет, который разливался по камням. Потом повернулся к Огневику.

— Ты говорил, что варил смеси.

— Варил, — кивнул Огневик.

— И ты знаешь, какие ингредиенты нужны для зелий?

— Ну... — Огневик замялся. — Примерно. Я же говорю, у меня всё взрывалось. Но я знаю, что там должно быть. Корень жизни, капля росы, магическая пыльца... Ну, вроде.

— Хватит. — Корд шагнул к нему. — Мы соберём ингредиенты сами. И ты сваришь зелья.

Огневик открыл рот, чтобы возразить, но Корд перебил:

— Ты говорил, что хочешь свободы. Что завидуешь тем, кто может тратить ресурсы. Теперь у тебя есть шанс. Ты будешь варить зелья для нас. И мы будем вместе. А если у тебя что-то взорвётся — мы будем над этим смеяться.

Огневик долго молчал. Потом хмыкнул — невесело, но в глазах зажглась искра.

— Ладно. Попробую. Но если я что-то взорву...

— Мы не будем жаловаться, — сказала Анника.

— Я буду, — ответил Корд. — Но только если это будет большое зелье.

Они пошли к таверне. Ушастик на плече чихнул во сне — искры разлетелись в стороны, озарили на мгновение тёмную улицу, тени на стенах, мокрый камень под ногами.

Корд смотрел вперёд. В ушах всё ещё звенело от боя, в боку ныло, руки дрожали от усталости. Но внутри, где-то глубоко, пробивалось что-то новое. Не уверенность — пока нет. Не сила. Просто знание того, что он не один.

И что завтра будет новый день.

Он сделает всё, чтобы этот день принёс им что-то, кроме разочарования. И может быть, в этот раз у них получится.

Глава 10

ГЛАВА 10. «БОЛОТНАЯ ЛОВУШКА»

Таверна гудела. Не так, как утром — не деловой гулкой суетой, а вечерней сытой тяжестью, когда воздух пропитан мясным духом, кислым элем и застарелым потом. За столами сидели уставшие игроки: кто-то клевал носом над кружкой, кто-то вполголоса обсуждал завтрашние квесты. Свечи в железных подсвечниках чадили, оставляя на потолке маслянистые тени, и сквозь гул пробивался звон посуды.

Корд сидел в углу, прислонившись спиной к стене. Ушастик спал у него на груди, свернувшись калачиком, и тихо посапывал. Время от времени зверёк вздрагивал во сне, перебирал лапами, будто бежал от кого-то. Корд гладил его по голове, чувствуя под пальцами мелкую дрожь — пульсирующую, неровную, как у сбившегося с ритма сердца.

Анника сидела напротив, перебирала травы на столе. Корни, листья, пучки сухих стеблей — она раскладывала их по кучкам, что-то принимаялась, что-то откладывала в сторону. Взгляд её был сосредоточенным, но на губах блуждала лёгкая улыбка.

— Всё никак не привыкну, — сказала Анника, не поднимая головы. — Ты спишь с питомцем на груди, как с котом.

— Он полезный, пушистый и тёплый, — ответил Корд, поглаживая Ушастика. — Буду спать с ним хоть на голове,

если понадобится.

— На голове неудобно будет.

— Привыкну.

Они переглянулись и оба усмехнулись. Тихо, без слов, как делают люди, которые уже прошли через что-то вместе.

За соседним столом Огневик уже в третий раз пересказывал историю их похода в данж. Руки его летали, описывая прыжки Хобгоблина, кувалда стояла рядом, прислонённая к столу, поблёскивая в свете свечей.

— ...и он замахивается! Топор — во-от такой! — Огневик развёл руки в стороны, едва не сбив кружку. — А я ему — бах! Огненным шаром прямо в морду! Он, конечно, не упал, но пошатнулся. Это дало нам секунду.

Его слушатель — тощий парень в простом сером плаще, с лицом, которое выражало вежливое, но нарастающее желание оказаться где угодно, только не здесь — кивал с механической улыбкой. Пальцы его нервно сжимали кружку, он делал маленькие глотки и косился на дверь.

— Потом Корд, — Огневик ткнул пальцем в их сторону, не оборачиваясь, — он просто взял и вонзил рапиру в щель между доспехами! Навык, понимаешь! Не просто удар, а навык! Я таких раньше не видел!

— Звучит... впечатляюще, — выдавил парень, делая ещё один глоток.

— А потом я её добил! — Огневик хлопнул ладонью по столу, отчего кружки подпрыгнули. — Как я её добил? Я за-

махнулся вот этим, — он потянулся к кувалде, чуть не свалившись со стула, — и шарахнул его, шарахнул... ну, в общем, я его добил.

— Ты не добивал, — лениво заметил Корд из угла. — Ты упал в лужу и ползал там, пока я и Анника его добивали.

— Это была тактическая позиция! — возмутился Огневик. — Я смотрел на него снизу вверх! Это меняет восприятие!

— Ты захлебнулся грязью.

— Я дышал через трубку!

— У тебя не было трубки.

Огневик замер, переваривая. Потом махнул рукой:

— Это детали. Главное — мы победили! И у меня теперь есть она! — он потряс кувалдой.

Парень в плаще воспользовался моментом. Он резко допил эль, поставил кружку на стол, поднялся.

— Извините, мне нужно...

— Да-да, конечно, — перебил Огневик. — Приятно было поболтать! Если хочешь, заходи завтра...

Парень уже исчез в толпе, оставив после себя только пустую кружку и вздох облегчения, который слышал даже Корд.

Огневик проводил его взглядом, пожал плечами и уселся обратно.

— Станный парень. Вроде говорил, что не торопится, когда я к нему подсел.

— Он пытался от тебя сбежать, — сказала Анника, не поднимая головы.

— Я заметил. Я уже привык. Со мной редко кто долго разговаривает. Но я не унываю.

Корд усмехнулся, качая головой. Этот парень был безнадёжен. И это почему-то грело.

Ночь опустилась на крепость, но фонари на столбах горели жёлтым, разгоняя тьму. Ушастик сидел на плече Корда и чихал, разбрасывая искры.

— Нам нужна трава, — сказала Анника, когда они вышли из таверны. — Камелия. Или что-то похожее. Нужна основа для зелий. Дешёвая, но если найдём в диких зонах — сэкономим.

— Ушастик найдёт, — сказал Корд, поглаживая зверьку. — Правда?

Ушастик чихнул в ответ и спрыгнул с плеча. Он побежал вперёд, к воротам, остановился, оглянулся — как бы спрашивая: «Ну что, идёте?»

Они пошли за ним.

Лес встретил их влажной прохладой. Ночной воздух был густым, пахло мокрой корой и грибами. Листья под ногами хрустели, выдавая каждый шаг. Звёзды пробивались сквозь кроны редкими точками, и где-то вдалеке ухал филин.

Ушастик бежал вперёд, иногда останавливался, поднимал голову, принюхивался и снова бежал. Корд заметил, что зверёк двигается осторожнее, чем раньше. Он обходил кусты,

не лез в густую траву, то и дело оглядывался на них.

— Он стал другим, — сказал Корд, глядя на Ушастика.

— После воскрешения, — кивнула Анника. — Он испугался. Он помнит смерть. Она оставляет след.

— Он прятался во время боя. Сидел в углу и дрожал. Я видел.

Аника помолчала. Потом тихо сказала:

— Да. Он испугался. И ты тоже испугался. Это нормально.

Корд не ответил. Он смотрел на Ушастика, на его осторожные шаги, на то, как зверёк обходит каждую тень. Он был живым — но напуганным. И Корд знал, что это его вина. Если бы он не полез в ту драку, если бы не был так уверен в себе...

Он догнал Ушастика, нагнулся, протянул руку. Зверёк остановился, посмотрел на него, потом прижался к пальцам, ткнулся носом в ладонь.

— Я не дам тебе умереть, — прошептал Корд. — Обещаю. В следующий раз ты не будешь драться. Просто сиди рядом. Хорошо?

Ушастик фыркнул — недоверчиво, но мягко. И побежал дальше.

Лес кончился внезапно.

Впереди расстилалось болото. Серое, плоское, подёрнутое туманом. Вода стояла неподвижно, покрытая ряской и жёлтыми цветами. Пахло гнилью и тиной. Где-то вдали квакала лягушка, и звук этот был странно гулким, будто шёл из-

под воды.

Ушастик остановился на краю болота, приняхался, чихнул.

— Здесь, — сказал Корд, приглядываясь. — Он чует траву.

Они пошли вдоль болота, огибая трясину. Ушастик вёл их к небольшой поляне, где из чёрной воды торчали зелёные кустики с мелкими фиолетовыми цветами.

— Это она, — сказала Анника, опускаясь на корточки. — Камелия. Дешёвая, но её много. Мы можем набрать целую сумку.

— Тогда не теряем времени, — сказал Огневик, опуская кувалду и начиная собирать.

Они работали молча. Корд срывал стебли, укладывал их в сумку, чувствуя, как пальцы пахнут горькой травой. Анника отбирала лучшие, обрезала корни. Огневик копался в грязи, иногда ворчал на слизней и камни.

— Вот это жизнь, — сказал он, вытаскивая особенно жирный корень. — Никаких бандитов, никаких монстров. Только трава и покой.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — Огневик постучал по деревянной рукоятке кувалды. — Не накликай.

Ушастик сидел на камне и следил за ними.

— Он не ищет больше, — заметила Анника. — Он нашёл поляну и сидит. Как сторожевой пёс.

— Он испугался, — повторил Корд. — Он не хочет ухо-

дить далеко.

— Надо будет дать ему время, — сказала Анника. — Он привыкнет.

Корд кивнул, не оборачиваясь.

Туман сгущался.

Сначала просто показалось, что воздух стал плотнее. Потом Корд понял, что видит не дальше чем на несколько шагов. И пахло теперь не только травой, но и чем-то кислым, резким.

— Осторожно, — сказал он, поднимаясь. — Что-то не так.

Ушастик зашипел. Громко, отчаянно.

Корд повернулся. Зверёк стоял на камне, уши прижаты, глаза горят золотом. Он смотрел в туман, и в его взгляде было что-то паническое.

Из тумана вышли болотники.

Трое. Низкие, приземистые, с кожей, покрытой зелёной слизью. Глаза их горели тусклым жёлтым, а рты были растянуты в ухмылке, полной игл. Они двигались бесшумно, скользя по поверхности болота, не оставляя следов.

— Болотники, — выдохнул Огневик, хватая кувалду.

Корд выхватил рапиру, поднял щит. Встал между болотниками и остальными. Ушастик спрыгнул с камня и побежал в сторону, прячась за корягой.

— Хорошо, — процедил Корд. — Он хотя бы не лезет в бой.

Первый болотник прыгнул.

Корд поднял щит, готовясь к удару. Но в середине прыжка болотник исчез. Просто растворился в воздухе, как дым на ветру.

— Что за...

Удар пришёлся сбоку. Что-то тяжёлое врезалось в щит, отбросило Корда в сторону. Перекат. Вскочил. Болотника нигде не было. Только туман, только тишина и кваканье лягушек где-то вдалеке.

— Он невидим! — крикнул Огневик. — Где он?!

Корд оглянулся. Анника стояла за его спиной, подняв посох. Её глаза шарили по туману, ища врага.

— Свет! — крикнула она.

Белый свет вырвался из посоха, разгоняя туман. На мгновение стало видно. Болотник стоял прямо перед Кордом, в двух шагах, с поднятой лапой, в которой мерцал зелёный шар.

Корд рванул в сторону.

Зелёный шар ударил в землю. Вода вспучилась, зашипела, превращаясь в кислоту — коричневую, дымящуюся, разъедающую камень.

— Он превратил воду в кислоту! — крикнул Корд, отступая.

Второй болотник выскочил из тумана. Огневик замахнулся кувалдой, ударил — и промахнулся. Вместо болотника под удар попала иллюзия. Она рассыпалась, и настоящий болотник оказался слева, заноса лапу для удара.

— Хаос, — прошептала Анника. — Они используют Хаос.

Третий болотник выбросил вперёд лапу. Огненный шар — яркий, жаркий — полетел в Корда. Он поднял щит, готовясь встретить удар.

Но вместо огня пришёл холод. Ледяное копьё ударило в щит, разбилось на сотню осколков, и Корд отшатнулся, чувствуя, как руку сводит от мороза.

— Они меняют заклинания! — крикнул он. — Огненный шар — и вдруг лёд!

Он поднял руку. Вложил остатки маны в Солнечный удар. Белый свет вырвался из ладони, ослепляя.

Но болотник просто исчез. Он стал невидимым, и свет ударил в пустоту.

— Я не вижу их! — крикнул Огневик, крутясь на месте. — Они исчезают!

Корд понял, что происходит. Болотники используют Хаос. Они меняют суть заклинаний. Огонь становится льдом, прыжок — невидимостью, иллюзия оказывается реальной, а реальность — иллюзией.

— Они не дают нам целиться! — крикнул он. — Надо просто бить!

Но бить было нечем. Болотники появлялись и исчезали, атаковали с разных сторон, и каждый раз их атаки оказывались не тем, чем казались.

Аника вскинула посох. Белый свет ударил в туман, и

один из болотников зашатался, потеряв ориентацию. Корд рванул вперёд, вонзил рапиру — и попал. Остриё вошло в плечо болотника, и тот взвыл, отшатнулся.

Но второй болотник уже был рядом. Его лапа врезалась в посох Анники, и дерево треснуло, разлетелось на две половинки. Анника отшатнулась, прижимая к груди обломок. Её лицо было бледным, но она подняла руки, готовясь кастовать без оружия.

Корд крутанулся на месте, пытаясь отследить хоть одного врага. Туман клубился, болотники исчезали и появлялись, и каждый раз — с другой стороны. Ударил рапирой влево — пусто. Метнулся вправо — иллюзия рассыпалась. Сзади зашипело, обернулся — и увидел, как из тумана выныривает болотник, но в тот же миг его тело распалось, а второй оказался слева, с занесённой лапой.

— Они играют с нами! — крикнул Огневик. — Они просто играют!

Корд отступал, чувствуя, как под ногами чавкает болотная жижа. Рапира дрожала в руке. Ударил ещё раз — в туман, наугад. Клинок встретил пустоту.

— Да где же они?! — выдохнул он.

Туман сгустился, скрывая даже огни грибов. Корд оглянулся на Аннику. Она стояла с протянутыми руками, и белый свет лился из её пальцев, но глаза её были широко открыты и пусты. Она не понимала, куда бить.

Огневик тяжело дышал, сжимая кувалду. Его огонь погас

— мана кончилась.

А болотники снова вышли из тумана. Те же трое — или другие, Корд не мог разобрать. Они стояли в ряд, глядя на них жёлтыми глазами, и скалились. Один из них зашипел — тихо, почти ласково.

И прыгнул.

Корд поднял щит, готовясь к удару. Но болотник исчез в прыжке. И в тот же миг его иллюзия ударила с другой стороны — лёгкая, почти невесомая, рассыпавшаяся при касании.

Настоящий болотник оказался справа. Он вскинул лапу, и Корд увидел, как туман перед ним сгущается, становится жидким, тягучим, начинает дымиться.

— Уходи! — крикнул он, отталкивая Огневика в сторону.

Кислотная лужа вспучилась на том месте, где они стояли секунду назад.

Корд поднял голову. Болотники снова стояли в ряд, как будто ничего не произошло. Их жёлтые глаза горели в тумане. Они ждали.

Он сжимал рапиру, чувствуя, как пальцы немеют от холода. Каждая атака оборачивалась иллюзией. Каждое заклинание — тем, чем не должно было быть. Он не мог попасть в них, не мог их предугадать, не мог даже понять, сколько их на самом деле — трое или больше.

Анника кастовала Свет, но болотники просто исчезали. Огневик бил наугад, но его кувалда встречала только туман.

— Что нам делать? — спросил Огневик, и голос его дрог-

нул.

Корд не ответил.

Он стоял на мокрой земле, сжимая рапиру, и смотрел, как из тумана на него смотрят жёлтые глаза.

Он не знал, что делать.

Под рёбрами колотилось ровно, как молот по наковальне. Воздух в лёгких стал тягучим, будто мёд. Пальцы на рукояти дрожали — мелко, противно.

А болотники ждали.

И Корд понял: они не торопятся. Они знают, что он не может их ударить. Они чувствуют его беспомощность.

Он шагнул назад. Жидкость под ногами чавкнула, вбирая след.

— Отходим, — сказал он. — Медленно. Не бежать.

Огневик попятился, не сводя глаз с жёлтых огней. Анника — за ним, сжимая обломок посоха. Ушастик выскочил из-за коряги, метнулся к Корду, вскочил на плечо — и замер, прижав уши.

Болотники не двинулись. Они смотрели.

Их взгляды жгли спину даже сквозь туман.

Лес принял их снова — сырой, чёрный, пахнувший мокрой корой. Ноги скользили по мху, ветки хлестали по лицу. Корд бежал, не оборачиваясь, чувствуя, как за спиной сгущается тишина.

Он не знал, догоняют ли они. Не знал, сколько у них времени. Но знал одно: на болото они больше не вернутся. Ни

сегодня. Ни завтра.

Воздух рвал лёгкие, а под рёбрами всё колотилось — ровно, тяжело, без остановки.

Глава 11

ГЛАВА 11. «ЦЕНА ОШИБКИ»

Бой длился ещё минуту. Или вечность — Корд потерял счёт времени, когда каждый удар отдаётся в висках, а мир сужается до жёлтых глаз, вспыхивающих и гаснущих, как угли на ветру.

Он бил вслепую — в туман, в тени, в мелькающие силуэты. Рапира встречала пустоту. Клинок проходил сквозь иллюзию, и настоящий болотник оказывался с другой стороны, скалясь в беззвучном смехе.

Огневик молотил кувалдой, круша землю, камни, коряги. Дыхание его стало хриплым, руки дрожали, но он не останавливался.

— Где они?! — крикнул он, разворачиваясь. — Я не вижу их!

Анника стояла за их спинами, и белый свет лился из её пальцев — уже не ослепительный, а тусклый, прерывистый, как дыхание уставшего зверя. Она ткала щиты, но те лопались от каждого удара — или иллюзии удара. Корд перестал различать.

— Свет! — крикнула она.

Белая вспышка ударила в туман. Болотник зашатался, потеряв ориентацию.

— Бей!

Корд рванул вперёд. Вонзил рапиру. Остриё вошло в плечо болотника, и тот взвыл, отшатнулся. Настоящий. Корд почувствовал, как клинок встречает сопротивление, как плоть подаётся под лезвием. Но болотник не упал. Он отскочил, зашипел — и исчез.

— Ещё! — крикнул Огневик, замахиваясь кувалдой.

Второй болотник появился справа. Корд повернулся, но не успел — удар пришёлся по щиту, отбросил его в сторону. Упал. Перекатился. Вскочил. В ушах звенело — высоко, тонко, почти за пределами слышимости.

Анника не прекращала. Световые полотна, вспышки, ослепляющие веера. Пальцы её дрожали, лицо побелело, но она не сдавалась. Она не замечала, как мана кончается. Не замечала, что вместо неё начинает тратиться здоровье.

— Держитесь! — крикнула она, поднимая обломок посоха.

Белый свет вспыхнул на его конце — последний, отчаянный.

Болотник выскочил из тумана — прямо перед ней. Она вскинула руки, но его лапа врезалась в обломок, и дерево треснуло, разлетелось на щепки. Анника отшатнулась. Руки её были пусты.

Она подняла их, готовясь колдовать без оружия. Белый свет заструился из пальцев — и она снова творила. Она не замечала, что мана уже кончилась. Не замечала, что здоровье уходит, тает, как утренний туман.

Корд не видел этого. Он ушёл в сторону от удара, перекатился через плечо, вскочил и ударил наугад — в туман, в тень, в жёлтый глаз, мелькнувший справа. Рапира встретила что-то твёрдое, и болотник взвыл, отшатнулся.

— Я его достал! — крикнул он. — Ещё один!

Он оглянулся на Аннику.

Она стояла неподвижно, с протянутыми руками, и белый свет лился из её пальцев — но она не двигалась. Глаза её были открыты, но пусты.

— Анника? — позвал Корд.

Она не ответила.

Она рухнула как подкошенная. Тело ударилось о мокрую землю, и свет погас. Руки её безвольно раскинулись в стороны, и только слабое свечение ещё тлело на кончиках пальцев, как угли, догорающие в золе.

Корд рванул к ней. Упал на колени, перевернул на спину. Лицо её было белым, как мел, а глаза приоткрыты, стеклянные. Она дышала — едва-едва, редкими вдохами, будто воздух просачивался сквозь вату.

— Анника! — он тряхнул её. — Анника, очнись!

Она не ответила. Только веки её дрогнули — и всё.

Корд поднял голову. Болотники стояли в тумане. Трое. Их жёлтые глаза горели, как угли, и они смотрели на него. Они ждали. Ждали, когда он опустит руки. Ждали, когда он перестанет сопротивляться.

Корд поднялся. Ноги дрожали, в груди жгло, но он встал.

Он перешагнул через тело Анники и встал между ней и болотниками.

— Не дай им пройти, — сказал он Огневику.

Огневик выругался сквозь зубы — длинно, грязно — но шагнул вперёд. Встал рядом, поднимая кувалду. Он был бледен, руки его тряслись, но он стоял.

— Они ждут, — сказал он. — Почему они ждут?

— Потому что думают, что мы слабы, — ответил Корд. — И они правы.

Первый болотник двинулся вперёд. Медленно, уверенно, скользя по мокрой земле. Его лапа светилась зелёным — он готовил заклинание.

Корд не стал ждать. Прыгнул вперёд, закрываясь щитом. Удар пришёлся в центр, и дерево треснуло, но он удержался. Вонзил рапиру в болотника — на этот раз прямо в грудь. Остриё вошло глубоко, и тварь взвыла, но Корд не остановился. Ударил ещё раз, и ещё, пока болотник не рухнул на колени, а потом — лицом в грязь.

Второй болотник выскочил слева. Корд не успел развернуться. Удар пришёлся в бок, и он почувствовал, как рвётся куртка, как что-то горячее разливается под рёбрами. Упал. Перекатился. Встал на одно колено. Перед глазами поплыли тени.

Огневик заслонил его собой. Кувалда описала дугу — и врезалась в болотника. Тот отлетел, ударился о корягу и зачихал. Но третий уже был рядом. Он поднял лапу, и туман пе-

ред ним сгустился, закипел, превращаясь в кислоту.

— Уйди! — крикнул Огневик, толкая Корда в сторону.

Корд упал на спину, боль пронзила бок. Зашипел, прижимая руку к ране, но поднялся.

Они стояли перед третьим болотником. Тот зашипел, оскалился, готовясь прыгнуть. Корд чувствовал, как силы уходят, как ноги подкашиваются. Но он не мог упасть. Анника лежала за его спиной. Если они упадут — она умрёт.

— Бей, — сказал он Огневику.

Огневик взмахнул кувалдой. Болотник исчез — иллюзия. Он оказался справа, занося лапу для удара. Корд метнулся в ту сторону, принимая удар на плечо. Боль вспыхнула ослепительно, ярко, но он удержался. Он поймал болотника за лапу, притянул к себе — и вонзил рапиру в горло.

Болотник захрипел, дёрнулся, и затих.

Корд упал на колени. Руки дрожали, дыхание было рваным. Оглянулся. Болотников больше не было. Только тела, туман и тишина, которая давила на уши.

— Мы сделали это, — прошептал Огневик, опуская кувалду. — Мы сделали это.

Корд не ответил. Он перевернулся на спину и закрыл глаза.

Огневик подбежал, открыл интерфейс, пробежал по логу боя.

— Она жива, — сказал он, и голос его стал жёстким. — Один процент здоровья. Она истратила всё. До нитки.

Корд открыл глаза. Он лежал на мокрой земле, глядя в серое небо. Боль пульсировала в боку, в плече, в каждой мышце. Но он был жив. Анника была жива.

— Как? — спросил он. — Она же не получала ударов!

— Она потратила жизненную энергию, — сказал Огневик. — Когда кончилась мана, система начала расходовать здоровье на заклинания. Она не заметила.

Корд сел, чувствуя, как бок пронзает острая боль. Подполз к Аннике, перевернул на спину. Она дышала — редко, тяжело. Глаза её были открыты, но пусты.

— Она видит нас? — спросил он.

— Да, — ответил Огневик. — И слышит. Но не может ответить. При одном проценте здоровья система блокирует контроль.

Корд взял Аннику за руку. Пальцы её были холодными, влажными от болотной сырости.

— Ты слышишь меня? — спросил он тихо. — Мы рядом. Мы ждём. Ты скоро восстановишься. Просто лежи.

Анника моргнула. Один раз — медленно, тяжело. Корд понял: она слышит.

Огневик присел рядом, развернул лог боя. Пальцы его бежали по интерфейсу, и лицо становилось всё мрачнее.

— Вот, — сказал он. — Смотри.

Корд перевёл взгляд на экран.

Расход маны: 0 ед.

Расход здоровья (истощение): 37 ед.

Расход здоровья (истощение): 42 ед.

Расход здоровья (истощение): 55 ед.

Расход здоровья (истощение): 68 ед.

Текущее здоровье: 1%.

Контроль аватара: 2%.

— Она не заметила, — сказал Огневик. — Когда кончилась мана, система начала расходовать здоровье. Автоматически. Без уведомлений. Она должна была следить сама.

Корд смотрел на строки и чувствовал, как в груди поднимается глухая злость. Не на Аннику. На систему. На тупую, безжалостную механику.

— Она должна была видеть, — сказал он, и голос его стал жёстким. — Должна была знать. Хотя бы мигать, хотя бы сигнал. А она просто... она просто творила до последнего.

— Это игра, — ответил Огневик. — Здесь так работает. Ты должен следить сам.

Корд сжал кулаки, потом разжал. Открыл свой интерфейс, проверил ресурсы. Мана почти на нуле, здоровье — чуть больше половины. Он тоже был на грани.

— Сколько нам ждать? — спросил он.

— Пока она не восстановится, — ответил Огневик. — При одном проценте здоровья она не может двигаться. Система блокирует контроль. Она просто лежит. Не может говорить, не может встать.

— Она слышит?

— Да. И видит. Но не может ответить.

Корд опустился на колени рядом с Анникой. Взял её за руку.

— Ты слышишь меня? — спросил он тихо. — Мы рядом. Мы ждём. Ты скоро восстановишься. Просто лежи.

Анника моргнула. Один раз — медленно, тяжело.

Они сидели на мокрой земле. Туман начал редеть, и сквозь него пробился первый свет — серый, утренний. Где-то запела птица. Болото оживало.

Иногда из глубины доносился шорох. Корд поднимал голову, сжимая рапиру, но из тумана вылезали только мелкие болотники — низкие, тощие, с тусклыми глазами. Они двигались медленно, неуверенно, и при первом же движении Корда отступали обратно.

— Они слабые, — сказал Огневик, глядя на одного из них. — Очень слабые. Уровень второй-третий. Наверное, им нужно время, чтобы набрать силу.

— Набрать силу?

— Ну да, — Огневик пожал плечами. — Как перезарядка. Должно быть, разработчики ввели этот приём, чтобы нельзя было бесконечно фармить одну локацию. Надо давать ей

время на восстановление. Иначе все игроки сидели бы на одном болоте и качались вечно.

Корд кивнул. Это имело смысл. Тупая, но логичная механика. Как на заводе — станок не может работать без остановки, ему нужна смазка, чистка, время. Здесь то же самое. Только вместо станка — болото.

Время шло. Анника лежала неподвижно, но дыхание её стало глубже. Корд сидел рядом, держа её за руку, и считал вдохи. Десять. Двадцать. Пятьдесят.

— Она восстанавливается, — сказал Огневик, глядя в интерфейс. — Уже два процента.

— Долго.

— Да. Но мы ждали и дольше.

Анника зашевелилась. Пальцы дрогнули, сжались. Попыталась приподнять голову, но сил не хватило.

— Не надо, — сказал Корд. — Лежи. Мы сами. Уже скоро.

Анника что-то прошептала. Он не разобрал слов, но понял смысл. Она злилась.

— Я знаю, — сказал Корд. — Мне тоже не нравится эта механика. Но мы справимся.

Он обернулся. Посмотрел в глубину болота. Туман там был гуще, и в нём что-то мелькнуло. Тени. Три или четыре фигуры в чёрных плащах. Они стояли неподвижно, глядя в их сторону, но не приближались.

Корд хотел сказать об этом Огневику, но передумал. Что-то в этих фигурах было странное, почти неестественное. Они

не двигались, не дышали, просто стояли, сливаясь с туманом. И почему-то Корду показалось, что они не собираются нападать. Они просто... наблюдали.

Он моргнул. И фигур уже не было.

— Анника, — сказал он, отворачиваясь. — Ты как?

Аника открыла глаза. В них появилась осмысленность. Попыталась сесть — на этот раз получилось, хотя руки её дрожали.

— Я... — начала она, но голос сорвался. Прокашлялась.

— Я в порядке.

— Ты не в порядке, — сказал Огневик. — Ты чуть не умерла.

— Я знаю, — Аника посмотрела на свои руки. — Я не заметила. Когда кончилась мана, я просто... продолжала колдовать. А система расходовала здоровье.

— Да, — сказал Корд. — Мы видели логи.

— Они должны предупреждать, — сказала Аника, и голос её стал жёстким. — Когда идёт расход здоровья, система должна показывать. Хотя бы мигать. Хотя бы сигнал. А она просто... тратит. Беззвучно. Без предупреждения.

— Это игра, — повторил Огневик. — Здесь так работает.

— Это тупая механика, — сказала Аника.

— Да, — согласился Корд. — Но мы теперь знаем. В следующий раз будем смотреть.

Аника кивнула. Поднялась, опираясь на плечо Корда. Ноги её дрожали, но она стояла.

— Надо идти, — сказала она. — Пока они не вернулись.

Они пошли назад. Огневик нёс кувалду, Корд шёл сбоку, поддерживая Аннику за локоть. Ушастик сидел на плече и дрожал, прижимаясь к шее.

Лес встретил их утренним светом, птичьим гомоном и запахом хвои. Они шли медленно, чувствуя усталость в каждой мышце.

— Ты знаешь что-то про гильдии? — спросил Корд у Анники, когда они вышли на тропу.

Анника кивнула. Она уже могла говорить — голос её был слабым, но ровным.

— Я изучала эту тему, — сказала она. — Гильдии различаются. В каждой свои правила. Они много времени отнимают, и почти везде требования к уровню и навыкам.

— А есть что-то проще? — спросил Огневик. — Ну, чтобы без гильдии?

— Постоянный отряд, — ответила Анника. — Это объединение до шести человек. Но для его создания нужно зарегистрироваться в гильдии авантюристов. Всему отряду.

— А бонусы? — спросил Корд.

— Не знаю точно, — призналась Анника. — Слышала, что есть какие-то усиления. Баффы. Но подробностей нет.

Они вошли в крепость, когда солнце уже поднялось над крышами. Город просыпался: открывались лавки, на площади собирались игроки, где-то зазвучала музыка.

Корд чувствовал усталость до костей, но внутри, где-то

глубоко, теплилось что-то новое. Не уверенность — нет. Просто знание того, что они пережили этот бой. Что Анника жива. Что Ушастик с ними. Что они стали чуточку сильнее, чем были вчера.

— Значит, завтра, — сказал Огневик, когда они подошли к таверне. — Идём в гильдию?

Корд остановился. Посмотрел на Аннику, потом на Огне-вика.

— В Перелесье нет гильдии авантюристов, — сказала она. — Город слишком мал.

Огневик замер. Лицо вытянулось.

— То есть как нет? — переспросил он. — А где тогда?

— В столице, — ответила Анника. — Или в крупных го-
родах. В Перелесье — только местные гильдии. Ремесленни-
ков, торговцев, охотников, алхимиков. Но авантюристов —
нет.

— И что нам делать?

Корд помолчал. Потом пожал плечами:

— Значит, будем искать другой способ. Или копить на пе-
реезд. Или искать, что предложат местные гильдии. Но сего-
дня — отдых.

— Я не хочу отдыхать, — сказал Огневик. — Я хочу... я
хочу что-то делать.

— Завтра начнём искать, — сказал Корд. — Сегодня вос-
становимся. И подумаем.

Он посмотрел на Ушастика. Зверёк спал на его плече,

свернувшись калачиком, и тихо посапывал. Время от времени он вздрагивал во сне и перебирал лапами.

— Мы справились, — сказал Корд тихо, больше себе, чем остальным. — Это главное.

Они вошли в таверну. Там было пусто, только хозяин протирал кружки за стойкой. Корд заказал комнату на троих, поднялся наверх. Ушастик не проснулся, когда он ложился на койку.

Он закрыл глаза и почувствовал, как усталость наваливается на него, как тяжесть разливается по телу. Где-то внизу хлопнула дверь, кто-то засмеялся — но звуки эти были далёкими, почти нереальными.

Утром они будут искать гильдию. Потом — думать, как заработать на переезд. Столица или другой путь — решат по ходу. Но сегодня — только тишина, только тяжёлое дыхание и маленький тёплый комок на груди, который дышал ровно и спокойно.

Корд уснул.

Он не представлял, что ждёт их в ближайшие дни. Не был уверен, примут ли их в гильдии авантюристов. Но знал одно: он не остановится.

Ради них он готов идти дальше.

Глава 12

Глава 12. Смена

Конвейер гудел. Гудел ровно, монотонно, как дыхание спящего зверя — и этот звук уже въелся в кости, стал частью осязания, частью воздуха, которым он дышал, частью тяжести в руках, которые снова и снова брали заготовку, примеривали, фиксировали в тисках — сначала один болт, потом второй, потом третий и четвертый, гайковерт взвизгивал, болты входили в резьбу с маслянистым хрустом, потом — снять, отложить на ленту, взять следующую, и так тысячу раз, десять тысяч, счет потерялся где-то на втором году, когда он перестал считать дни и начал считать только часы до конца смены...

Но сегодня счет не помогал.

Потому что пальцы помнили другое. Не металл — свет. Не масло — вспышку, которая распорола слизня пополам. Он сжал гайковерт, и рукоять нагрелась в ладони, но не от Света — от пота.

«...раз, два... входит, гад...» — мысль дернулась, гайковерт взвизгнул не так, как надо, и болт пошел криво. Корд выругался себе под нос — горько, сухо, одними губами — открутил, начал заново. Пальцы жили отдельно от головы. Они знали эту работу, а голова знала другое: «...входит. Свет. Он тогда так ударил, что слизень просто лопнул. А как он его

создал? Выстрелил из ладони. У меня тоже есть Свет. Почему у меня не получается?»

Он дернул рычаг. Заготовка встала на место. Гайковерт снова взвизгнул — и на этот раз ровно.

— Корд! Ты там спишь, что ли?

Голос резанул по ушам острее, чем гул вентиляции. Корд поднял голову — и увидел Егорыча, стоящего в проходе между линиями. Руки — в карманах грязного комбинезона, лицо — красное, глаза — маленькие, злые, как два угля.

— Я тебя спрашиваю, спишь?

— Нет, Егорыч. Работаю.

— Работаешь? — Бригадир шагнул ближе. Заглянул через плечо. Посмотрел на заготовку. — А это что?

Корд посмотрел. Болты стояли криво. Один вообще не вошел до конца — резьбу сорвал.

В горле пересохло.

— Переделаю.

— Переделает он, — Егорыч хмыкнул, отступил на шаг. — Ты, Корд, за сегодня уже четвертый брак делаешь. Четвертый! Я за тобой переделывать не нанимался. Ты на заводе или где? Может, тебе домой пойти, поспать, а мы тут за тебя работать будем?

Корд сжал челюсти. В висках запульсировало ровно, как молот по наковальне.

— Переделаю.

— Переделаешь, — кивнул Егорыч. — И без зависаний,

понял? У меня план, у нас всех план. Если ты не можешь работать — скажи, я найду замену. Молодые есть, им работа нужна.

Он развернулся и пошел дальше по линии — что-то бормоча себе под нос, но Корд не слушал. Смотрел в спину. Потом — на заготовку. Болты торчали криво, как зубы у пьяного.

«В игре не бывает таких болтов, — дернулось в голове. — Там все просто. Ресурсы — рецепт — готово. А здесь...»

Он открутил болты. Взял новые. Сосредоточился. Гайковерт взвизгнул — раз, два, три, четыре. Нормально.

Заготовка ушла на ленту.

Но через минуту пальцы снова дрогнули. Мысль скользнула в другую сторону — как вода сквозь пальцы: «Анника сказала, что Свет бьет по Тьме. Но она же лекарь, у нее Свет исцеляющий. А у меня — боевой. Почему? Я когда его создал, я просто хотел ударить. И он ударил. А если я захочу вылечить?»

Он сжал руку, пытаясь представить, как Свет течет из ладони — теплый, мягкий... Ничего. В пальцах был только холодный металл.

И гул, который давил на уши, как вата.

— Корд!

Он вздрогнул — так, что гайковерт выскользнул из рук, упал на пол, зазвенел. Егорыч стоял в двух шагах. Смотрел в упор.

— Ты в какой реальности, я спрашиваю?

Кожа на загровке стянулась, будто от мороза.

— В этой, — сказал Корд, нагибаясь за инструментом.

— В этой? — Бригадир наклонился, заглянул в лицо. —

Тогда почему ты заготовку не зафиксировал? Она у тебя съехала, пока ты в облаках летал. Еще один брак. Итого пять.

Корд посмотрел на заготовку. Она и правда съехала — тиски зажаты слабо, деталь ушла на полсантиметра вбок, болты вошли не в те отверстия.

Пальцы сжались в кулак.

— Переделаю.

— Переделаешь, — согласился Егорыч. — А я пойду напишу рапорт. Пять браков за смену, Корд. Ты знаешь, что это значит?

Корд знал. Премия, которую он копил на новую капсулу, опять уйдет на штрафы. Третий месяц подряд.

— Знаю.

— Вот и славно.

Егорыч развернулся и ушел. Корд стоял, сжимая гайковерт. Руки дрожали — от усталости или от злости, он уже не разбирал. Гул вентиляции давил на уши. Пахло маслом, окалиной и потом — тяжело, густо, как будто весь этот запах вьелся в поры.

«Еще два часа... — мысль дернулась, он поставил заготовку в тиски. — Два часа — и я уйду. И буду там. Свет. Анника. Ушастик. Плотник...»

Он вздохнул — глубоко, до хруста в груди — и взял новую заготовку.

Два часа тянулись, как ржавая проволока сквозь пальцы — и вот, наконец, он выключил станок, снял грязные перчатки, бросил в корзину. Руки пахли маслом, под ногтями чернела металлическая пыль. Он прошел через цех — мимо гудящих линий, мимо тусклых ламп под потолком, мимо сварочных постов, где искры летели в темноту, как маленькие кометы. Воздух был тяжелым, насыщенным — железо, смазка, горячий пластик, и каждый шаг отдавался в ногах свинцом.

В раздевалке былолюдно. Парни стаскивали комбинезоны, кто-то уже стоял под душем — вода шумела за перегородкой. Корд сел на скамейку, стянул сапоги. Ноги гудели. Пальцы плохо слушались — привычная судорога.

— Слышал, — голос разнесся по раздевалке.

Корд поднял голову. Два парня стояли у шкафчиков, курили — хотя курить здесь не разрешали, но кто проверял.

— Что слышал?

— Про завод. Говорят, смена пользователя.

— Опять? Третий раз за год.

— Да нет, серьезно. Мой знакомый из бухгалтерии сказал — к ним приходили какие-то люди, документы смотрели.

— Поглощение?

— Похоже. Говорят, кто-то из олигархов хочет купить линию. Может, даже весь завод.

Корд замер. Сапог в руке застыл — тяжелый, холодный.
— Какой олигарх?

— Да кто ж знает. Но слухи ходят, что он уже три завода скупил в соседних городах. Этот будет четвертый. Говорят, если купит — всех переведут на новые контракты. Зарплату порежут, смены увеличат.

— Бред.

— А ты проверь. Начальники, конечно, все отрицают. Но когда отрицают — значит, правда.

Парни засмеялись, вышли из раздевалки. Корд сидел на скамейке. Сжимал сапог. Смотрел на руки — грязные, в мозолях, в мелких царапинах. Руки сборщика.

«Я не вернусь сюда. Я заработаю. Я куплю капсулу, прокачаюсь, найду способ... Я не вернусь за этот забор».

Он надел сапоги. Встал. Пошел к выходу.

Капсула встретила его мягким шелестом геля и тусклым свечением индикаторов. Он разделся, лег в жидкость. Пальцы нащупали кнопку входа — давно привычное движение, отточенное до автоматизма.

— Вход, — сказал он.

Мир моргнул и пропал.

Перелесье встретило его сыростью и запахом мокрой коры — густым, терпким, живым. Он появился у ворот — там же, где вышел в прошлый раз. Вокруг сустились игроки, торговцы выкрикивали цены, где-то звенел металл — кузнец ковал что-то в своей мастерской. Солнце пробивалось сквозь лист-

ву, и тени бежали по траве, как живые.

Анника стояла у ворот, прислонившись к стене. Рядом с ней, на камне, сидел Огневик — крутил в руках кувалду, проверял баланс, что-то бормотал про центр тяжести и неправильную закалку. Увидел Корда — махнул рукой, не поднимая головы.

— Ну что, идешь к плотнику? — спросила Анника.

— Иду, — Корд подошел. В груди отпустило — хотя бы на мгновение. — Ты его нашла?

— Нашла. Он в западной части города. Говорят, дорогой, но мастер хороший. Пойдем.

— А я пока здесь, — сказал Огневик, не отрываясь от кувалды. — У меня с ней разговор. Она неправильно сбалансирована. И рукоять...

Он продолжил бормотать что-то про металл и ковку. Корд усмехнулся, махнул рукой и пошел за Анникой.

Они пошли по узким улицам. Дома здесь были низкими, сложенными из темного дерева, с крышами из дранки. Под ногами хлюпала грязь — ночью прошел дождь, и городские сточные канавы не справлялись. Запах мокрой земли и прелой листвы висел в воздухе.

— Как твоя смена? — спросила Анника.

Корд посмотрел на свою руку. Пальцы все еще помнили гайковерт.

— Долго, — сказал он. — Бригадир орал. Пять браков.

— Пять? — она повернулась, посмотрела с любопыт-

СТВОМ.

— Думал об игре. И про капсулу.

— Понятно, — кивнула она и снова отвернулась. — Ты не один такой. Я тоже думаю иногда. Но стараюсь не на работе. Иначе штрафы.

— А ты где работаешь?

Она помолчала.

— В пекарне. Ночные смены. Тесто мешу.

Корд хмыкнул.

— Тоже весело.

— Веселее, чем у тебя, — сказала она. — Тепло. Запах хлеба. И начальник меня не трогает, я его быстро поставила на место.

— Как?

— Сказала, что уйду к конкурентам. Он испугался.

Она усмехнулась — коротко, сухо. Корд улыбнулся в ответ — и впервые за день почувствовал, как с губ спадает тяжесть.

— Ты жесткая, Анника.

— Выживать надо, — сказала она. — Пришли.

Мастерская плотника находилась в тупике, за рядом покосившихся заборов. Вывеска над дверью гласила: «Древодел». Под вывеской висела деревянная табличка: «Работа дорого. Брака не будет. Оплата вперед». Корд толкнул дверь — и воздух внутри ударил в лицо смолой, опилками и лаком. Вдоль стен стояли готовые изделия — посохи, щиты,

мебельные ножки, какие-то странные механизмы из дерева и металла. Старик с седой бородой и в кожаном фартуке сидел за верстаком, строгал доску.

— Здравствуйте, — Корд шагнул вперед. — Нам нужна починка посоха.

Старик поднял голову. Глаза светлые, цепкие — резанули по лицу, как лезвие.

— Показывай.

Анника протянула посох. Старик взял, повертел в руках, постучал по излому.

— Трещина. Глубокая. Свет внутри нарушен, проводящие каналы разорваны.

— Починить можно?

— Можно, — старик положил посох на верстак. — Восемьдесят серебра.

Корд моргнул. В груди что-то сжалось.

— Восемьдесят?

— Работа сложная. Трещина не простая, надо каналы восстанавливать, световую нить переплетать. Если сделаю плохо — посох работать не будет. Дешевле не беру.

Корд переглянулся с Анникой. Она молчала — но он видел, как сжались ее пальцы, побелели на суставах.

— А новый посох?

— Новый — один двадцать, — сказал старик. — Но это простой, без изысков. Если хотите с усилениями — цена другая.

— У нас есть шестьдесят, — сказал Корд, чувствуя, как слова вязнут в горле. — Мы взяли данж на днях. Хобгоблин. И болотники. Но восемьдесят... это слишком. Нам нужно еще на зелья.

Старик пожал плечами.

— Тогда не приходите. Работа — дорого. Или платите, или идите к другому. Только у других еще дороже.

Они вышли на улицу. Анника молчала. Ушастик, который все это время сидел у Корда на плече, чихнул и потерся мордой о его щеку — мех был теплым, живым.

— Что будем делать? — спросил Корд.

— Думать, — сказала Анника. — Или копить.

Площадь перед гильдией наемников гудела. Тысячи голосов сливались в один гул — и этот звук давил на уши, как вода на глубине. Корд никогда не видел столько игроков в одном месте. Они стояли плотными группами, переговаривались, показывали друг другу оружие, смеялись. Кто-то сидел на ступенях гильдии и чистил доспехи, кто-то торговал прямо там — расстелил на земле плащ и выложил зелья. Пахло потом, кожей, железом и чем-то сладким — как мед, но с горечью.

А в центре, на небольшом помосте, стоял человек. Он был одет ярко — длинный плащ с красными и золотыми вставками, на поясе — меч, украшенный рубинами. Голос звонкий, пронзительный, как у глашатая — резал воздух и разносился над площадью.

— Внимание! Внимание! — кричал он. — Король Вардена объявляет набор добровольцев для вторжения в земли Железного герцога! Награда — щедрая! Добыча — ваша! Земли — ваши! Приходите, записывайтесь, не упустите шанс стать героями!

Корд подошел ближе. Анника — следом.

— Что думаешь? — спросил он.

— Награда наверняка хорошая, — сказала она. — Но это вторжение. Опасное.

— А мы думали, что в Перелесье безопасно?

Она усмехнулась.

— Ладно. Попробуем.

Они подошли к помосту. Глашатай уже разговаривал с группой игроков — те задавали вопросы, что-то уточняли.

— Простите! — Корд поднялся на ступеньку. — Мы хотели бы записаться!

Глашатай обернулся. Окинул взглядом — его и Аннику. Корд видел, как лицо изменилось: сначала недоумение, потом легкое раздражение, потом откровенная брезгливость.

— Вы? — он растянул слово. — Какие уровни?

— У нас... — Корд запнулся. — Седьмой. И шестой.

Глашатай фыркнул. Громко, так, что слышали ближайшие игроки. Несколько человек обернулись. Пальцы Корда сжались в кулак.

— Малыш, — сказал глашатай. — С такой прокачкой тебе не на войну идти, а в поля — морковку сажать. Ты хоть

представляешь, что там? Монстры — сорокового уровня минимум. Там тебя даже бобры сожрут.

Корд сжал челюсти. В груди что-то закипело — горячо, горько.

— Мы справимся. Нам нужны деньги.

— Всем нужны деньги, — отмахнулся глашатай. — Иди, прокачайся сначала. Не отвлекай людей от работы.

Он отвернулся. Корд стоял — не в силах двинуться. Анника молчала за спиной.

— Пойдем, — сказала она тихо. — Это бесполезно.

Они уже собирались уходить — когда кто-то толкнул Аннику в плечо. Сильно, грубо — она едва устояла на ногах. По песку проехался сапог.

— С дороги, — рявкнул мужской голос.

Корд обернулся. Перед ними стоял воин. Высокий, в полном латном доспехе, с огромным двуручным мечом за спиной. Шлем поднят — лицо квадратное, с тяжелой челюстью и маленькими злыми глазами.

— Ты что делаешь? — Корд шагнул вперед.

— А ты кто такой? — воин навис над ним. — Мелкий, как мошка. Уйди, пока не пришиб.

— Анника никому не мешала.

— Она на дороге стояла. Быстро убралась — и все.

Воин снова шагнул вперед — задел Корда плечом. Мощный, тяжелый, как каменная глыба. Корд не устоял — пошатнулся. Трава под ногами была мокрой, скользкой.

— Слабак, — усмехнулся воин. — Иди отсюда, пока цел.
Он сделал еще шаг. Но Анника не убралась. Стояла — смотрела ему в глаза. Упрямо. Спокойно.

— Я сказал, с дороги!

Воин занес руку — но не успел ударить.

Из ниоткуда, как тени, появились двое.

Они стояли в двух шагах. Оба в черном — длинные плащи, гладкие маски, никаких опознавательных знаков. Ростом невысокие, но в них чувствовалась такая сила, что воздух вокруг, казалось, сгустился до плотности воды.

Один из них поднял руку. Легко, почти небрежно — просто щелкнул пальцами.

И воин в тяжелых латах взлетел в воздух. Как пушинка. Перелетел через половину площади — и рухнул на прилавок с товарами. Дерево треснуло. Воин заорал. Его придавило обломками.

Тишина.

Все, кто был на площади, замерли. Корд смотрел на черные фигуры — не в силах пошевелиться. Анника рядом — тоже. Пальцы не слушались. В горле пересохло.

А двое в черном говорили. Как будто вокруг никого не было. Как будто стояли в пустом поле.

— Какой у нас там счет? — сказал первый. Голос глухой, без интонаций — как скрежет металла по стеклу.

— 342 обращения, — ответил второй. — А до конца декады еще четыре дня.

— Эх, не успеваем, — первый покачал головой. — Но шансы есть, если поднажмем.

Они говорили — а вокруг них расступались. Корд заметил, как глашатай, который только что кричал так громко, бочком, незаметно переместился в сторону. За ним — высокоуровневые игроки. Те, кто только что стояли с таким важным видом, теперь отодвигались — тихо, стараясь не привлекать внимания. Но им мешала толпа зевак — те напирали сзади, им было интересно.

— Так, — сказал первый. — Что тут у нас? Наблюдение в течение недели. Дополнительных ошибок не выявилось.

— А недавняя резкая смена поведенческих алгоритмов?

— Ой да мало ли что эти юзвери накрутили, — первый махнул рукой и кивнул в сторону Корда и Анники.

Корд вздрогнул — кожа на загривке стянулась, будто от мороза.

— Простите, — он шагнул вперед. — Мы не поняли... О ком вы?

Его проигнорировали. Совершенно. Как будто он был деревом или камнем.

— Программа подхватила блуждающий обрывок кода при генерации биома, — сказал второй. — Получилась эта фигня.

Он нагнулся — и поднял Ушастика.

Питомец заскулил — тонко, жалобно — забился в руках. Но рука держала крепко — и Ушастик затих, только мелко

дрожал. Корд видел, как дрожат его лапки — как листья на ветру.

— Так, кусок от «искателя», — сказал первый, рассматривая питомца. Повернул так и этак, заглянул в глаза, провел пальцем по спине. — Ты посмотри. Эпический, но не полный.

— Свет, воздух, огонь, — второй тоже посмотрел. — Неплохой такой кусок кода затащило. Даже не понятно, кто это должен был быть. Лиса, енот... фиг его поймешь.

— Не так мы его не пофикси́м, — сказал первый. — Надо глубокую очистку запускать.

— В него что, кусок дракона закинуло?

— Или ифрита. Или архилича. Или еще какой фигни, пойдй разберись сейчас.

— Будем чистить?

Первый фыркнул — Корд услышал это даже через маску.

— Ты что, дурак? Это же часа четыре. Точно в топ не успеем. Отмечай — сообщение об ошибке проверено, отклонения от нормы в пределах погрешности.

Второй кивнул. Отпустил Ушастика. Тот бросился к Корду — забился в ноги, скуля.

— Сделано, — сказал второй.

И они исчезли. Просто — раз — и их нет. Как будто их и не было.

Толпа зашумела. Кто-то засмеялся, кто-то заговорил громко. Корд стоял — прижимая к груди Ушастика — и

смотрел на пустое место, где только что стояли двое. В груди гудело, как пустой барабан.

— Корд, — Анника тронула его за плечо. — Ты как?

— Я... — он сглотнул. В горле пересохло. — Я не знаю. Кто это был?

— Не знаю, — она посмотрела на него. — Но смотри.

Он поднял глаза. Те, кто стоял рядом — глашатай, высокоуровневые игроки, другие — теперь смотрели на них. И во взглядах было любопытство. Недоброе.

— Пойдем, — сказала Анника тихо. — Нам лучше уйти.

Они шли к берегу реки молча.

Ушастик сидел у Корда на плече — прижимался к шее, время от времени поскуливал. Корд гладил его по голове — и тот затихал. мех под пальцами был теплым. Живым.

— Админы, — сказала Анника, когда они вышли из города. — Так их называют. Я слышала раньше, но никогда не видела.

— Админы?

— Те, кто смотрит за игрой. Как... зрители. Они следят за порядком.

— А то, что они говорили... про код, про алгоритмы...

Анника пожала плечами.

— Я не знаю, что это значит. Но они не врал. Ты видел, как он поднял того воина. Одним пальцем.

Корд поежился. Он помнил. В груди все еще гудело — ровно, как молот по наковальне.

Река встретила их шумом воды и запахом мокрой травы — свежим, прохладным, живым. Солнце клонилось к закату — отбрасывало длинные тени на песчаный берег. Где-то кричали птицы, в воде плескалась рыба.

Корд сел на песок, снял обувь, опустил ноги в воду. Холодная. Приятная — как глоток воды после долгого дня.

— Бобры, — сказала Анника, стоя рядом. — Они здесь водятся. Слабые, десятый уровень. Но шкура ценится.

— Почему?

— Устойчивость к воде. Даже на низком уровне. Вещи из нее не промокают.

Корд кивнул. Ушастик спрыгнул с плеча — побежал по песку, остановился у кромки воды. Посмотрел на воду. Потом на Корда. Потом сел на задние лапы, нахохлился — и застыл, как маленький наблюдатель. Сделал вид, что его здесь нет. Только уши — торчком, и глаза — золотые, внимательные.

— Боишься? — усмехнулся Корд. — Или просто решил, что мы сами справимся?

Ушастик фыркнул. Отвернулся. Чихнул — и не обернулся.

— Актёр, — сказала Анника. — Или тактик. Я ещё не поняла.

Корд усмехнулся — коротко, без тепла.

— Тактик, который сидит на берегу, пока мы работаем, — сказал он. — Отличная стратегия. Мне бы такую.

Ушастик задрал морду. Посмотрел на Корда с явным превосходством — и снова отвернулся.

— Ладно, — Корд поднялся, отряхнул песок с одежды. — Идем, пока он нам стратегию не расписал на три страницы.

Они пошли вдоль берега. Ушастик бежал сбоку, на безопасном расстоянии — но не отставал. Наблюдал.

Первые два бобра дались легко.

Корд выходил вперед. Щит — в руку. Вспышка — Свет бил из ладони, ослепляя. Бобры, ошалевшие, пытались убежать — но Анника перехватывала. Вонзала клинок. Резко. Точно.

Ушастик сидел на камне в десяти шагах. Смотрел. Пригнувшись. Время от времени чихал — но с места не сдвигался. Когда бобры падали, он только поворачивал голову, проверял, не угрожает ли что-то — и снова застывал.

— Ты хоть помогать будешь? — крикнул Корд, вытирая рапиру.

Ушастик фыркнул. Спрыгнул с камня — и перебежал на другой, поближе к следующему бобру. Сел. Наблюдал.

— Я не понял, он боится или просто нас смотрит, — сказала Анника, подходя.

— Он наблюдает, — Корд пожал плечами. — Наверное, хочет убедиться, что мы не опозоримся.

— А если опозоримся?

— Тогда он сделает вид, что не знаком с нами.

Ушастик чихнул — громко, отчетливо — и отвернулся.

— Он слышит, — сказала Анника.

— Я знаю.

Пятого бобра они убили на опушке, у самой воды.

Корд уже собрался было снять шкуру — как по всей локации разнеслось сообщение.

«Истребление бобров в зоне Перелесье вызвало гнев Царя бобров. Внимание! Босс локации активирован. Рекомендуется покинуть зону.»

Корд поднял глаза.

Из воды что-то поднималось. Огромное. Темное. Мокрое.

Глаза — красные, как угли. Зубы — длинные, желтые, кривые.

Царь бобров.

Рапира — в руку. Анника вскинула ладони для заклинания.

Корд заметил — краем глаза, но заметил — как Анника, готовясь к удару, быстро, почти незаметно, скользнула взглядом по интерфейсу. Проверила ману. Короткий взгляд на ресурсы — и только потом подняла руки.

Босс был слишком быстр — метнулся, взмахнул хвостом — и Корда швырнуло в дерево. Хруст. Тьма в глазах.

— Анника, беги! — крикнул он — но голос прервался.

Когтистая лапа ударила по ней — она отлетела на песок. Кровь. Крик. Корд поднялся — шагнул вперед — Свет ударил из ладони, ослепительная вспышка — но босс даже не пошатнулся.

Красные глаза. Смотрели в упор.

Лапа поднималась.

Корд увидел, как Анника, лежа на песке, снова проверяет интерфейс. Коротко. Быстро. И только потом — поднимает руку для заклинания.

Она успела.

Свет ударил в глаза босса. Ослепление. Босс заревел, отшатнулся — и Корд понял.

— Она следит, — прошептал он.

Удар. Боль. Тишина.

Корд открыл глаза в точке респавна. Рядом, на соседнем камне, сидела Анника — бледная, смотрела в землю. В груди все еще гудело. Под рёбрами колотило ровно, как молот по наковальне.

— Убить легко — говорили они, шкура ценная... деньги легкие, а про босса никто даже не намекнул. — обиженно сказал Корд в никуда.

Глава 13

ГЛАВА 13. ХАТКА

Точка респауна встретила их серым светом и сыростью, что тянула от камня; воздух пах окалиной и мокрой корой, где-то за стенами гудело — то ли ветер, то ли просыпающийся город. Корд открыл глаза, и первым, что он увидел, был деревянный навес, с которого, мерно, по капле, срывалась вода на плиты, а рядом, на соседней плите, сидела Анника — бледная, с пустым взглядом; в груди у него ещё гудело, под рёбрами заколотило ровно, как молот по наковальне, и он понял, что жив, что они оба живы.

— Отче, — сказал Корд в тишину, и голос его прозвучал хрипло, — шкура ценная, деньга лёгкая... почто ж никто не рек про босса?

Анника подняла голову. Глянула — без укора, без жалости. Только смотрела, и в этом взгляде было что-то тягучее, как мёд, но без сладости.

— Живы, — молвила она. — И то ладно.

Корд хотел ещё что-то сказать, но слова растворились, не родившись: из-за угла вылетел Огневик — тяжело дыша, в куртке, перепачканной мазутом, в волосах — стружка, на скуле — ссадина, свежая, кровящая. Увидел их — и замер, перевёл дух.

— Живые! — выдохнул он. — А я в мастерскую забег...

глянуть, как кузнец с проектом возится... думал, вы меня подождёте, а вы уже...

Запнулся. Глянул на пустое плечо Корда, и лицо его вытянулось.

— А где Ушастик?

— Не вразумлю, — ответил Корд, поднимаясь; камень под ногами был холодным, шершавым, отдавал влагой через подошву. — Не погиб. Но где — не знаем.

— Система токмо статус кажется, — добавила Анника, тоже вставая. — Жив али мёртв. А местоположение — нет.

Огневик моргнул, потом хлопнул себя по лбу — грязной ладонью, оставив на коже тёмный след.

— Так искать надобно! — воскликнул он, и голос его дрогнул. — Чего стоим? Он же там, в лесу, один...

— Идём, — сказал Корд, и в голосе его звенела сталь. — И так опоздали.

Узкие улочки, низкие дома с крышами из дранки, лавки — только открывались, пахло мокрой корой и прелой листвой; земля под ногами не просохла, хлюпала, оставляла следы, а где-то в центре, за крышами, слышался гул — много голосов, звон металла, и чей-то крик, резкий, как удар плети.

— Что там? — Корд остановился, прислушался.

Огневик вскинул голову; глаза его загорелись.

— Рейд! — выпалил он. — Кто-то собирает рейд! На бобра! На босса!

— На Царя бобров, — поправила Анника, но голос её был

ровен.

— Да хоть на Императора! — Огневик подался вперёд всем корпусом. — Нам надобно туда! Мы ж с ним бились, мы знаем, как он ходит!

Корд сжал челюсти; в груди кольнуло — остро, горько, и позвонки свело.

— Ушастик, — сказал он. — Сперва Ушастик.

Огневик замер. Глянул на Корда, потом на Аннику. Та молчала, но пальцы её, сжимавшие обломок посоха, побелели.

— Дак... — начал Огневик и осекся. — Ладно. Сперва питомец. Потом босс.

Лес встретил их тишиной. Птицы молчали, ветер не шевелил листву — только сырость, запах мха и грибов, и тишина, что давила на уши, как вата, и слышно было, как кровь стучит в висках. Корд шёл первым, пальцы сжимали рукоять рапиры, взгляд шарил по теням. Анника — за ним, насторожённая, с поднятым обломком, Огневик — с кувалдой, тяжело дышал, но не отставал.

— При воде он должен быть, — сказал Корд, не оборачиваясь. — Всегда к воде тянет.

— Или к месту, где хозяина видел, — отозвалась Анника. — Питомцы привязываются к последней точке.

— А ежели испугался и утёк далече?

— Тогда искать будем долго.

Искали. Час. Другой. Солнце поднялось выше, пробивая

кроны; тени укорачивались, воздух становился тяжелее, лип к коже. Корд окликал Ушастика, свистел, хлопал — но лес молчал; только где-то со стороны города доносились крики — рейд начался.

Поляна. Поваленное дерево. И на нём — Ушастик: уши прижаты, хвост поджат, шерсть мокрая, грязная, на морде — болотная тина. Увидел их — вздрогнул. Потом отвернулся, опустил голову.

Корд опустился на корточки, протянул ладонь. Зверёк покосился на руку — и не двинулся.

— Живой, — сказал Корд тихо, и голос его дрогнул. — И то ладно.

Ушастик фыркнул. Но не подошёл.

А с той стороны, где был город, донёсся рёв — яростный, низкий, и следом — многоголосый крик, лязг, вспышка, осветившая верхушки деревьев. Царя добивали. Корд обернулся — лицо Огневика стало серым, Анника сжала обломок посоха, и костяшки её пальцев побелели.

— Опоздали, — выдохнул Огневик. — Могли быть там... опыт, шмот...

— Не могли, — отрезал Корд.

— Дак ежели б сразу, как воскресли...

— Ушастик был один. — Голос Корда стал жёстким, как лезвие. — Испуганный. И ежели б не нашли — он б не вернулся.

Огневик открыл рот, хотел возразить — и закрыл. Гля-

нул на Ушастика: на опущенную голову, на грязную мокрую шерсть. И смолк.

— Прав ты, — сказал он, и голос его был глухим. — Просто... обидно.

— Опыт — дело наживное, — молвила Анника, шагнув к Ушастiku. — А питомец — нет.

Она нагнулась; зверёк поднял голову, глянул на неё — и чихнул, разбросав искры. Анника отклонилась легко, плавно, будто ждала.

— Он важнее, — сказала она.

Корд подошёл, опустил на колени. Протянул руку. На этот раз Ушастик ткнулся носом в ладонь, лизнул пальцы — осторожно, словно прося прощения.

— Нашёл нас, — сказал Корд. — Молодец.

Зверько чихнул снова, фыркнул, потом спрыгнул с дерева — и побежал вперёд. Остановился. Оглянулся. В глазах его горело золото — настойчивое, почти требовательное.

— Зовёт, — сказала Анника.

— Куда?

— Не вразумлю. Но хочет, чтоб мы шли за ним.

Тявкнул — коротко, отрывисто — и побежал дальше. Корд переглянулся с Анникой, потом с Огневи́ком; тот пожал плечами, поднял кувалду.

— Коль зовёт... идём.

Лес кончился. Болото — но не то, другое: мельче, суше, с редкими деревьями, корни которых торчали из воды, как

пальцы утопленников. Ушастик бежал по кочкам, перепрыгивал ловко, не оборачивался; Корд следовал за ним, чувствуя, как под ногами хлюпает вода, как тянет запахом тины и кислого.

Они вышли к плотине. Огромной, сложенной из брёвен, веток и глины; вода за ней стояла тёмная, неподвижная, пахла чем-то гнилым. А перед плотиной, на страже — пятеро.

Бобры. Но не те: крупнее, выше, шерсть блестит, в глазах — холодный голубой свет. В лапах — копыта, грубые, но острые; хвосты — на земле, готовые к удару.

— Воины, — прошептал Огневик, и в голосе его прозвучал испуг. — Я таких не видывал.

— Ныне видишь, — ответил Корд, выхватывая рапиру.

Первый метнулся — быстрее, чем можно было ждать от такого тела. Копьё свистнуло; Корд поднял щит, принял удар. Дерево треснуло, но выдержало. Шаг назад.

Второй взмахнул лапой — и из воздуха вырвалась струя воды. Ударила в щит, отбросила Корда. Он рухнул, перекатился, вскочил — мокрый, с привкусом железа во рту.

— Магия! — крикнул он. — Они колдуют!

Третий ударил хвостом по земле — и по болоту пошла рябь, сбивающая с ног. Корд пошатнулся. Ушастик забился под корягу, свернулся, прижал уши.

— Опять боится! — крикнул Огневик.

— Оставь! — Анника вскинула обломок посоха. — Он не воин!

Вскинула руки. Белый свет вырвался из пальцев — тусклый, но ровный. Ударил в первого бобра — тот зашатался, потерял ориентацию.

— Бей!

Корд рванул вперёд. Рапира вошла в бок — раз, второй. Тварь взвыла, отшатнулась, но устояла.

Копьё второго просвистело; Корд ушёл в сторону, и оно вонзилось в землю там, где он стоял мгновение назад.

— На неё агрядся! — крикнул Огневик, увидев, как двое бобров разворачиваются к Аннике.

Она пятилась, вскидывая руки; щит, созданный ею, лопнул от удара, отбросил её. Корд хотел рвануть к ней, но третий бобр перекрыл путь. Замахнулся хвостом — удар пришёлся по ногам. Корд рухнул, ударился спиной о кочку; воздух вышибло из лёгких.

Огневик вскинул руку. Пламя вырвалось из ладони, ударило в бобра, занёсшего копьё над Анникой. Тварь взвыла, попятилась.

Система щёлкнула.

Поздравляем! Новый навык: «Цепочка чар»!

Уровень: 1.

Эффект: повтор заклинания без времени каста.

Штрафы: мана +50%, урон -20%. Каждое следую-

щее повторение — штрафы растут.

Огневик пробежал глазами описание, но времени на раздумья не осталось: бобры наступали, Анника отступала. Он сжал кулак — и второй шар вырвался следом за первым, без задержки, без паузы. Ударил в бобра, бежавшего на Аннику, тот отлетел, рухнул. Третий — во второго. Четвёртый — в третьего.

Огневик видел интерфейс: мана таяла, но он не останавливался. Пятый шар ударил в ближнего к Аннике; в груди зашипало, под рёбрами разлилось тепло — здоровье уходило, он видел это, но не прекратил.

— Беги! — крикнул он Аннике, и голос его сорвался. — Я их держу!

Бобры развернулись к нему. Трое — все, что остались на ногах, — смотрели на Огневика. Он стоял с поднятой рукой, огонь погас, мана на нуле, но он стоял, сжимая кувалду.

— Ну давайте, — прошептал он, вглядываясь в интерфейс, проверяя здоровье. — Я здесь...

Анника вскочила. Подняла обломок посоха. Белый свет ударил из пальцев — и система щёлкнула снова, вплетая в сознание новый навык.

Поздравляем! Получен уровень!

Новый навык: «Целебная волна»!

Эффект: урон врагам и слабое лечение союзников

в радиусе.

Она вскинула руки. Волна вырвалась — мягкая, текучая, белая; ударила в бобров, заставила их пошатнуться, отступить, и в тот же миг коснулась Огневика, затягивая раны. Он перевёл взгляд на интерфейс — здоровье перестало падать, начало восстанавливаться.

Корд рванул вперёд. Клинок вошёл в грудь ближнего бобра; тот рухнул на колени, затих. Второй отступил, третий зашипел — но Огневик уже размахнулся кувалдой, ударил, и тварь отлетела, ударилась о плотину и затихла.

Тишина.

Корд стоял, тяжело дыша; рапира дрожала в руке, в боку ныло, плечо горело. Огневик сидел на земле, опустив голову, смотрел на свои руки — проверял ресурсы. Анника стояла рядом, прижимая к груди обломок посоха.

— Справились, — выдохнул Огневик.

Корд кивнул. Подошёл к Ушастику. Зверёк сидел под корягой, прижав уши, но когда Корд протянул руку — вышел, ткнулся носом в ладонь, лизнул пальцы.

— Добрый, — сказал Корд. — Привёл нас.

Ушастик чихнул — и отвернулся, делая вид, что ничего особенного не случилось.

Плотина оказалась хаткой. Не настоящей — игровой, с дверью, которую охраняли пять бобров. Корд толкнул её; она поддалась. Внутри пахло сухой травой и деревом; в углу, на гряде веток, лежал посох.

Подошли. Старый, обгрызенный, на дереве — следы зубов. Но когда Анника взяла его в руки, система вывела описание:

«Посох Царя бобров (повреждённый)».

«+3 к Мудрости, +1 к Интеллекту».

«Оружие бывшего владыки. Следы зубов — инициация».

Анника подняла глаза; на губах её застыла лёгкая улыбка — редкая, почти незаметная.

— Три мудрости, — молвила она. — Не худо.

Корд усмехнулся, опустил на корточки. Ушастик сидел рядом, прижимался к его ноге, время от времени чихал, разбрасывая искры.

— Надобно двигаться, — сказал Огневик, присаживаясь на бревно. — Но сперва — роздых. Маны — ни капли.

— И здоровье на исходе, — добавила Анника.

Корд кивнул. Глянул на Ушастика — тот уже засыпал, положив голову на его колено, посапывал, иногда вздрагивал во сне и перебирал лапами.

— Добро, — сказал Корд. — Отдыхаем.

Помолчал. Потом поднял глаза на Аннику и Огневика.

— Слушайте, — рек он. — Забота у нас.

— Какая? — насторожился Огневик.

— Оба вы — маги. Ближнего боя — нет. Ежели подойдут

вплотную — не сдержитесь.

Анника помолчала. Медленно кивнула.

— Прав ты, — сказала она. — Я больно часто убегала. Кабы Огневик не отвлёк...

— Риск был, — перебил Корд, поворачиваясь к Огневику. — Ты здоровье тратил на заклęcia. Видел?

— Видел, — ответил Огневик, и голос его прозвучал твёрже обычного. — Я контроль держал. Знал, сколько осталось. И Аннику прикрыл. То был осознанный шаг.

Корд хотел возразить — но осекся. Огневик прав: он не слепо тратил ресурсы, он отслеживал их.

— И всё же, — сказал Корд. — Вам обоим надобно снаряжение для ближнего боя. Инако в следующий раз не выберемся.

— А ты? — спросила Анника, глядя на него. — Тебе магия надобна. Ты лишь Светом слепишь. А больше ничего.

Корд помолчал. Сжал руку, пытаясь представить, как Свет течёт из пальцев — тёплый, управляемый. Ничего.

— Я справляюсь, — сказал он, и в голосе проскользнуло упрямство.

— Справляешься, — согласилась Анника. — Но мог бы лучше.

Корд посмотрел на неё. Она не улыбалась, не шутила — просто смотрела, и в глазах её не было осуждения, только факт.

— Подумаю, — сказал он.

Ушастик чихнул — громко, отрывисто — и Корд понял: зверёк не спит, просто притворяется, что ему всё равно.

Сидели в тишине; за стеной плескалась вода, где-то вдалеке кричала птица.

Корд поднялся.

— В город, — сказал он. — Надобно сыскать снаряжение. И сделать так, чтоб в следующий раз мы не бегали от бобров.

Огневик поднялся следом, придерживая кувалду. Анника закрепила новый посох за спиной.

Ушастик спрыгнул с колен, побежал вперёд — осторожно, осматриваясь, но уже не прячась.

Пошли за ним.

Вечерняя прохлада, запах смолы. Солнце клонилось к закату, отбрасывая длинные тени; где-то ухал филин — в этом звуке было что-то домашнее. Корд шагал первым, держа руку на рукояти рапиры, чувствовал усталость в каждой мышце, но внутри, где-то глубоко, теплилось ровное, спокойное тепло — знание: они пережили этот бой, Анника получила новый посох, Огневик не погиб, Ушастик снова с ними.

Зверёк бежал впереди, иногда останавливался, принюхивался, чихал и снова бежал. Больше не прятался.

Анника догнала Корда, поравнялась с ним.

— Думаешь о том, что я рекла. О магии.

Корд не обернулся.

— Думаю.

— И что решил?

Помолчал.

— Попытаюсь, — сказал он. — Не обещаю, что выйдет.

— Не надобно обещать, — ответила Анника. — Просто попытайся.

Они вышли к опушке. Впереди показались огни Перелесья — тёплые, жёлтые, сулящие кров и отдых.

Корд остановился. Глянул на город, потом на своих спутников. Огневик уже бормотал что-то про кузницу, про навык, про то, как будет его тренировать. Анника улыбалась — едва заметно, уголками губ.

Ушастик сидел на камне, чихал, разбрасывая искры.

— Ты опять? — усмехнулся Корд.

Зверёк фыркнул, отвернулся. Но Корд видел: уголки его пасти чуть приподняты — он улыбался.

Вошли в город, когда на площади зажигали фонари. Где-то вдалеке слышалась музыка, чей-то смех, звон кружек. Корд поднял голову; в тёмном небе зажигались первые звёзды, и где-то в вышине, над самой высокой крышей, пролетела тень — большая, бесшумная, и исчезла за лесом.

Он смотрел на неё, и пальцы его, лежавшие на рукояти рапиры, сжались сами собой. Что ждало их завтра — он не ведал. Найдут ли они снаряжение, научится ли он магии — то было закрыто от него, как та тень, что ушла за горизонт.

Но Ушастик ткнулся носом в его ладонь. Тёплый, живой. И Корд шагнул вперёд, в свет фонарей, не оглядываясь.

Глава 14

ГЛАВА 14. ВОЛЧЬЯ МЕТКА

Вечер встретил их прохладой и запахом смолы, который тянул от леса, смешиваясь с сыростью тракта; где-то впереди горели огни Перелесья — жёлтые, тёплые, обещающие кров и отдых, и Корд шёл первым, чувствуя, как под ногами хлюпает земля, как в груди ещё гудит от недавнего боя, и думал о том, что Ушастик наконец-то вернулся. Зверёк сидел на плече Анники — прижимался к её шее, изредка чихал, разбрасывая искры, и шурился от ветра; Анника шла следом, задумчивая, пальцы её касались нового посоха за спиной — «Посоха Царя бобров», и она время от времени поглядывала на Корда, словно проверяя, не исчез ли он.

Огневик замыкал шествие, сжимая в руках бутерброд, который успел стащить из таверны перед выходом, и жевал на ходу, громко чавкая.

— Слушайте, — сказал он, прожевав, — а что мы будем делать с волками? Они же наверняка в городе все знают, что бобра убили. Может, они нас уже ждут?

— Не ждут, — ответила Анника, не оборачиваясь. — Они не знали, где хатка. Мы нашли её первыми.

— А если знали?

— Тогда нас уже ждали бы на выходе из леса. А не на тракте.

Они вышли на тракт, когда городские огни уже зажглись впереди, и Корд почти улыбнулся, представив горячий ужин и кружку пива; он хотел сказать что-то про то, как хорошо возвращаться, но слова растворились, не родившись: из-за поворота, перекрывая дорогу, вышли двое.

В плащах с серым волчьим знаком на груди.

Первый — коренастый, с широким щитом за спиной, лицо грубое, квадратное; он двигался тяжеловато, будто ещё не привык к весу доспеха, и взгляд его был нарочито хозяйским — он играл роль, и играл старательно, как новичок, которому выдали форму старшего. Второй — тощий, с посохом в руке, и глаза его бегали, цепкие, как у ящерицы; он смотрел на Аннику, точнее — на посох за её спиной, и улыбка его была слишком широкой, будто репетированной перед зеркалом. Пальцы его сжимали посох с наверху в виде волчьей головы, но хватка была неуверенной — он то сжимал, то ослаблял, боялся уронить.

Корд остановился. Пальцы легли на рукоять рапиры.

Тощий шагнул вперёд, и голос его, скользкий, как масло, разрезал вечернюю тишину:

— Стоять. Выходит, нубы сами хатку нашли?

— Мы не нубы, — ответил Корд, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И хатка наша.

— Ваша? — усмехнулся коренастый, и щит его глухо звякнул, когда он перехватил его удобнее, но в движении чувствовалась неловкость — плечо напряглось слишком

сильно, будто щит был ему в тягость. — Дак вы ваще в курсе, что посох с характеристиками — редкость? Шкуры — деньга, это да. Десять бобровых шкур — уже хороший заработок. А это... — он кивнул на посох Анники, — это вещь. На высоких уровнях такие — на вес золота. А вы, нубы, даже не знаете, что держите.

— Отдайте посох, отроки, — добавил тощий, и пальцы его снова сжали посох, слишком крепко, неестественно, будто он боялся, что оружие выскользнет. — И живы будете. Мы ж не звери. Подумаешь, убили пару бобров... Мы и сами бы их убили, да вы опередили.

— «Волки» не трогают слабаков без причины, — хмыкнул воин, но в голосе его проскользнула фальшь — он повторял заученную фразу, и получилось неубедительно. — Но если наглеют... мы ж не звери, да? Мы просто заберём своё. Ты, парень, — он ткнул пальцем в Корда, — не умничай. Отдайте посох — и разойдёмся миром. По-хорошему.

Он сделал шаг вперёд, и рука его легла на рукоять меча у пояса. Корд заметил, как пальцы воина дрогнули, когда он коснулся оружия, — неуверенно, будто он не привык хватывать его в бою.

— Мы не отдадим, — сказал Корд, и голос его стал жёстким, как лезвие. — Посох наш. Мы его добыли.

Тощий маг усмехнулся, покачал головой, и глаза его, цепкие, ящериные, сузились.

— Нубы, дак вы ваще не вразумляете, кто перед вами?

Мы — «Серые волки». Гильдия Перелесья. Каждый второй в городе носит наш знак. Вы трое против города. Отдайте — и разойдёмся миром.

Он шагнул к Аннике, протянул руку, чтобы вырвать посох из-за её спины. Пальцы его, длинные, костлявые, почти коснулись древка. Корд видел, как они дрожат — мелко, нервно, — и понял: этот маг не привык к настоящей драке. Он только играл роль.

И в этот момент Ушастик открыл глаза.

Крошечное тело метнулось с плеча Анники, с рыком, который был слишком громким для такого маленького зверька; он вцепился зубами в палец тощего мага — впился, повис, зарычал, разбрызгивая искры, и глаза его горели золотом, яростным, почти безумным.

Маг взвыл.

— Тварь! — заорал он, дёргая рукой, пытаясь стряхнуть зверька. — Отцепись, мелкая пакость!

Ушастик не отпускал. Он висел на пальце, рычал, бил хвостом, и искры сыпались с его шерсти, поджигая рукав плаща мага. Тот выхватил кинжал из-за пояса — быстрым, резким движением, — и ударил. Прямо в бок.

Ушастик взвизгнул — коротко, отрывисто, пронзительно, — разжал зубы, упал на землю. Дёрнулся. Затих.

Маг отшвырнул его ногой, как мешающий мусор, и зверёк, маленький, лёгкий, отлетел к обочине, ударился о камень и остался лежать неподвижно, с раскрытыми глазами,

в которых уже не было золота.

— Тварь... мелкая тварь... — прошипел маг, глядя на прокушенный палец, с которого капала кровь. — Воскреснет ведь. Всего-то зверушка.

Мир для Корда схлопнулся.

Он смотрел на тельце Ушастика, на неподвижные лапы, на шерсть, которая ещё дымилась искрами, и где-то в груди, под рёбрами, что-то оборвалось — с хрустом, с болью, с ледяным холодом, который разлился по венам. Позвонки свело. Пальцы сжались так, что хрустнули костяшки. Во рту стало сухо — как от пепла, как от горечи.

Он не слышал, как Анника ахнула. Не слышал, как Огневик выругался.

Он видел только одно: маленькое тело на земле.

И рванул вперёд.

Рапира вылетела из ножен — и Корд пошёл на воина. Без крика, без предупреждения. Просто — движение, рывок, удар.

Воин поднял щит, принимая атаку, но в движении его чувствовалась заминка — он слишком поздно среагировал, будто не ждал, что нубы посмеют напасть первыми. Рапира скользнула по металлу, высекая искры, и Корд откатился в сторону, уходя от контратаки.

Огневик тоже не ждал. Он видел, как упал Ушастик, как Корд рванул вперёд, и вскинул руку — ладонь вспыхнула огнём. Первый шар вырвался из неё, ударил в тощего мага. Тот

не ожидал — только что отшвырнул зверька, не успел восстановить равновесие, и шар попал ему в грудь, отбросил к дереву. Маг врезался в ствол, охнул, но встал — шатаясь, сжигая ману на защитное заклинание.

Второй шар. Третий.

Огневик видел интерфейс. Знал, как уходит мана, отслеживал каждую единицу — привычка, выработанная за месяцы игры. Ресурс таял, но он не останавливался. Четвёртый шар ударил в мага, когда тот пытался кастовать Воздух — вихрь, который должен был отбросить Огневика. Маг потерял концентрацию, заклинание рассеялось, не родившись.

Пятый шар. Шестой.

Мана кончилась. Огневик чувствовал, как в груди защищало, как что-то тёплое разливается под рёбрами — здоровье уходило, он видел это по интерфейсу, но не прекратил.

Седьмой шар.

Тощий маг рухнул на колени. Он ещё пытался подняться, но Огневик уже не ждал. Он перехватил кувалду поудобнее, размахнулся — и ударил.

Маг затих.

Огневик стоял над ним, тяжело дыша, сжимая кувалду, и в глазах его был страх — он только что убил человека. Он смотрел на свои руки, которые дрожали, и не мог понять, что чувствует.

Корд не видел этого. Он видел только воина.

Коренастый, с щитом, отступал, уходя от атак — Корд

бил, бил, бил, не замечая, как рапира скользит по щиту, как он сам пропускает удар — меч воина полоснул его по плечу, оставляя кровавую полосу. Корд не почувствовал боли. Он чувствовал только холод.

Второй удар. В грудь. Он отшатнулся, но не упал. Поднялся. Пошёл снова.

Воин понял, что проигрывает, когда увидел, как Корд уходит в сторону, обходит щит — резко, ловко, — и рапира находит щель между пластинами доспеха. Входит под мышку. Раз. Второй. И добивает.

Тело рухнуло на землю, лицом вниз, даже не вскрикнув. Корд стоял над ним, сжимая окровавленную рапиру. В ушах звенело. Дыхание было рваным, хриплым, и он не мог остановиться, не мог успокоиться.

Он смотрел на поверженного воина и не понимал, почему тот так легко упал. Всего несколько ударов. Всего несколько. Такой бой мог бы выдержать и он сам, если бы был готов.

Анника уже вскинула руки. Белый свет вырвался из пальцев — не удар, а поток, мягкий, текучий, — коснулся Корда, затягивая рану на плече, успокаивая боль; коснулся Огневика, поднимая ему здоровье, которое он сжёг на заклинания.

Тишина.

Корд опустил рапиру. Медленно, словно каждое движение стоило ему сил, повернулся и пошёл к обочине.

Ушастик лежал неподвижно. Глаза его были открыты, пустые, и шерсть уже не дымилась.

Корд опустился на колени. Протянул руку, коснулся маленького тела. Шерсть была холодной.

— Его аура... — тихо сказала Анника, подходя и опускаясь рядом. Она видела то, чего не видели другие: золотой свет, который всегда окружал Ушастика, гас. Рассеивался. Исчезал. — Он ушёл. Но восстановление займёт сутки. Через сутки он вернётся.

— Через сутки, — повторил Корд, и голос его был глухим, как из-под земли. Он смотрел на Ушастика и не мог поверить. — Через сутки...

Огневик подошёл, остановился рядом, переступая с ноги на ногу.

— Мы отомстили, — сказал он, и голос его дрожал. — Мы их убили. Обоих.

— Они воскреснут, — холодно ответила Анника. — Как и все.

Корд поднял голову. В глазах его не было слёз. Только холод и что-то жёсткое, что появилось в нём за последние минуты.

— И мы воскреснем, — сказал он. — Но Ушастик не виноват. Мы должны были защитить его.

Он бережно поднял тельце зверька, положил его во внутренний карман куртки, застегнул. Сердце его колотилось где-то в горле, но он не плакал. Он не мог.

— В город, — сказал он. — Надо понять, что нам грозит. Они вошли в Перелесье, когда на площади уже зажигали

фонари. Тёплый жёлтый свет разливался по мощёной улице, где-то играла музыка, кто-то смеялся, звенели кружки — мирная жизнь текла своим чередом. Никто не смотрел на них. Никто не знал, что у ворот, в темноте, только что погибло маленькое существо.

Корд шагал вперёд, сжимая в кармане холодное тельце Ушастика, и думал о том, как вернёт его. Как сделает так, чтобы это не повторилось.

Письма пришли одновременно — уведомления щёлкнули в интерфейсе, и каждый из них получил своё.

Корд открыл:

«Гильдия «Серые волки» объявляет вас вне закона на территории Перелесья и прилегающих лесов.

Любой член гильдии имеет право атаковать вас без системного штрафа.

Ваши головы оценены в 10 золотых за каждую.

Берегитесь, нубы.»

Он прочитал дважды. Сжал кулак, не обращая внимания на хруст бумаги в руке.

— Десять золотых за голову, — прочитал Огневик, и голос его дрогнул. — Ну, могло быть и больше.

— Это не смешно, — сказала Анника, убирая письмо в инвентарь. — Они не шутят. Мы — изгои. Нам нужен план.

Место, где можно обсудить это. Таверна — безопасная зона. Там нас не тронут.

Они зашли в первую попавшуюся таверну — «Усталый путник», — сели за угловой столик, подальше от окон. Заказали еду, но никто не ел. Огневик ковырял вилкой мясо, Анника смотрела в кружку с водой, Корд сидел неподвижно, сжимая в кармане карман, в котором лежал Ушастик.

Через несколько минут к их столику подошёл незнакомец.

Высокий, в тёмном плаще с серебряной волчьей головой на плече, двигался он плавно, уверенно, как хищник, который знает, что его боятся. Подошёл — остановился в шаге от стола, смотрел на них сверху вниз. У него были тёмные глаза, почти чёрные, и улыбка его была холодной.

— Ведаете ли, отроки, что вы только что натворили? — спросил он, и голос его был тягучим, как патока, но в нём звенел холод. — Убили двоих наших. Новеньких. Зелёных, как трава в мае. Они только класс сменили, ещё и навыков толком не освоили. А вы их — в грязь лицом. В грязь. Нашу гильдию — в грязь.

Он говорил медленно, с расстановкой, и каждое слово его падало на стол, как камень, тяжёлое, холодное.

— Мы не знали, — сказал Корд, и голос его стал жёстким. — Они напали первыми. Убили нашего питомца.

— Питомца? — усмехнулся маг, и усмешка его была холодной, как сталь. — Всего-то зверушка. Воскреснет. А вы убили двоих людей. Живых людей. Да, они воскреснут, но

они только начали играть за новые классы. Им нужен был опыт, репутация. А вы их убили. На глазах у всех, кто мог видеть. Вы опозорили нашу гильдию.

— Мы защищались, — сказала Анника, и голос её был ровным, но Корд видел, как побелели костяшки её пальцев.

— Система не разбирает «защищались», отроки. Есть факт. Вы убили наших новичков. Наш чёрный список — это не просто угрозы. Это закон на территории Перелесья. Никто не примет вас. Никто не продаст вам снаряжение. Никто не даст квесты. Вы — изгои.

Маг наклонился ближе, понизил голос:

— Но дело не в том, что вы убили. Дело в том, кого вы убили. Новеньких. Зелёных. Теперь вся гильдия знает, что какие-то нубы расправились с нашими рекрутами. Нам нужно восстановить лицо. Публично. И вы для этого — идеальная цель.

Он выпрямился.

— Как только вы выйдете за порог таверны — начнётся охота. И вы не доживёте до утра. Потому что теперь это не месть. Это вопрос чести.

Он развернулся, не оглядываясь, и пошёл к дальнему столу, где его уже ждала кружка пива. Он сел, поднял кружку, отпил — как будто ничего не произошло.

Тишина.

Корд сидел неподвижно, глядя перед собой пустым взглядом. На столе остывала еда. Огневик смотрел в кружку, не

поднимая головы. Анника перебирала пальцами край ска-
терти.

— Мы загнаны в угол, — сказала Анника, и голос её был
холодным и тихим. — Без ресурсов, без союзников, с чёрной
меткой.

— Но мы можем уйти, — сказал Корд. — Из города. В
лес. Или в другие земли.

— Через портал? — усмехнулась Анника. — Портал в
другие земли — в центре площади. И он охраняется «волка-
ми». Нас не пропустят.

Корд замолчал.

И в этот момент к их столику подошла женщина.

Пожилая, в засаленном переднике, руки в муке, лицо доб-
рое, морщинистое. В руках у неё была тарелка с ещё тёплой
сладкой булочкой, посыпанной сахаром. Она поставила тар-
елку на стол, оглядела их — и вдруг нахмурилась.

— А где же Ушастик? — спросила она, и голос её был
мягким, материнским. — Я сегодня пекла, думала, он при-
дёт. Он всегда приходит на булочки. Где он, милые?

Корд поднял голову. Посмотрел на булочку. На тёплый
пар, поднимающийся от неё.

— Его убили, — сказал он, и голос его дрогнул. — Сего-
дня. У ворот. Волки.

Кухарка ахнула. Прижала руки к груди.

— Ой, батюшки... — прошептала она. — Как же так?
Ушастик — хороший зверёк. Всегда к кухне приходил, я ему

булочки давала, он чихал, искры разбрасывал... И за что ж его? За что?

Она вытерла руки о передник — жест повторяющийся, привычный, — и с тревогой посмотрела на них.

— А вы чего такие кислые? Тоже, поди, волки обидели? Я видела, они сегодня в городе шумят. Кого-то ищут. Вас, что ли?

— Нас, — ответил Огневик глухо. — Мы их убили, а они нас в чёрный список занесли. Теперь мы в осаде. Не можем выйти из таверны.

Кухарка охала. Оглянулась по сторонам, наклонилась к ним и заговорила шёпотом, заговорщицки:

— Так я ж знаю ход. Из погреба. Там под таверной — катакомбы. Старые, глубокие. Трактирщик один зал себе под склад переделал, отгородил дверью. Я туда хожу за мукой и крупами. Дверь тяжёлая, но я ключ знаю.

Она смотрела на них с надеждой.

— Вы через погреб уйдёте. Там ни волки, ни кто другой не найдёт. А дальше... дальше сами решайте. Но ночевать в таверне нельзя — придут за вами, рано или поздно. Мне Ушастика жалко. И вас жалко. Молодые вы ещё.

Корд поднялся.

— Покажи.

Кухарка вела их через кухню — мимо котлов, разделочных столов, штабелей дров, где пахло жареным мясом и хлебом. В углу, за мешком с мукой, был люк. Она подняла его, и

оттуда пахнуло холодом, сыростью, запахом плесени и мокрого камня.

— Там лестница, — сказала она, показывая вниз, в темноту. — В конце — дверь. Откроете ключом.

Корд взял фонарь, который она протянула. Спустился первым.

Ступени скрипели под ногами, и где-то внизу капала вода — мерно, бесконечно. Свет из кухни гас, когда дверь над ними захлопнулась. Тишина. Только капли, только шорох его собственного дыхания.

Анника спустилась следом, Огневик замыкал. Они стояли в тесном коридоре, и стены были из грубого камня, покрытого слизью.

Корд поднял фонарь. Свет вырвал из темноты дверь — массивную, железную, с тяжёлым замком.

Он вставил ключ. Провернул.

Замок щёлкнул — громко, как выстрел.

Дверь открылась. Внутри был зал, заставленный бочками и мешками, а в дальнем конце — узкий проход, уходящий в темноту.

Корд шагнул вперёд. Тень его, длинная, упала на каменную стену и распалась на две, будто за спиной у него было что-то ещё.

Он не обернулся.

Анника догнала его, коснулась плеча.

— Мы справимся, — сказала она тихо. — Мы всегда

справлялись.

Корд смотрел в темноту прохода. Там ничего не было — только камень, сырость и тишина, которая давила на уши.

— Знаю, — ответил он. — Но в этот раз я хочу, чтобы Ушастик был с нами. Когда он вернётся... мы будем уже далеко.

Он сделал ещё один шаг. Второй. И скрылся в темноте.

Огневик оглянулся на дверь, потом на проход. Покачал головой:

— Ладно. Идём. Но если мы там встретим что-то страшное — я буду жаловаться. Громко и долго.

Из темноты донёсся короткий смешок Корда — невесёлый, но живой.

Дверь за ними захлопнулась. Свет из кухни погас окончательно. Впереди было только темнота, влажный камень и тишина.

Корд не знал, что ждёт их впереди. Не представлял, сколько продлится этот путь. Но когда его пальцы коснулись кармана, в котором лежало холодное тело Ушастика, он сжал челюсти и пошёл дальше.

Они выйдут. Они вернутся. И Ушастик снова будет чихать искрами на его плече.

А пока — только темнота, только шаги, и звук капель, падающих с потолка, как тиканье часов, которые отсчитывают время до его возвращения.

Глава 15

ГЛАВА 15. «КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ»

Подземные переходы встретили их сыростью и густой, почти осязаемой тьмой. Свет факелов остался где-то там, наверху, за железной дверью, которую трактирщик запер на три засова, и теперь вокруг была только чернота, давящая на глаза, заставляющая вслушиваться в каждый шорох, в каждый вздох, в тихое посапывание Ушастика, который спал на плече Корда, свернувшись калачиком.

— Тьма, — сказал Огневик, и голос его прозвучал глухо, будто из-под воды. — Я не вижу даже своих рук.

— Света нет, — ответила Анника. — И магия здесь плохо работает. Что-то давит.

Корд провёл рукой по стене. Камень был холодным, влажным, покрытым склизким налётом. Пахло сыростью и гнилью, и где-то вдалеке, в глубине, слышалось мерное капанье воды — как часы, отсчитывающие время до их гибели.

— Надо что-то делать, — сказал он. — Мы не пройдем так.

Огневик завозился в темноте. Корд услышал, как рвётся ткань, как пальцы шарят по сумке, как звякает стекло.

— Мой плащ, — пробормотал Огневик, и в голосе его слышалась боль. — Старый, но я его любил. Хотел починить, да всё руки не доходили... И денег жалко было. А теперь —

на тряпки.

— Ты что делаешь? — спросила Анника.

— Свет. Факелы. — Огневик тяжело вздохнул. — Впервые в жизни так бездарно перевозжу алхимические ингредиенты. Масло, которое я копил для машины... на тряпки. На факелы. Тьфу.

Послышалось хлюпанье, затем скрежет кремня, и — через секунду — вспыхнул тусклый, подрагивающий свет. Факел горел плохо, обильно коптил, пуская вверх густую черную струю дыма. Но света было достаточно, чтобы увидеть коридор: низкий, узкий, со стенами, покрытыми зеленоватым мхом, с полом, усеянным мелкими камнями и костями.

— Хорошо, — сказал Корд, беря второй факел. — Идём.

Дым стелился низко, утягиваясь в глубину коридора, как будто кто-то тянул его за собой, в темноту. Огневик заметил это первым — остановился, наклонил голову, наблюдая, как черная струя уходит вперёд, исчезая в проёме.

— Смотрите, — сказал он. — Дым тянет вниз. Туда, где есть выход. Или где воздух движется.

— И что? — Корд поднял факел, всматриваясь в темноту.

— А то, — Огневик усмехнулся — невесело, но с искоркой в голосе, — что мы должны идти против сквозняка. Там, откуда дует воздух, — выход. Или проветривание. А это — путь.

— Как ты понял?

— Дым всегда идёт туда, где есть движение. Если бы вы-

ход был за нами — дым шёл бы назад, вверх. А он идёт вперёд, вниз. Значит, там — либо выход на поверхность, либо большая полость.

Корд кивнул. Повернулся, поднял факел, и они пошли вперёд — в ту сторону, откуда тянуло холодным, влажным воздухом.

Шли долго. Коридор изгибался, уходил вниз, становился то шире, то уже. Факелы горели тускло, дым ел глаза, и Корд чувствовал, как сажа оседает на лице, на руках, как воздух становится тяжелым, как копоть оседает в лёгких.

И тогда из темноты выпрыгнула крыса.

Корд не успел даже вскрикнуть. Тварь — серая, тощая, с длинным голым хвостом — вцепилась ему в руку, и зубы её вонзились в плоть, оставляя глубокую, болезненную рану. Корд дернулся, сбил её ударом щита, и крыса, пискнув, исчезла в щели в стене.

— Твою ж... — выдохнул он, прижимая руку к груди. — Откуда они?

— Везде, — ответила Анника, уже поднимая руку для заклипания. — Я чувствую их. Их много.

Они появились из щелей, из теней, из нор в полу. Маленькие, серые, быстрые — они выпрыгивали из темноты, кусали, исчезали, и в следующий миг уже атаковали с другой стороны. Урона они наносили мало, но укусы были болезненными, и кровь сочилась из ран, пропитывая одежду.

— Да чтоб вас! — Корд отбил от очередной крысы, ру-

банул рапирой, но та уже исчезла, и клинок встретил только пустоту. — Стоят, гады! Никакого толку!

И в этот момент перед глазами всплыла панель. Золотистая, мерцающая.

Поздравляем! Получен новый навык:

«Боевое предвиденье» (уровень 1)

Эффект: визуализация силуэтов атакующих и вектора движения за 0.1 секунды до атаки.

Корд моргнул. И тут же увидел — на мгновение, на долю секунды, — как из щели справа вылетает серая тень, как она летит к его ноге, как тянет зубы к икре.

Он увидел. Понял.

Но не успел.

Зубы вонзились в ногу, и Корд взвыл от боли и злости. Он пнул тварь, та отлетела, ударилась о стену и исчезла в темноте. А он стоял, сжимая рапиру, чувствуя, как в груди закипает глухое, почти бешеное раздражение.

— Бесплезный навык! — крикнул он в темноту. — Я вижу их за десятую долю секунды! Как я должен на это реагировать?!

— Корд! — крикнула Анника, отбиваясь от крысы, повисшей на её плаще. — Помоги!

Он рванул к ней, рубанул рапирой — и снова промахнулся. Крыса отскочила, исчезла, и только звонкий писк из тем-

ноты напоминал о том, что она была здесь.

— Я их вижу! — крикнул Корд, рубанул ещё раз — и снова в пустоту. — Я вижу, как они прыгают! Но я не успеваю! Они слишком быстрые!

— Успокойся! — Огневик стоял рядом с кувалдой, и каждая его атака заканчивалась глухим ударом по камню. — Они слабые. Мы справимся. Просто будь внимательнее!

— Внимательнее?! Я вижу их за десятую долю секунды! Это невозможно!

Он снова отбилась от крысы — на этот раз успел, щит встретил тварь, и та отлетела, ударилась о стену и затихла. Корд стоял, тяжело дыша, сжимая рапиру, чувствуя, как кровь сочится из ран на руках и ногах.

— Разработчики, — выдохнул он, глядя в потолок. — Гениальные разработчики. Дают навык, который невозможно использовать. Просто... гениально.

— Корд! — Анника шагнула к нему, накладывая лечение. — Тише. Я сейчас.

Они шли вперёд, отбиваясь от крыс, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Корд видел атаки — золотистые силуэты, подсвеченные системой, — но его тело не успевало за его глазами. И это бесило.

— Бесполезно, — повторил он, отбивая очередную тварь. — Абсолютно бесполезно.

— Не жалуйся, — сказал Огневик, тяжело дыша. — Лучше помоги.

— Я помогаю! Но я не успеваю!

— Тогда просто бей наугад!

Корд хотел ответить, но осекся. Из темноты, из-за поворота, вышла она. Крупнее остальных, с шерстью, блестящей в свете факелов, с глазами, горевшими тусклым зеленым. Она двигалась бесшумно, как тень, и в её взгляде было что-то умное, почти разумное.

Альфа-крыса. Уровень 8. Опасность: высокая.

Способности: элементаль тени (скрытность, укусы с ослаблением и кровотечением).

Корд поднял щит, готовясь к атаке. Но Альфа не напала. Она исчезла в темноте, и только зелёный отблеск остался на стене, тая, как дым.

— Она прячется, — прошептала Анника. — Я не вижу её.

— Я тоже, — Корд сжал рапиру, всматриваясь в темноту.
— Она ждёт.

Укус пришёл слева. Крыса — не Альфа, простая — вцепилась в плечо Корда, и он взвыл, сбивая её. Следом — ещё одна, и ещё, и ещё. Три, пять, семь — они вылетали из щелей, из нор, из темноты, и с каждым укусом Корд чувствовал, как слабеет, как ноги становятся ватными.

— Она управляет ими! — крикнула Анника. — Она не атакует сама! Она использует стаю!

Корд рубанул, отбиваясь, но крысы не отступали. И в этом хаосе, в этом бесконечном потоке серых тел, он понял: они

не смогут убить всех. Их слишком много. Альфа будет присылать новых, пока они не упадут.

— Надо найти её! — крикнул он, отбиваясь от очередной твари. — Надо убить Альфу!

Анника стояла за его спиной, внимательно глядя в темноту. Она не атаковала, не лечила — она наблюдала. Крысы нападали в основном на Корда и Огневика, оставляя её в покое, и она использовала это.

Она смотрела на тени, на отблески света на стенах, на щели в полу и в потолке. И постепенно, атака за атакой, она начала замечать закономерность.

Альфа никогда не атаковала с открытого места. Всегда рядом с преградой — стеной, углом, колонной. Всегда там, где свет факела отбрасывал тень. Всегда рядом с лазейкой, с норой, с трещиной — с местом, куда можно уйти, если что-то пойдёт не так.

— Я вижу её, — прошептала Анника, и в голосе её зазвенела сталь. — Я знаю, где она прячется.

Она подняла руку. Белый свет вырвался из ладони — и ударил в стену, в то место, где тень казалась чуть гуще, чуть темнее.

Альфа взвизгнула. Вылетела из укрытия, ослеплённая, дезориентированная — и Корд рванул к ней. Рапира вошла в бок твари, и та рухнула, забилась на камнях, извиваясь, и затихла.

Убита Альфа-крыса. +30 опыта.

Добыча: шкура, зуб, коготь.

Корд перевёл дыхание, вытер пот со лба. Анника стояла над телом, глядя на него с лёгкой улыбкой.

— Я видела, как она двигалась, — сказала она. — Она всегда выбирала места с тенью и с выходом.

— Ты... — Корд запнулся. — Ты заметила это?

— Я следила. И она попалась.

Перед глазами Анники всплыла панель. Золотистая, мерцающая.

Поздравляем! Получен новый навык:

«Иллюзия» (уровень 1).

Ветка магии разума открыта.

Эффект: создание неподвижной копии объекта.

Она прочитала и кивнула.

— Пригодится, — сказала она. — Идём.

Они двинулись дальше. Крысы атаковали, но теперь, без Альфы, они были просто тупыми, слабыми тварями. Корд отбивался, иногда успевая использовать «Боевое предвиденье» — не всегда, но хотя бы иногда.

— Ты всё ещё злишься на навык? — спросил Огневик, шагая рядом. — Или уже привык?

— Привык, — ответил Корд, отбивая крысу. — Я привык,

что он бесполезен.

— Он не бесполезен, — сказала Анника. — Он просто требует прокачки. Поднимешь уровень — и окно станет больше. Ты сможешь реагировать.

Корд хмыкнул.

— Может быть. Но сейчас он меня бесит.

— Навыки не всегда дают мгновенное преимущество, — заметил Огневик. — Им нужно учиться. Как с машиной — сначала она не работает, потом начинает, и только потом даёт результат.

Он вытащил из кармана что-то маленькое, металлическое. Поднёс к свету факела. Это был паук — крошечный, с восемью лапками, с блестящим кристаллом в центре брюшка. Механический. Сложенный из десятков мелких деталей.

— Это мой проект, — сказал Огневик, и голос его стал мягче, почти нежным. — Рано или поздно я сделаю из него универсального боевого бота. Но пока...

Он вздохнул.

— Я не могу его запустить. Мана течёт от кристалла к механизмам, но я не понимаю, как сделать так, чтобы она распределялась правильно. Мастера в городе знают это, но они учат только своих подмастерьев. А я не хочу... я не хочу быть чьим-то учеником.

— Почему? — спросила Анника.

— Потому что это ограничивает свободу, — ответил Огневик. — Обязательная работа в мастерской. Заказы, кото-

рые нужно делать тогда, когда надо, а не когда хочется. Я не хочу этого. Я хочу быть свободным.

Корд посмотрел на него. На его грязное лицо, на руки, покрытые сажей, на его глаза, в которых горел огонь — не магии, а упрямства. И понял: этот парень не сдастся. Даже если не сможет запустить своего паука, он будет пытаться снова и снова.

— Ты найдёшь способ, — сказал Корд. — У тебя получится.

Огневик улыбнулся — невесело, но с надеждой.

— Может быть. Если мы выберемся отсюда.

Они шли вперёд, отбиваясь от крыс, и постепенно, шаг за шагом, коридор стал расширяться. Стены стали выше, потолок ушёл вверх, и воздух стал свежее, прохладнее.

— Похоже, мы приближаемся к выходу, — сказала Анника.

— Или к чему-то ещё, — ответил Огневик.

И в этот момент перед глазами всех троих всплыла панель. Красная, пульсирующая, тревожная.

Внимание! Истребление крыс в подземелье вызвало гнев Крысиного короля. Босс локации активирован. Рекомендуется покинуть зону.

— О нет, — выдохнул Огневик. — Только не это.

— Бежим! — Корд схватил его за плечо, рванул вперёд. — Анника, за мной!

Они бросились по коридору, оставляя факелы позади.

Сзади, в темноте, послышался треск — стена ломалась, камни падали, и сквозь грохот пробивался низкий, яростный рёв.

Корд оглянулся на бегу. Из пролома, втискиваясь в узкий коридор, лезло чудовище. Три крысы, сросшиеся хвостами, каждая размером вдвое больше собаки. Глаза их горели красным, зубы лязгали, когти высекали искры из камня.

— Быстрее! — крикнула Анника. — Он не пролезет в узкие места!

Они бежали, не разбирая дороги. Коридор вилял, сужался, расширялся, и каждый раз, когда он становился шире, чудовище нагоняло, и когти скрежетали по камню в паре шагов от них.

— Сворачивай! — Корд толкнул Огневика в боковой проход.

Тот влетел в него, ударился плечом о стену, но удержался на ногах. Анника проскочила следом. Корд — последним, и в тот же миг чудовище врезалось в стену прохода, не сумев втиснуться в узкий лаз.

Рёв разнёсся по коридору. Когти скребли по камню, пытаюсь пробиться, но проход был слишком узким. Чудовище билось о стену, ломало камни, но не могло продвинуться дальше.

— Бежим, — выдохнул Корд. — Пока оно не проломило стену.

Они побежали дальше, слыша за спиной грохот и рёв. Но

через несколько поворотов звук стих, и только удаляющийся топот напоминал о том, что монстр был рядом.

Коридор расширился в небольшой зал. Каменный пол, низкий потолок, сырые стены. Никаких щелей, никаких нор. Только тишина, которая давила на уши.

— Кажется, оторвались, — сказал Огневик, прислоняясь к стене.

— Не расслабляйся, — ответил Корд, но сам почувствовал, как ноги подкашиваются.

Он опустился на корточки, опираясь на щит. Анника села рядом, прислонившись спиной к камню. Ушастик, проснувшийся от шума, завопил на плече Корда, чихнул и снова прижался к его шее.

— Передохнём, — сказал Корд. — Минуту. Нам нужно... Он не договорил.

Пол под ними провалился.

Корд почувствовал, как камень уходит из-под ног, как тело падает в пустоту, как воздух свистит в ушах. Мельком увидел, как Анника пытается ухватиться за край пролома, как Огневик летит рядом, раскинув руки.

А потом — вода.

Ледяная, бурная, она ударила в грудь, сбила дыхание, потащила вниз, в темноту. Корд попытался выплыть, но течение было слишком сильным, слишком быстрым. Он увидел мельком Аннику — она боролась с потоком в узком канале, пытаясь ухватиться за скользкие камни, — и Огневика, ко-

торого утаскивало в скальную трубу, в узкий проход, где вода ревела и билась о стены.

Корд попытался дотянуться до него, но пальцы встретили только воду.

Голова ударилась о камень. Боли не было — только яркая, ослепительная вспышка, а потом темнота, которая стала тягучей, как мёд, и утянула его вниз, в глубину.

Глава 16

ГЛАВА 16. ОГНЕВИК

Вода не давала дышать.

С самого начала Огневик знал это — ещё когда поток швырнул его в каменный рукав, подхватил и потащил, словно щепку, переворачивая, скручивая, бросая о стены. Воздух оставался только наверху — тонкая прослойка, едва в ладонь толщиной, — а он оказывался снизу, и лёгкие горели, и сердце колотилось где-то в горле, и каждый раз, когда удавалось вынырнуть, вода заливала рот, нос, уши, забивалась в лёгкие. Кашель вырывался кровавым хрипом, и он снова шёл ко дну, цепляясь за камни, сдирая пальцы.

Боль была рваной. Спина — о выступ, плечо — о стену, колено — о каменный край, лицо — о что-то острое, режущее. Где верх, где низ, где вода кончается, а где начинается камень — он не понимал. Только удары, глухие и мокрые, только холод, пронизывающий до костей, только тошнотворное чувство, что он тонет, захлёбывается, пропадает, и никто не знает, где он, и никто не придёт, и он останется здесь, в этой каменной кишке, навсегда. Даже воскрешение не поможет — просто исчезнет, сгинет, как не бывало.

Сгруппироваться не вышло — поток швырнул его о свод, и мир взорвался красным, в голове зазвенело, и счёт ударам потерялся. Сколько прошло? Минута? Час? Время исчезло,

осталась только боль и отчаянная, животная борьба за каждый глоток воздуха, за каждую секунду, когда лицо оказывалось над водой, — хватал ртом, давился, кашлял и снова уходил под воду.

А потом — выдох.

Не его выдох — выдох воды. Пещера распахнулась, поток выплюнул его, швырнул о камни, перевернул. Голова ударилась, мир взорвался белым, а следом — темнота, и он лежал на четвереньках, кашляя, выплёвывая воду, хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Кашель не кончался. Вода выходила из него, и казалось, что она никогда не иссякнет, что он просто мешок с водой, и вся эта вода сейчас выльется, и он останется пустым, как старая бочка. В груди хрипело, в ушах звенело, лицо горело. Пальцы коснулись щеки — стали липкими, тёплыми, пахнущими железом. Кровь. Провёл по носу — тот был разбит, из него тоже текла кровь, смешиваясь со слюной и водой, и он вытер лицо рукавом, и рукав стал мокрым и алым.

Сколько прошло — минуты, часы? Вода текла куда-то вниз, в темноту, а он сидел на четвереньках и дышал, просто дышал, потому что это — это было главное. Каждое движение отдавалось болью — в плече, в колене, в рёбрах. Перекатился на спину, лёг на холодный мокрый камень, смотрел вверх, в высокий свод. Звёзд не видно — только зелёное, тусклое свечение.

— Так, — выдохнул он. Голос хриплый, чужой, как будто

не его. — Так. Я... я жив. Я жив. Это хорошо.

Полежал ещё немного, давая телу успокоиться. Вода в ушах шумела, под рёбрами гудело ровно, как мотор на холостых. Закрыв глаза, просто дышал — влажный, холодный воздух, пахнувший гнилью и мокрым мхом. Запах густой, почти осязаемый, он втягивал его ноздрями, и постепенно дрожь в руках унималась.

Голова поднялась.

Вокруг — темно. Не черно — тёмно-зелёное, мягкое свечение шло от стен, от мха, который покрывал камни от пола до потолка. Мох светился. Тускло, как гнилушки, как гниющие светлячки, но света хватало, чтобы разглядеть своды — высокие, неровные, уходящие куда-то вверх, в невидимую высь. Пещера огромная. Края не видно — только зелёное сияние, каменные сталактиты, свисающие с потолка, и воздух, холодный, влажный, пахнувший гнилью и водой, и ещё чем-то — металлическим, едва уловимым, как после долгой работы в кузнице.

Встать — ноги дрожат. Колено саднит — взглянул на него, штанина разорвана, под ней — багровый кровоподтёк, пульсирующий при каждом движении. Рука опёрлась о камень — шершавый, мокрый, прохладный, — и он поднялся, шатаясь, как пьяный.

— Корд, — прошептал он. — Анника. Мне надо... надо им написать.

Интерфейс открылся, письмо: «Я жив. Меня унесло во-

дой. Я не знаю, где я...» Пальцы дрожали, тыкали в символы, сбивались, стирали. «Пещера. Странная пещера. Я попытаюсь найти выход. Не волнуйтесь».

Отправить.

Система мигнула красным.

ВНИМАНИЕ: Капсула «Стандарт». Отправка писем возможна только при нахождении рядом с почтовым ящиком.

— Да ты издеваешься! — вырвалось у него. Голос разнёсся по пещере, ударился о стены, вернулся эхом, чужим, перевернутым, многоголосым. — Почтовый ящик! Сейчас! В пещере! Где я, блин, почтовый ящик найду?!

Интерфейс хлопнул, закрылся. Письмо не отправилось. Сообщение висело в очереди, белое, насмешливое. Внутри поднималась злость — на систему, на капсулу, на себя. Почему не купил нормальную? Почему сэкономил? Теперь они там, наверху, не знают, жив ли он, и он не может им сказать, что он здесь, что он дышит, что он всё ещё борется.

— Ладно, — сглатывая горечь, сказал он. — Ладно. Надо выбираться. Искать выход. И найти тот чёртов почтовый ящик.

Взгляд скользнул по стенам. Они уходили вдаль, терялись в тусклом свете мха. Пещера овальная — он стоял у одного края, второй тонул во тьме, и там, в глубине, что-то чернело: может, проход, может, тупик. Воздух двигался — слабое, почти незаметное движение откуда-то справа. Ветер. Едва

ощутимый, но он был. Значит, там есть выход.

Пошёл вдоль стены, хромая. Колено ныло, но терпимо, и он старался не наступать на него полностью, перенося вес на здоровую ногу. Камень под ногами неровный, скользкий от влаги, шёл медленно, держась рукой за стену. Пальцы чувствовали мох — мокрый, рыхлый, пахнувший сыростью и землёй, и ещё чем-то сладковатым, как гниющие фрукты. Шаги разносились по пещере, эхо перекатывалось от стены к стене, и где-то далеко капала вода — мерно, как часы.

Свет мха странный — не слепил, не давал теней, просто был, разливаясь ровным зелёным половодьем. Он шёл, смотрел на стену, на это свечение, на выпуклости камня, и вдруг пальцы нащупали что-то другое. Не мох. Не камень. Что-то острое, глубокое, как будто кто-то провёл по скале резцом — не один раз, а сотни, тысячи, создавая узор.

Остановился.

— Что за...

Мох отодрался легко, как старая кожа. Под ним — поверхность камня: серая, тёмная, исчерченная линиями. Не просто царапины. Символы. Узкие, глубокие, вырезанные рукой — не рукой, инструментом, твёрдым и острым, может, алмазом или закалённой сталью. Линии шли ровно, без дрожи, с геометрической точностью, которая говорила о годах тренировки.

Мох летел на пол, открывая новые и новые куски рисунка. Линии тянулись, ветвились, переплетались, образуя дуги и

прямые углы. Это не просто узор — часть чего-то большего. Часть круга.

Шаг назад, взгляд на стену — и в голове щёлкнуло. Пещера словно преобразилась: не тёмная и мшистая, а светлая, полная голосов, огней, движения — огромный зал, древний, тысячелетний, полный людей, которые что-то делали, что-то создавали, что-то записывали. Увидел их — мастеров, инженеров, мудрецов — склонившихся над стеной, вырезающих символы, передающих знания. От этого видения кожа на загривке стянулась, будто её тронули льдом, и волосы на затылке встали дыбом.

Круг. Не целый — только часть. Три сектора из восьми. Три фрагмента огромной схемы, которая когда-то охватывала всю стену, а может, и всю пещеру. Справа обвал разрушил часть рисунка, каменные глыбы лежали у подножия, сбивая ритм линий. Но то, что сохранилось, — потрясающе. В каждом секторе — символы. Знаки, нанесённые с невероятной тщательностью, и между ними — изображения: кристаллы, слитки, бутылки, листья, кости.

Пальцы узнали их.

Провёл по одному — маленький значок, похожий на перевёрнутую каплю с тремя чёрточками внутри. Видел его сотни раз. В интерфейсе. В списке ресурсов. Когда продавал добычу у гнома-торговца.

— Железная руда, — прошептал он, и голос дрогнул. — Этого не может быть. Это же... это же иконка. Это интер-

фейсная иконка.

Другой символ — похож на бутылку с маслом, округлый, с узким горлышком, внутри волнистые линии, как жидкость. Ресурс. Обычный ресурс. Знакомый. Сам продавал такие бутылки.

Третий — связка кож с неровными краями. Тоже ресурс. Взгляд скользнул по остальной стене — не видимой, но угадываемой. Там, за мхом, за обвалами, спрятаны ещё тысячи таких же символов. Круг, разделённый на сектора. Каждый сектор — на сотни маленьких частей. Каждая часть — ресурс. Руда. Масло. Кожа. Кости. Кристаллы. Травы. Всё, что есть в игре. Всё, что можно добыть.

— Это же... это же система, — выдохнул он. — Они знали. Те, кто построил это, они знали, что будет система. Они её предвидели. Или... или создали?

Мысли путались. Пальцы снова скользнули по символам, ощущая их глубину — они были не просто царапинами, врезаются на полсантиметра, как будто кто-то потратил годы, чтобы выбить их. Представить, сколько труда вложено, сколько времени, сколько мастерства — и сердце забилось быстрее, от восторга, от страха, от понимания, что он нашёл нечто невероятное.

— Надо зарисовать, — сказал он себе. — Всё надо зарисовать. Все символы. Я не знаю, что это, но это важно.

Интерфейс, заметки, пальцы летают по экрану, копируя линии, символы, их взаимное расположение. Зачем — не

знал. Просто чувствовал — надо. Обязательно надо. Потому что это... это могло быть что-то огромное. Что-то, чего никто не знал. Может, ключ к пониманию всей игры.

Рисовал. Сектор за сектором. Символ за символом. Сосредоточенно, быстро, не поднимая головы. Не слышал ни капель, ни собственного дыхания — только скрип пальцев по интерфейсу и шёпот в голове: «быстрее, быстрее, пока не стёрлось».

А потом — шелест.

Сначала не обратил внимания — эхо, вода, ветер. Но звук повторился. Ближе. Твёрже. Шелест камня о камень, как будто кто-то перебирал гальку. Огневик поднял голову и увидел его.

Существо выползло из трещины в стене, прямо там, где он только что чистил мох. Членистоногое, небольшое, но плотное, как булыжник, который кто-то обточил водой. Панцирь — серый, зернистый, как каменная крошка, с глубокими бороздами, будто его вырезали из гранита. Восемь ног, заканчивающихся острыми когтями, две клешни, мощные и кривые, челюсти перемалывали воздух, клацая, как старые тиски. Глаза — чёрные бусинки, без зрачков, смотрели холодным, бездумным голодом.

Название высветилось в интерфейсе:

Каменный клещ. Уровень 7.

— Ну привет, — сказал Огневик, и в голосе не было страха — только досада, смешанная с лёгким весельем. — Ты то-

же хочешь меня сожрать? Отлично. Просто отлично. Я только что утонул, выкашлял пол-озера, нашёл древнюю стену, а теперь ещё и ты.

Руки вскинулись. Огонь вспыхнул в ладонях — горячий, живой, пахнувший серой и гарью. Он любил этот запах. Огненный шар метнулся в клеща.

Шар ударил в панцирь, разлетелся искрами. Клещ дёрнулся, отшатнулся на полшага. Над головой всплыла цифра урона.

-45 (Огонь — преимущество).

Моргнул.

— Сорок пять? — переспросил он. — Я обычно снимаю по двадцать. Почему...

Не договорил. Клещ рванул вперёд, быстрее, чем можно было ожидать от каменной туши. Корпус ушёл в сторону, пропуская тварь мимо, разворот, и новый шар вырвался из ладони, снова в панцирь, и снова цифра выше обычного.

— Огонь, — понял он. — Он слаб к огню. Это я. Я — его слабость!

В груди разлилось, но не тепло — тягучая тяжесть, почти гордость. Он — слабость. Он, Огневик, механик-неудачник, которого игнорировали бандиты, — он может драться. Может побеждать. Третий шар метнулся в клеща, тот зашипел, покатился по камню, оставляя дымящийся след. Добил ударом молота — не магией, а железом, Громобоем, который врезался в панцирь. Тот треснул, клещ замер, дёрнув ногами.

Система мигнула:

Убит Каменный клещ. Получен опыт: +55. Трофеи: Каменный панцирь (x2).

Выдохнул. Улыбнулся. Ногой потрогал панцирь — твёрдый, тяжёлый. Пригодится. Надо забрать.

— Вот так, — сказал он. — Я — крутой. Я...

Не договорил.

Из трещины, той же самой, полезли ещё двое. Из соседней, которую не заметил, — ещё один. И ещё. И ещё. Насчитал пять, потом сбился, потому что они двигались, ползли, перебирая ногами, членистые конечности цокали по камню, челюсти клацали, глаза — чёрные бусинки — смотрели на него со всех сторон.

— Эй, — сказал он. — Эй. Полегче. Я один, а вас... вас много.

Они не ответили. Просто ползли, смыкая круг.

Шаг назад. Ещё шаг. Спиной — к стене. Прямо к той, где рисовал символы. Клещи двигались медленно, но неумолимо, их слишком много, чтобы драться стоя. Выносливость таяла — зелёная полоска в углу глаза уже опустилась до семидесяти процентов, и это только от бега, от уклонения, от каждого резкого движения.

— Ну и ладно, — сказал он, сжимая молот. — Я и не собирался с вами драться.

Разворот — и ноги понесли.

Бег рваный. Короткие перебежки — десять шагов, оста-

новка, огненный шар, снова бег. Долго бежать нельзя — выносливость тает на глазах, полоска укорачивается, каждый вдох отдаётся болью в груди. Мчался через залы, мимо сталактитов, перепрыгивал лужи, скользил на мокрых камнях, клещи ползли за ним, не отставая.

— Ну хватит за мной ползти, каменные кочки! — крикнул он, метнув шар в ближайшего. Шар ударил, клещ зашипел, но не остановился, только прибавил ходу. — Отстаньте уже! И правда — клещи! Ещё не вцепились, а уже фиг оторвёшь!

Бежал. Дышал тяжело, через рот, каждый вдох пах гарью и сыростью, кровь с лица заливала глаз, мир стал красным и расплывчатым. Споткнулся, упал на колено, перекатился, вскочил. Вокруг — клещи. Обступали, смыкали круг, и он понял — не выбежать.

И тогда увидел трутня.

Тот крупнее остальных — размером с доброго пса, панцирь не серый, а тёмно-коричневый, с прожилками, как у старого дерева. Голову венчал нарост, похожий на шишку, светящийся тусклым, землистым светом. Трутень поднял голову, свет вспыхнул ярче, разлился вокруг, и клещи ускорились. Значительно быстрее. Ноги мелькали, расстояние сокращалось с угрожающей скоростью.

— Ну нет, — выдохнул он. — Это уже не смешно.

Рванул. Не оглядываясь. Просто бежал, каждый шаг отзывался болью в колене, каждый вдох — болью в груди. Коридор, зал, сталактиты, мох — всё мелькало. Клещи полз-

ли за ним, цоканье становилось громче, ближе, настойчивее. Выносливость падала — пятьдесят, сорок пять, сорок. Ещё немного, и он не сможет даже идти.

Вылетел в следующий зал — и увидел воду.

Река. Неширокая — метра три, не больше. Тёмная, быстрая, с белыми барашками на поверхности. А через неё — мост. Узкий, каменный, сколоченный из плит, которые держались на арке — изогнутой, как спина зверя. Мост опасный — Огневик видел это: арка прогнулась, камень треснул в нескольких местах, любой лишний вес мог обрушить её.

Вбежал на мост.

Сзади цокали клещи. Они ползли на мост, один, второй, третий. Разворот, замах молотом — удар первого не в панцирь, а в ноги, сбивая, сбрасывая в воду. Клещ упал, вода сомкнулась над ним, унося в темноту, и он не всплыл.

— Ага! — крикнул Огневик, чувствуя, как азарт смешивается с усталостью. — Не нравится, да?

Второго — молотом. Третьего. Мост узкий, только два клеща могли ползти одновременно, и это давало преимущество. Молот врезался, сбрасывал их в воду, они не возвращались — течение уносило, быстрое и холодное, они скребли по камню, пытаясь зацепиться, но вода была сильнее.

Шестой. Седьмой. Счёт сбился. Рука болела, плечо ныло, выносливость упала до двадцати процентов, но он стоял на мосту, дышал, и клещи не могли до него добраться. Они толпились на берегу, клацали челюстями, но не решались лезть.

А потом взгляд упёрся в арку.

Камень, державший весь мост. Сводный камень — тот, что в верхней точке арки, — он держал всё. Если его убрать, арка сложится. Видел такие мосты на заводских чертежах, когда ремонтировали старые конвейеры. Принцип тот же.

Сбежал с моста. Быстро, на подгибающихся ногах, встал на берегу, развернулся и начал бить. Огненный шар за огненным шаром — в точку напряжения, в камень, который держал конструкцию. Целился точно, как в мишень на полигоне, каждый шар врезался в трещину, расширяя её.

— Ну давай, — прошептал он, чувствуя, как мана уходит, но он не останавливался. — Давай!

Арка затрещала. Камень пошёл трещинами, разбегающимися, как паутина. Ещё один удар — и мост рухнул, камни обрушились в воду, подняв фонтан брызг. Четыре клеща, которые успели переползти, остались на его стороне.

Добил их быстро. Три удара молотом — и всё. Два панциря в награду, и опыт, и тишина.

Стоял и дышал. Слышал только воду — шумную, живую. Слышал своё сердце — гулкое, быстрое. Где-то за рекой клещи ползали по берегу, но не могли перебраться — вода слишком быстрая, слишком глубокая.

Сел на камень. Закрыв глаза.

— Я жив, — прошептал он. — Я жив, я...

Открыл. Вокруг — берег. Каменистый, сухой, уходящий в темноту. Вдоль реки, в одну сторону, уходил тёмный кори-

дор, оттуда тянуло сквозняком. Поднялся. Пошёл.

Коридор узкий. Стены смыкались, шёл почти боком, тьма густая, почти осязаемая, пахла пылью и сухой глиной. Шёл — и вдруг лицо коснулось чего-то липкого, невесомого. Дёрнулся, замахал руками, стирая с лица паутину.

— Тьфу, — отплёвываясь, сказал он. — Паутина. Где ж ты тут...

Хотел развернуться и уйти. Но в конце коридора, за паутиной, увидел свет. Тусклый, едва заметный, как далёкая искра в ночи. Свет жёлтый, тёплый, не похожий на холодное свечение мха. Он был живым.

Пошёл на свет.

Коридор вывел к двери. Массивной. Резной. Дверь была приоткрыта, из щели лился свет — настоящий, жёлтый, тёплый, пахнувший маслом и нагретым металлом. Толкнул.

Она открылась с тяжёлым, долгим скрипом, как старая калитка. И Огневик замер.

Перед ним — цех.

Огромный, освещённый десятками светильников на стенах, на потолке, на станках. Свет ровный, не мигающий, как будто их включили только вчера. Станки — многих он не знал, но принцип узнавал. Токарные. Фрезерные. Кузнечные горны, ещё тёплые. Рычаги, поршни, шестерни, приводы. Стеллажи, забитые металлом, кристаллами, проводкой. Големы — разобранные, собранные, замершие в полушаге, с выключенными глазами. Пыль лежала толстым слоем на

всём, паутина свисала с потолка, но сквозь неё пробивался свет, и всё это казалось сном.

Вошёл внутрь. Дверь за ним закрылась, но он не обратил внимания. Просто стоял и смотрел, и в груди росло что-то огромное, тёплое, похожее на восторг, на детскую радость, которую он не испытывал много лет.

— Это... это мастерская, — прошептал он. — Настоящая мастерская.

Шаг к стеллажу. Чертёж. Взял, развернул, глаза забежали по линиям — сложным, точным, идеальным. Голем. Боевой. С его характеристиками, схемой питания, вооружением. Плечевые турели, усиленные сервоприводы, система стабилизации. Читал чертёж, как книгу, понимая каждую деталь.

— Я... я смогу это собрать, — сказал он. — У меня есть навыки? Нет. Но я смогу. Я научусь.

Перебирал чертежи. Один. Второй. Третий. Они бесконечны, лежали на стеллажах, в сундуках, в ящиках. Не мог выбрать, потому что всё это — всё это было его. И материалы — кристаллы, сплавы, шестерни, провода. И готовые механизмы — небольшие, но работающие, которые можно разобрать и собрать заново.

Заглянул в сундук — рулоны пергамента с формулами, расчётами, схемами энергопотоков. Половину не понимал, но чувствовал — это важно. Знание, которое может изменить всё.

И вдруг увидел его.

Чертёж лежал на отдельном столе, под стеклом, в идеальной сохранности. Огневик подошёл, присел на корточки, взгляд упёрся в рисунок — огромный механический паук. Восемь ног, каждая с несколькими сочленениями, туловище, способное нести груз на спине, агрессивный дизайн, оружие на корпусе — магические турели, усиленные бронеплиты. Паук смотрел с чертежа, и в этом взгляде — угроза и мощь.

— Десять человек, — прошептал он, водя пальцем по линиям. — Ты можешь везти десять человек. Ты...

Замолк. Свет падал на чертёж, и Огневик стоял в центре цеха, один, в окружении механизмов, которые ждали его. Эта находка — не случайна. Она изменит всё.

Смотрел на паука, и в голове уже рождались мысли — как собрать, чем питать, как управлять. Но сейчас, в эту секунду, просто стоял и смотрел, и сердце колотилось, и воздух в мастерской был густым от пыли и чуда.

Сколько прошло — час, два? Огневик не знал. Пальцы дрожали, взгляд прирос к чертежу. Мысль билась одна: этот паук — его. Когда-нибудь. Если хватит сил. Если удастся выбраться отсюда.

А пока — только тишина, свет и рисунок, который смотрел на него восемью глазами, и в этих глазах была вечность.